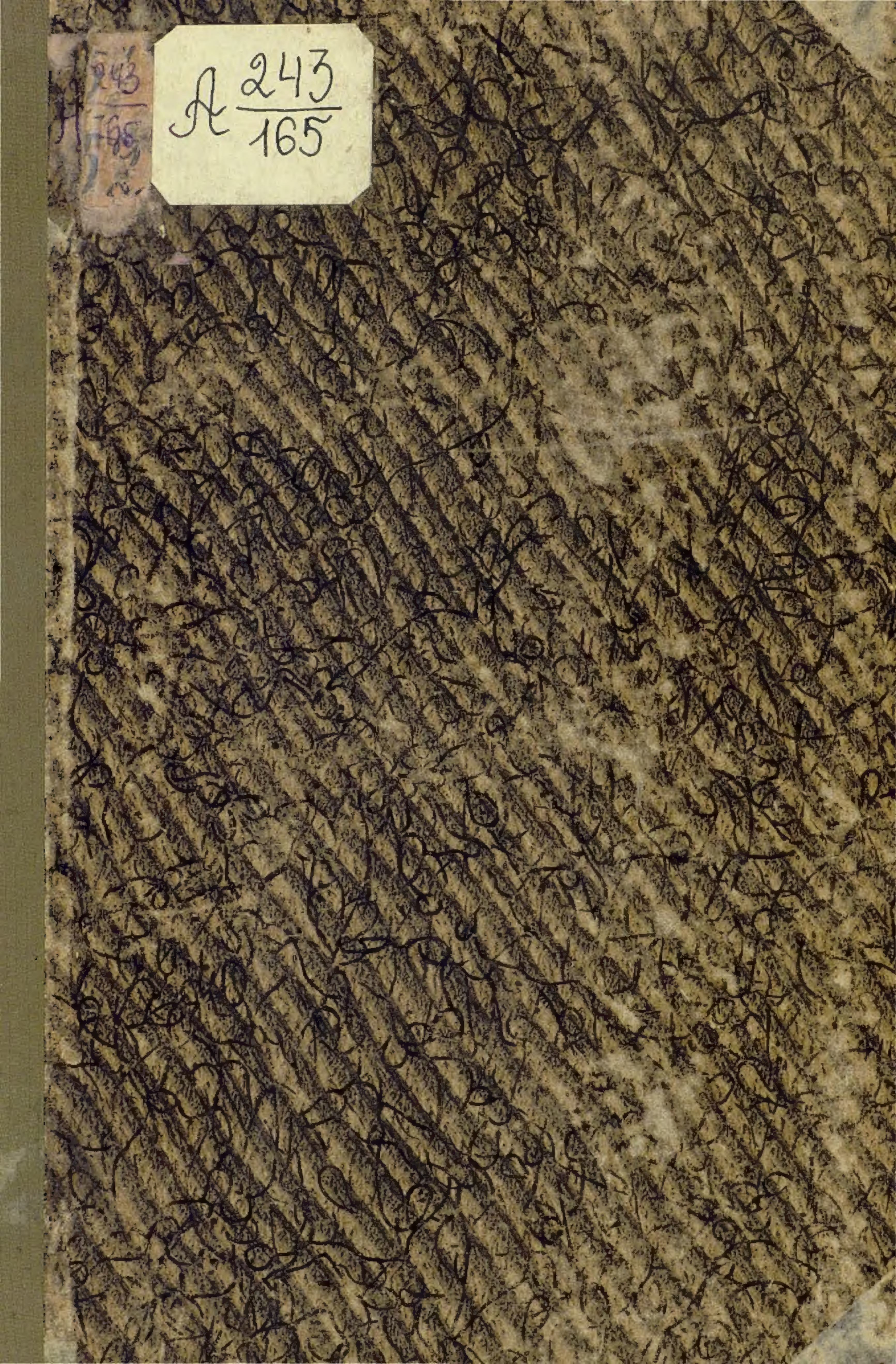


Отъ автора.

РАЗЫСКАНІЯ ПО ИСТОРІИ

ПРИКРѢПЛЕНІЯ ВЛАДѢЛЬЧЕСКИХЪ КРЕСТЬЯНЪ

ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ

XVI—XVII вв.

ОТЗЫВЪ

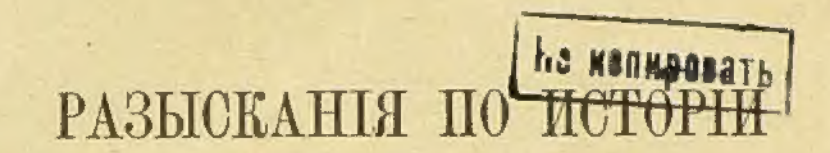
А. Лаппо-Данилевскаго

о книгѣ М. Дьяконова: «Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ» (XVI—XVII вв.) С.-Петербургъ, 1898 г.

Отдѣльный оттискъ изъ «Отчета о XLI присужденіи наградъ графа Уварова».

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 л., № 12.
1900.

Отъ автора.



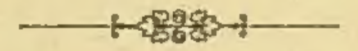
РАЗЫСКАНІЯ ПО ИСТОРІИ ПРИКРѢПЛЕНІЯ ВЛАДѢЛЬЧЕСКИХЪ КРЕСТЬЯНЪ ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ XVI—XVII вв.

ОТЗЫВЪ

А. Лаппо-Данилевскаго

о книгѣ М. Дьяконова: «Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ» (XVI—XVII вв.) С.-Петербургъ, 1898 г.

Отдѣльный оттискъ изъ «Отчета о XLI присужденіи наградъ графа Уварова».





САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 л., № 12.
1900.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Ноябрь 1900 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

Разысканія по исторіи прикрѣпленія владѣльческихъ крестьянъ въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв.

Отзывъ **А. Лаппо-Данилевскаго**

о книгѣ М. Дьяконова: «Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ» (XVI—XVII вв.). С.-Петербургъ, 1898 г.

I.

Русская исторія, благодаря извѣстному археографическому путешествію П. Строева, обогатилась въ 1828—34 годахъ множествомъ документовъ, въ числѣ которыхъ было не мало матеріаловъ и для изученія положенія сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ. Появленіе ихъ вмѣстѣ съ другими однородными съ ними источниками въ первыхъ же изданіяхъ Археографической Коммиссіи въ то время, когда уже начали дѣйствовать комитеты по ограниченію крѣпостного права (1829—1848 г.), вскорѣ обратило на себя вниманіе нашихъ изслѣдователей. Возраставшій интересъ къ народности и извѣстные споры изъ за русской общины между славянофилами и западниками усилили вниманіе русскихъ археографовъ и историковъ къ подобнаго рода памятникамъ: вслѣдъ за актами юридическими (1838 г.) и другими изданіями первыхъ годовъ дѣятельности коммиссіи начали выходить въ свѣтъ акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи (1857—1884), не говоря объ остальныхъ менѣе важныхъ сборникахъ. Почти одновременно стали печатать и писцовыя книги разныхъ уѣздовъ, источникъ, содержащій драгоцѣнный матеріалъ для уясненія отношеній крестьянъ не только къ землевладѣльцамъ, но и къ государству. Наконецъ, въ послѣдніе годы, когда въ нашей литературѣ утвердились новые взгляды на крестьянскую волость и на самый ходъ прикрѣпленія крестьянъ, открыты

были и новые матеріалы по ихъ исторіи, появившіеся частью въ обработкѣ, частью въ сыромъ видѣ въ изданіяхъ Археографической Коммиссіи и частныхъ лицъ (записныя книги служилыхъ кабалъ и другихъ крѣпостныхъ актовъ на людей, а также писцовыя книги). До недавняго времени, однако, мы не имѣли ни одного систематическаго сборника актовъ, касающихся исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ; а между тѣмъ въ центральныхъ архивахъ хранится не мало бумагъ, въ которыхъ можно подыскать такой матеріалъ. Лишь четыре года тому назадъ появились «Акты, относящіеся къ исторіи тяглаго населенія въ Московскомъ государствѣ» (вып. I, Юрьевъ, 1895; вып. II, Юрьевъ, 1897 г.), собранные и изданные подъ редакціей М. А. Дьяконова, представившаго это изданіе вмѣстѣ съ своимъ изслѣдованіемъ о «сельскомъ населеніи въ Московскомъ государствѣ» (СПб. 1898 г.) въ Академію Наукъ на соисканіе Уваровской преміи.

Г. Дьяконовъ не устрашился долговременнаго и тяжелаго труда, сопряженнаго съ архивными разысканіями, и обогатилъ нашу археографію весьма цѣннымъ сборникомъ документовъ, затерянныхъ въ мало извѣстныхъ рукописяхъ самаго разнообразнаго содержанія. Хотя г. Дьяконовъ въ своемъ изданіи почти вовсе не далъ новыхъ матеріаловъ по исторіи холопства, и помѣстилъ очень мало актовъ, укрѣплявшихъ тѣ ограниченные виды зависимости, которые близко подходили къ разряду крѣпостныхъ, но за то онъ много мѣста удѣлилъ, главнымъ образомъ, крестьянскимъ порядньмъ, грамотамъ и записямъ; такимъ образомъ его собраніе не случайнаго происхожденія, а результатъ систематическаго просмотра множества рукописей и удачнаго выбора изъ нихъ тѣхъ типовъ, которые въ научномъ отношеніи оказываются почему либо особенно характерными. Съ свѣжимъ и важнѣйшимъ матеріаломъ по исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв. можно, слѣдовательно, ознакомиться не только въ извлеченіяхъ или въ научной переработкѣ г. Дьяконова, но и въ цѣломъ видѣ благодаря изданнымъ имъ «актамъ», гдѣ впервые напечатано до 195 документовъ разнороднаго содержанія; въ томъ числѣ до 34 №№ относятся къ XVI в., а всѣ остальные къ XVII-му столѣтію. Кромѣ нѣсколькихъ актовъ, касающихся исторіи холопства, напримѣръ, двухъ жилецкихъ записей въ холопство (II, №№ 70 и 76), челобитной о запрещеніи продавать въ холопство (II, № 78) и записи по поводу выкупа изъ холопства сына боярскаго (II, № 83), въ сборникахъ г. Дьяконова можно найти множество порядныхъ и жилецкихъ записей во крестьянство, а также весьма любопытную «подможную запись» (I, № 3); благодаря тому же изданію мы впервые знакомимся съ цѣлой серіей ссудныхъ записей, до сихъ поръ очень рѣдко появлявшихся

въ печати[1]) и къ числу уже изданныхъ поручныхъ можемъ добавить нѣсколько новыхъ документовъ подобнаго же рода. Не довольствуясь вышеозначеннымъ матеріаломъ, г. Дьяконовъ напечаталъ еще не мало актовъ, укрѣплявшихъ разнаго рода сдѣлки надъ крестьянами, въ томъ числѣ, напримѣръ, весьма цѣнную запись 1598 г., свидѣтельствующую о томъ, какъ землевладѣльцы уже въ то время распоряжались крестьянами безъ земли, а также довольно много поступныхъ и сдѣлочныхъ на крестьянъ, заключенныхъ въ первой половинѣ XVII в. (не говоря о купчихъ позднѣйшаго времени); къ нимъ онъ присоединилъ еще любопытную запись помѣщика своему крестьянину (вып. II, № 40) и нѣсколько отпускныхъ. Сборникъ актовъ, изданныхъ г. Дьяконовымъ представляетъ, какъ видно, цѣнный вкладъ въ нашу археографическую литературу.

Такъ какъ отпечатанные акты найдены были г. Дьяконовымъ большею частью въ записныхъ приказныхъ книгахъ крестьянскихъ порядныхъ записей и кабалъ, то онъ и даетъ въ предисловіи къ своему изданію краткое перечисленіе содержащихся въ нихъ документовъ, не останавливаясь, однако, на точномъ описаніи самихъ книгъ въ цѣломъ ихъ видѣ; остальные сборники и связки, изъ которыхъ г. Дьяконовъ почерпнулъ свои акты, онъ оставилъ безъ всякаго описанія. Въ виду того, что содержаніе ихъ извѣстно, намъ лишь отчасти, трудно, конечно, судить, вполнѣ ли удачно сдѣланъ изъ нихъ выборъ матеріаловъ, появившихся въ печати[2]); можно только пожалѣть о томъ, что редакторъ сборника опустилъ нѣкоторые акты, укрѣплявшіе разнаго рода частныя сдѣлки, весьма важныя для исторіи прикрѣпленія крестьянъ; такъ напримѣръ, въ одной изъ записныхъ книгъ мы встрѣчаемъ ссудную запись, выданную господиномъ своему холопу съ обязательствомъ «платить ему тягло безъ ослушанія» или запись гулящаго человѣка, которая, одновременно оказывается и заемной кабалой и жилой на срокъ, хотя бы порядчикъ женился на «дворовой дѣвкѣ» своего господина[3]). Акты подобнаго рода имѣютъ едва ли не большее значеніе для исторіи «сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ», чѣмъ нѣкоторыя изъ поручныхъ или «грамотъ» появившихся въ обоихъ выпускахъ разбираемаго нами изданія. Слѣдуетъ также имѣть въ виду, что акты, упоминаемые въ отпечатанныхъ г. Дьяконовымъ нумерахъ и на-

1) А. Ю., № 203, II.

2) Такъ какъ до сихъ поръ бумаги, которыми пользовался г. Дьяконовъ, или вовсе не описаны или описаны безъ всякихъ научныхъ пріемовъ, то и естественно, что редактору актовъ не всегда удавалось воспользоваться оригиналами ихъ, хотя бы они и существовали въ тѣхъ или другихъ серіяхъ бумагъ, на что уже указалъ г. Шумаковъ въ изданныхъ имъ «Тверскихъ актахъ»; см. вып. II, Тверь, 1896 г., стр. 252.

3) Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, Книга по Нижнему Новгороду № 41; оба акта, на анализѣ которыхъ мы остановимся нѣсколько ниже, относятся къ концу XVII-го вѣка.

ходившіеся въ однихъ съ ними книгахъ, иногда все же не попали въ сборникъ г. Дьяконова (вып. I, № 37 и № 49). Самъ издатель при этомъ считалъ себя въ правѣ «извлеченныя изъ записныхъ книгъ порядныя издавать не всѣ цѣликомъ, опуская въ большинствѣ случаевъ приказныя сказки, такъ какъ здѣсь кратко повторяется то, что стоитъ въ порядныхъ, и обыкновенно помѣщается описаніе примѣтъ порядчика» (вып. I, стр. VIII). Дѣйствительно, въ печатаемыхъ актахъ иногда отсутствуютъ тексты, выпущенные при изданіи (вып. I, №№ 34 и 75; вып. II, № 1).

Впрочемъ, пропуски подобнаго рода едва ли особенно существенны. Болѣе крупнымъ, хотя и чисто внѣшнимъ недостаткомъ изданія слѣдуетъ считать то, что датировка и заглавія актовъ не предшествуютъ каждому изъ нихъ порознь, а отнесены къ оглавленію; такой пріемъ затрудняетъ пользованіе актами; при передачѣ ихъ, повидимому, не всегда отличающейся желательной точностью, г. Дьяконову слѣдовало бы также упомянуть, какого правописанія онъ придерживался (судя по частнымъ случаямъ, оно сильно подновлено въ разсматриваемомъ изданіи) и не употреблять курсива въ текстѣ тамъ, гдѣ онъ указываетъ на научныя впечатлѣнія самого издателя[1]). Нельзя не пожалѣть также объ отсутствіи указателей и алфавитныхъ росписей разновидностей отпечатанныхъ актовъ.

Во всякомъ случаѣ, изданіе г. Дьяконова — одна изъ первыхъ попытокъ довольно полнаго собранія матеріаловъ по исторіи сельскаго населенія Московскаго государства, главнымъ образомъ въ XVII вѣкѣ; большую цѣнность изданію придаетъ и хронологическій перечень ранѣе напечатанныхъ порядныхъ и ссудныхъ 7052—7207 гг. въ количествѣ 133 №№ (вып. I, стр. 79—85). Трудно предполагать, конечно, чтобы въ ней не было никакихъ пробѣловъ: въ числѣ описанныхъ актовъ не упомянута, напримѣръ, весьма любопытная ссудная запись, выданная въ 1642 г. С. И. Волковымъ своему дворовому человѣку Н. Иванову при поступленіи его въ крестьяне[2]); такіе пробѣлы, однако, становятся замѣтными лишь благодаря «перечню», все же отличающемуся рѣдкою полнотой.

Широко пользуясь актовымъ матеріаломъ г. Дьяконовъ въ гораздо меньшей мѣрѣ использовалъ тѣ данныя, которыя можно собрать въ писцо-

---

1) С. Шумаковъ, Рецензія на «акты» изд. М. Дьяконовымъ въ Журн. Юридич. Обозр., за 1896, № 4, стр. 7. Авторъ рецензіи свѣрилъ документы, отпечатанные проф. М. Дьяконовымъ въ вып. I, №№ 58 и 62 съ оригиналами, причемъ въ печатномъ текстѣ нашелъ нѣсколько существенныхъ уклоненій отъ чтенія подлинниковъ. Случаи подобнаго рода, вѣроятно, объясняются тѣмъ, что г. Дьяконовъ не имѣлъ подъ руками оригинальныхъ текстовъ во время печатанія, такъ что не свѣрялъ ихъ съ корректурами, правило, соблюденіе котораго вообще, конечно, слѣдуетъ признать желательнымъ при печатаніи старинныхъ бумагъ. Примѣръ курсива см. въ вып. I, № 3.

2) Влад. Губ. Вѣд. за 1858 г., № 7.

выхъ книгахъ Московскаго государства XVI—XVII в., большею частью остающихся еще не напечатанными. Такъ напримѣръ, при изученіи вопроса объ увеличеніи численности бобылей и задворныхъ людей въ XVII в. г. Дьяконовъ прибѣгъ къ довольно случайнымъ выпискамъ (стр. 225, 268), едва ли достаточнымъ для его рѣшенія; просмотръ хотя бы нѣсколькихъ описаній, относящихся къ разному времени въ немногихъ уѣздахъ, вѣроятно, избавилъ бы сочиненіе г. Дьяконова отъ нѣкоторыхъ пробѣловъ и одностороннихъ заключеній, недавно указанныхъ въ одной изъ рецензій на его книгу (см. ниже).

Нельзя не пожалѣть, наконецъ, что г. Дьяконову остались неизвѣстными тѣ акты XIII—XVII вв., которые представлены были въ Разрядный приказъ служилыми людьми по отмѣнѣ мѣстничества и отчасти появились въ печати одновременно съ его книгой[1]). Между ними есть не мало весьма цѣнныхъ свѣдѣній по вопросамъ, ближайшимъ образомъ соприкасающимся съ исторіей сельскаго населенія, какъ она поставлена въ разбираемомъ сочиненіи.

II.

Въ научной обработкѣ матеріала, частью ранѣе извѣстнаго, частью впервые извлеченнаго г. Дьяконовымъ изъ архивовъ, нашъ авторъ имѣлъ, конечно, не мало предшественниковъ. Начиная съ работъ И. Бѣляева и Б. Чичерина въ нашей литературѣ можно указать нѣсколько основательныхъ трудовъ по исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ. Въ большинствѣ изъ нихъ, однако, нельзя найти ни полноты матеріала, ни детальнаго анализа многихъ существенныхъ явленій въ исторіи нашего крестьянства, напримѣръ хода прикрѣпленія крестьянъ, въ частности, прикрѣпленія ихъ къ тяглу. Бытовые факторы въ процессахъ подобнаго рода давно обратили на себя вниманіе нѣкоторыхъ изъ важнѣйшихъ представителей нашей исторіографіи. Такъ, напримѣръ, уже И. Болтинъ указывалъ на значеніе фактическихъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ и на обычай, какъ на явленія, оказавшія существенное вліяніе если не на возникновеніе прикрѣпленія къ землѣ, которое онъ считалъ лишь исходнымъ моментомъ въ образованіи крѣпостного права, то по крайней мѣрѣ на послѣдующее его развитіе[2]). Точка зрѣнія, съ которой И. Болтинъ смотрѣлъ на ходъ прикрѣпленія крестьянъ, долгое время, однако, оставалась

1) Акты XIII—XVII вв., представленные въ Разрядный приказъ и проч., собранные и изданные А. Юшковымъ въ Чт. Моск. Общ. Ист. и Древ., за 1898 г., кн. 2—4.

2) «Въ старину, писалъ И. Болтинъ въ своихъ примѣчаніяхъ на исторію Леклерка, крестьяне пользовались вольнымъ переходомъ (въ Юрьевъ день). Запрещеніемъ крестьянамъ перехода отъ одного помѣщика къ другому положено начало ихъ рабства: крестьяне

въ пренебреженіи въ нашей исторіографіи. Гораздо позднѣе М. Погодинъ, не упоминая о мнѣніи своего предшественника коснулся того же предмета: «рабство, по его мнѣнію, закралось къ намъ изподтишка: виноватъ не Борисъ Годуновъ, ...а больше всего народный характеръ, кроткій, смирный и терпѣливый до крайностей...»; что же касается извѣстнаго указа 1597 года, то въ немъ лишь «была опредѣлена давность, съ которой помѣщики могли отыскивать своихъ бѣглыхъ крестьянъ» [1]). Тѣмъ не менѣе и послѣ М. Погодина долго никто не подвергалъ его замѣчанія надлежащему разбору; лишь спустя нѣсколько десятилѣтій появились извѣстныя статьи проф. В. О. Ключевскаго [2]): въ его блестящей попыткѣ выяснить процессъ прикрѣпленія крестьянъ смѣло намѣчена та исходная точка зрѣнія, которую г. Дьяконовъ приложилъ въ своихъ историческихъ разысканіяхъ по цѣлому ряду болѣе частныхъ вопросовъ. «Крѣпостное право въ Россіи, по мнѣнію проф. В. О. Ключевскаго, было создано не государствомъ, а только съ участіемъ государства: послѣднему принадлежали не основанія права, а его границы» [3]). Г. Дьяконовъ, хотя

поселенные на земляхъ помѣщичьихъ стали быть крѣпки помѣщикамъ не сами по себѣ какъ холопы, но по землѣ, не имѣя воли ея оставить. Запрещеніе перехода обратили владѣльцы въ свою пользу и распространили власть свою надъ крестьянами; стали принуждать ихъ къ платежу большаго оброка и требовать отъ нихъ работъ излишнихъ. Крестьяне будучи связаны не смѣли имъ отказать ни въ томъ ни въ другомъ, чтобы не почтено было то за ослушаніе, противность, бунтъ; понеже законъ отнявшій отъ нихъ волю перехода, не предписалъ мѣры работы ихъ и повинностей...» Крестьяне стали разсматриваться мало по малу помѣщиками какъ ихъ вещь... «Первый поводъ къ продажѣ по одиночкѣ подалъ владѣльцамъ наборомъ рекрутъ съ числа дворовъ, показавъ тѣмъ дорогу, что можно ихъ отдѣлять отъ земли и отъ семействъ по одиночкѣ. Указъ сравнившій помѣстья съ вотчинами и вскорѣ потомъ послѣдовавшая подушная перепись, которою и холопы безъ различія кабальныхъ отъ полныхъ поверстаны въ одинаковый окладъ съ крестьянами утвердили владѣльческое притяженіе присвоить надъ тѣми и другими одинакопое властительства право... Нѣтъ закона дѣлающаго лично крестьянъ помѣщикамъ крѣпостными: обычай мало по малу введенной обращать ихъ въ дворовыхъ людей прямо въ противность уложенныя статьи о семъ и подъ названіемъ дворовыхъ продавать, продавать ихъ по одиночкѣ съ начала былъ терпимъ, послабляемъ, превратно толкуемъ, обратился, наконецъ, чрезъ долговременное употребленіе въ законъ»... (И. Болтинъ, Примѣчанія на исторію г. Леклерка, Спб. 1788 г., т. I, стр. 332; т. II, стр. 209—210).

1) М. Погодинъ, Должно ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостного права? въ «Русской Бесѣдѣ» за 1858 г., № 4, стр. 120, 122.

2) Слѣдуетъ замѣтить, впрочемъ, что такой же взглядъ былъ высказанъ не задолго до появленія статей В. Ключевскаго г-жею Ефименко. «Центръ закрѣпостительнаго процесса, читаемъ мы въ ея изслѣдованіяхъ, двигался не въ направленіи прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, а въ направленіи отобранія (sic) правъ свободнаго человѣка и экономическаго закабаленія» (А. Ефименко, Изслѣдованія народной жизни, вып. 1, М., 1881 г., стр. 277). Вышеприведенное мнѣніе г-жи Ефименки въ его общей формулировкѣ оставалось, однако, не обоснованнымъ и не развитымъ до появленія сочиненія проф. Ключевскаго; ср. I. Engelmann, Die Leibeigenschaft in Russland, Leipz., 1884.

3) В. Ключевскій, Происхожденіе крѣпостного права въ «Рус. Мысли» за 1885, кн. X, стр. 46.

нигдѣ въ своихъ очеркахъ и не высказался опредѣленно, однако, повидимому, придерживается аналогичнаго мнѣнія, формулируя его, впрочемъ, съ большею осторожностью и въ болѣе частныхъ выводахъ. «Какъ ни важны свѣдѣнія писцовыхъ книгъ о сельскомъ населеніи государства, пишетъ, напримѣръ, нашъ авторъ, они, однако, оставляютъ многое темнымъ и не разъясненнымъ въ цѣломъ рядѣ вопросовъ»..; отвѣтъ на нихъ можно получить только изучая практику, бытъ, чтобы извлечь отсюда какія-нибудь указанія на господствующія обычныя правила» (стр. 243). Съ подобной же точки зрѣнія г. Дьяконовъ смотритъ и на отдѣльные случаи правительственной практики, убѣждающіе насъ «въ правильности предположенія, что тяглые люди со второй половины XVI вѣка считаются крѣпкими тяглу и правомъ перехода не пользуются». Такое правило, однако, по мнѣнію нашего автора, не было формулировано въ теченіе всего XVI вѣка; «но это и не должно удивлять насъ. Въ эпохи, не знакомыя съ идеей законодательнаго творчества, всегда наблюдается бѣдность формулированныхъ общихъ правилъ. Указы, уставы и законодательные сборники Московской эпохи не объемлютъ всего дѣйствовавшаго права; значительная часть его попадаетъ въ уставы или указы гораздо позднѣе своего возникновенія: каждой юридической нормѣ, до ея письменной формулировки, предшествуетъ длинная практика. А не малая часть дѣйствовавшихъ въ Москвѣ правилъ такъ и осталась не оформленной» (стр. 9—10). Въ связи съ подобнаго рода выводами находится и болѣе общее положеніе г. Дьяконова о томъ, что «неполнота въ законахъ, пробѣлы въ указахъ на каждомъ шагу пополняются въ Московскомъ правѣ практикой, которая можетъ и вовсе не найти отраженія въ законѣ (стр. 284). Практика, сказывавшаяся въ обычаѣ или въ правительственной дѣятельности, вызванной частными случаями, какъ видно, по мнѣнію г. Дьяконова, частью пополняла Московское законодательство, частью подготовляла выработку новыхъ законодательныхъ нормъ. Благодаря такому взгляду г. Дьяконову удалось гораздо шире поставить свою тему и глубже разработать её. Не соглашаясь съ абсолютнымъ характеромъ, нѣкоторыхъ изъ вышеприведенныхъ утвержденій (напр. на стр. 9—10), все же можно сказать, что г. Дьяконовъ изучаетъ старинныя правоотношенія, а не однѣ нормы ихъ, сказывавшіяся или опредѣленныя въ законѣ. При подобной постановкѣ темы г. Дьяконовъ получаетъ ключъ къ уразумѣнію многихъ темныхъ явленій въ соціальной исторіи того времени. Значеніе старины, какъ важнаго фактора въ процессѣ прикрѣпленія, просмотрѣнное многими изъ нашихъ историковъ-юристовъ и юристовъ-историковъ (на нее, впрочемъ, мимоходомъ указывали Б. Н. Чичеринъ и В. О. Ключевскій), напримѣръ, не ускользнуло отъ вниманія г. Дьяконова. Благодаря тому же пріему ему удалось доказать, что «большинство порядныхъ

вовсе не объемлетъ всѣхъ условій поряда» (стр. 103), а также, что «порядокъ составленія записей въ крестьянство остался вопреки Уложенію въ полной силѣ до конца XVII вѣка и вовсе не былъ измѣненъ Уложеніемъ» (стр. 83, 85, 123 и 133). Такимъ же путемъ получены г. Дьяконовымъ и многіе другіе выводы, какъ напримѣръ: что «при столкновеніи правъ на одного и того же крестьянина праву по старинѣ отдавалось преимущество передъ порядною записью» (стр. 95); что владѣльцы добровольно отказывались отъ исковъ о бѣглыхъ (стр. 88—89); что «законодатель, стремившійся достичь большей опредѣленности въ искахъ о бѣглыхъ крестьянахъ, разными мѣрами создавалъ новые поводы къ дальнѣйшему осложненію дѣла»... (стр. 55) и т. п. Самое изученіе такихъ чрезвычайно любопытныхъ переходныхъ состояній какъ задворное холопство или зависимость, превращавшая вольнаго человѣка въ «дѣтеныша», стало доступнымъ для г. Дьяконова благодаря тому взгляду, какого онъ придерживается на московское законодательство; примѣняя общее свое положеніе къ частному случаю, онъ приходитъ къ заключенію, что «пробѣлы въ указахъ о задворныхъ людяхъ на каждомъ шагу пополнялись въ Московскомъ правѣ практикой, которая могла и вовсе не найти отраженія въ законѣ». Съ указанной точки зрѣнія г. Дьяконовъ обращается къ изслѣдованію ея особенностей и достигаетъ цѣлаго ряда новыхъ выводовъ о состояніи задворныхъ людей и подобныхъ имъ въ монастырскихъ хозяйствахъ дѣтенышахъ.

Самая тема, изученію которой посвящены очерки г. Дьяконова, едвали, однако, намѣчена имъ вполнѣ ясно, что и вызываетъ нѣкоторое недоумѣніе въ читателѣ. Въ заглавіи книги нечего искать отвѣта на этотъ вопросъ, ибо подъ «очерками по исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ», можно, очевидно, разумѣть множество разсужденій о самыхъ разнообразныхъ отрасляхъ его жизнедѣятельности. Болѣе ясныя указанія на избранную авторомъ тему мы встрѣчаемъ въ коротенькомъ предисловіи, которое онъ присовокупилъ къ своей книгѣ. «Исторія тяглаго населенія въ Московскомъ государствѣ, читаемъ мы здѣсь, далека еще отъ своего завершенія. Самый выпуклый фактъ этой исторіи—закрѣпощеніе тяглыхъ людей —до сихъ поръ раздѣляетъ изслѣдователей болѣе чѣмъ на два лагеря. Вопросы о причинахъ, о времени, степени и свойствахъ прикрѣпленія не находятъ согласнаго рѣшенія. Съ другой стороны до сихъ поръ не выясненъ и самый составъ тяглаго населенія... Настоящіе очерки посвящены нѣкоторымъ изъ указанныхъ вопросовъ...» (стр. I). Нѣсколько ниже, однако, авторъ иначе формулируетъ основную задачу своего труда: «главная цѣль его, пишетъ онъ въ томъ же предисловіи, заключалась въ изученіи отдѣльныхъ разрядовъ сельскаго населенія и отношенія каждаго изъ нихъ къ государственному тяглу за время XVI—XVII вѣковъ» (стр. II). Насколько

мы понимаемъ приведенные отрывки, г. Дьяконовъ имѣлъ такимъ образомъ въ виду частью остановиться на «изученіи отдѣльныхъ разрядовъ сельскаго населенія», частью выяснить «причины» прикрѣпленія и его ходъ. Нельзя сказать, однако, чтобы такія темы были вполнѣ однородными. Самъ авторъ признаетъ, что ему «не пришлось коснуться всѣхъ разрядовъ тяглаго населенія» (стр. II); и дѣйствительно, въ его книгѣ, посвященной исторіи сельскихъ жителей Московскаго государства, свѣдѣнія о государственныхъ крестьянахъ и однодворцахъ отсутствуютъ, нѣтъ извѣстій и о нѣкоторыхъ менѣе крупныхъ общественныхъ группахъ того же слоя. Слѣдовательно, очерки г. Дьяконова посвящены разработкѣ исторіи не сельскаго населенія Московскаго государства вообще, а тѣхъ крестьянъ, которые жили на частновладѣльческихъ земляхъ [1]). Изучая вопросъ о прикрѣпленіи ихъ, авторъ «очерковъ», однако, едва касается причинъ такого явленія: анализа духовнаго состоянія, а главное экономическаго положенія сельскихъ классовъ, сидѣвшихъ на частновладѣльческихъ земляхъ, мы не найдемъ въ книгѣ г. Дьяконова: онъ въ сущности не подвергаетъ изслѣдованію самого возникновенія зависимыхъ отношеній земледѣльцевъ отъ землевладѣльцевъ, обнаружившихся въ задолженности крестьянъ, старинѣ и тому подобныхъ явленіяхъ. Самъ авторъ замѣчаетъ, напримѣръ, что онъ «не касается той роли, какую подмога и ссуда сыграли въ исторіи крестьянскаго прикрѣпленія», и «обращаетъ вниманіе лишь на то вліяніе, которое онѣ оказали на самый характеръ крестьянской крѣпости», хотя вмѣстѣ съ тѣмъ готовъ признать ихъ «чрезвычайно важное значеніе въ исторіи крестьянскаго поряда». (стр. 118). Далѣе причины и условія, вызвавшія къ жизни «институтъ старожительства» г. Дьяконовъ также отказывается подвергнуть изслѣдованію «за отсутствіемъ надлежащихъ данныхъ для Московской Руси» (стр. 72 и 74; ср. ниже), а развитіе власти господъ надъ своими крестьянами, не мало способствовавшее водворенію крѣпостническихъ отношеній между ними, еле затрагиваетъ въ одномъ мѣстѣ своей книги (стр. 78). Лишь тѣ причины, которыя лежали не столько въ условіяхъ крестьянскаго быта, сколько въ правительственной политикѣ по вопросамъ о записи тяглецовъ въ книги, о бѣглыхъ и т. п. разсмотрѣны г. Дьяконовымъ довольно подробно, что, однако, не восполняетъ указаннаго пробѣла и нѣсколько противорѣчитъ исходной точкѣ зрѣнія автора. Итакъ, въ его книгѣ мы въ сущности находимъ рядъ изслѣдованій не столько о причинахъ прикрѣпленія, сколько объ его процессѣ. Ниже мы еще увидимъ, удобно-ли такъ разъединять одно явленіе отъ другого. Впрочемъ, даже и въ такой постановкѣ тема, избран-

1) Одна лишь глава о половникахъ (стр. 147—199) съ перваго взгляда какъ будто противорѣчитъ сдѣланному нами заключенію; но половниковъ г. Дьяконовъ разсматриваетъ какъ классъ крестьянъ, сидѣвшихъ на чужой землѣ частнаго владѣльца.

ная г. Дьяконовымъ, требуетъ разъясненій. Авторъ, какъ намъ кажется, слишкомъ мало различаетъ два процесса въ ходѣ прикрѣпленія; одинъ изъ нихъ мы можемъ назвать развитіемъ частной зависимости земледѣльца отъ землевладѣльца, другое — государственнымъ прикрѣпленіемъ сельскаго населенія къ тяглу[1]). Намъ кажется необходимымъ различать одинъ процессъ отъ другого потому, что они въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ были обратно-противоположны другъ другу. Г. Дьяконовъ обратилъ слишкомъ мало вниманія на указанное нами различіе: смѣшеніе обоихъ процессовъ въ очеркахъ г. Дьяконова отозвалось и на ясности ихъ построенія, а можетъ быть, какъ увидимъ ниже, и на нѣкоторыхъ изъ его выводовъ.

Большинство замѣчаній, сдѣланныхъ нами выше, предвосхитилъ самъ г. Дьяконовъ, признавшій въ своемъ предисловіи, «что предлагаемые имъ очерки не могутъ претендовать на полноту, а вся книга рискуетъ вызвать впечатлѣніе отрывочности» (стр. 2). Свойство, указанное авторомъ, дѣйствительно, обнаруживается даже во внѣшнемъ видѣ книги, лишенной всякаго руководящаго введенія и заключенія, а также въ расположеніи отдѣльныхъ главъ, которое, съ перваго взгляда легко можетъ показаться довольно случайнымъ. Такое впечатлѣніе должно, однако, нѣсколько разсѣяться, если обратить вниманіе на отношеніе ихъ къ «главной» темѣ разбираемаго труда. Г. Дьяконовъ, какъ мы видѣли, задался цѣлью изучить прикрѣпленіе къ тяглу того сельскаго населенія, которое сидѣло на частновладѣльческихъ земляхъ Московскаго государства въ XVI—XVII вв. Эта тема естественно распалась на двѣ второстепенныхъ: съ одной стороны надо было выяснить, какимъ образомъ группы тяглаго населенія были прикрѣплены каждая къ своему тяглу; съ другой — надлежало обратиться къ изученію тѣхъ слоевъ сельскаго населенія, которые, не будучи тяглыми, стали таковыми благодаря самому процессу прикрѣпленія къ тяглу. Главы труда г. Дьяконова о крестьянахъ старожильцахъ, новопорядчикахъ и половникахъ можно отнести къ первой изъ указанныхъ нами частей; очерки же, посвященные изученію общественнаго положенія бобылей, первоначально, по мнѣнію автора, не тянувшихъ тягла, задворныхъ людей и монастырскихъ дѣтенышей — ко второй. Сочиненіе г. Дьяконова, какъ видно, не представляетъ совершенно разрозненныхъ частей: въ каждой изъ нихъ авторъ развиваетъ тѣ второстепенные мотивы, на которые естественно распадается главная тема его труда. Книгѣ г. Дьяконова нельзя, поэтому, отказать въ нѣкоторомъ единствѣ содержанія; можно пожалѣть лишь о томъ, что самъ авторъ мало позаботился о выясненіи читателю «главной» темы сво-

---

1) Во избѣжаніе терминологическихъ ошибокъ мы предпочитаемъ первый изъ нихъ называть «частнымъ», а не «личнымъ» прикрѣпленіемъ: послѣднее можно понимать въ гораздо болѣе узкомъ смыслѣ.

ихъ очерковъ и того общаго плана, который онъ положилъ въ ихъ основу, а также что онъ слишкомъ мало держался его при разработкѣ частностей. Такъ напримѣръ, опредѣляя отношенія крестьянъ-тяглецовъ къ тяглу главнымъ образомъ путемъ стѣсненія перехода на основаніи старины или поряда и изучая распространеніе подобнаго рода стѣсненій въ концѣ XVI и въ XVII в. на лицъ, дотолѣ свободныхъ отъ него, г. Дьяконовъ смѣшиваетъ процессъ частнаго закрѣпленія съ государственнымъ: къ первому относятся такія явленія какъ порядъ, а отчасти и старина, ко второму отдѣльныя правительственныя мѣры ограниченія свободнаго передвиженія, а также указы о бѣглыхъ. Описаніе вышеназванныхъ процессовъ довольно произвольно размѣщено въ первыхъ главахъ сочиненія г. Дьяконова; такъ напр., подмога, ссуда и т. п. сдѣлки могли сами по себѣ обусловливать старину, что готовъ признать и авторъ (стр. 22); между тѣмъ разысканія его о «хозяйственной зависимости и задолженности срочнаго арендатора собственнику земли» не предшествуютъ изученію института старожильства, а слѣдуютъ за нимъ; то же самое происходитъ и относительно новоприходцевъ: состояніе ихъ предполагается извѣстнымъ до ихъ характеристики (стр. 48), а причины старожительства изучены частью въ концѣ первой главы, частью во второй (стр. 79—80), посвященной крестьянамъ новопорядчикамъ. И наоборотъ, мѣры противъ бѣглыхъ, изложенныя въ главѣ первой, также касались новопорядчиковъ, а не одныхъ старинныхъ крестьянъ, хотя къ послѣднимъ и примѣнялись строже. Постановка главной темы также лишена ясности и въ послѣднихъ очеркахъ книги г. Дьяконова: увлекаясь новыми данными, какія не рѣдко ему пришлось обнародовать впервые, онъ иногда останавливается на фактическомъ положеніи интересующихъ его разрядовъ населенія, не всегда указывая, въ какой зависимости изучаемыя имъ явленія находятся къ процессу прикрѣпленія (ср. стр. 234—238): въ такихъ случаяхъ авторъ не рѣдко упускаетъ изъ виду имъ же поставленную себѣ задачу. Нельзя не отмѣтить, наконецъ, и того, что смѣшеніемъ процесса частнаго прикрѣпленія съ государственнымъ, какое допускаетъ г. Дьяконовъ въ своемъ изслѣдованіи, вѣроятно, объясняется крупный пробѣлъ въ его построеніи: вопросъ объ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ съ точки зрѣнія гражданскаго права оставленъ безъ отвѣта; отъ фактическаго положенія крестьянъ (помѣщичьи хозяйства также оставлены безъ вниманія) авторъ какъ бы прямо перескакиваетъ къ изображенію политическихъ его послѣдствій, не подвергая анализу, напримѣръ, различныхъ видовъ юридическихъ отношеній (гражданскихъ сдѣлокъ), которыя возникали между крестьянами и землевладѣльцами, или останавливаясь на нихъ слегка лишь для того, чтобы передать «содержаніе» самихъ актовъ, а не подвергнуть ихъ научной оцѣнкѣ съ указанной нами точки зрѣнія; та-

кое впечатлѣніе, напримѣръ, производитъ на читателя «обзоръ содержанія крестьянскихъ записей», сдѣланный г. Дьяконовымъ (стр. 95 и сл.; ср., впрочемъ, стр. 132, гдѣ лучше другихъ изучена ссудная запись).

При изображеніи процесса прикрѣпленія различныхъ разрядовъ сельскаго населенія къ государственному тяглу, г. Дьяконовъ, какъ видно, изучаетъ порознь исторію каждаго изъ его слоевъ; поэтому онъ принужденъ разсматривать факторы прикрѣпленія въ довольно случайномъ размѣщеніи, что лишаетъ его возможности представить ихъ въ полномъ рельефѣ; при такихъ условіяхъ и самый процессъ прикрѣпленія въ изложеніи автора распадается на множество частныхъ явленій, не связанныхъ между собой и порождающихъ въ читателѣ то впечатлѣніе «отрывочности», которое предугадываетъ г. Дьяконовъ въ предисловіи къ своимъ «очеркамъ». Дѣйствительно, планъ г. Дьяконова, кажется, мало подходитъ къ главной темѣ его очерковъ и можетъ быть способствуетъ скорѣе ея затемнѣнію, чѣмъ выясненію, не смотря на точное и всегда обстоятельное изложеніе тѣхъ частныхъ выводовъ, которые нужны для формулировки общаго заключенія. Не претендуя писать въ данномъ случаѣ новаго изслѣдованія по исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ, мы тѣмъ не менѣе считаемъ себя въ правѣ подвергнуть сочиненіе г. Дьяконова посильной оцѣнкѣ согласно плану, который можетъ быть нѣсколько ближе будетъ удовлетворять указанному требованію, и тѣмъ не менѣе дозволитъ намъ остановиться на всѣхъ существенныхъ вопросахъ, изученныхъ г. Дьяконовымъ въ его книгѣ. Авторъ не мало сдѣлалъ указаній на фактическое положеніе сельскаго населенія, приводившее его въ зависимость отъ землевладѣльцевъ; онъ обратилъ также вниманіе на то значеніе, которое игралъ обычай, напримѣръ, старина, въ процессѣ прикрѣпленія; далѣе въ разбираемомъ трудѣ можно найти свѣдѣнія и по вопросу о томъ, въ какомъ отношеніи находилось холопское право къ тому же процессу и въ какой мѣрѣ его воздѣйствіемъ на отношенія крестьянъ къ землевладѣльцамъ слѣдуетъ объяснять «охолопленіе» многихъ изъ нихъ; наконецъ не мало мѣста въ своей книгѣ г. Дьяконовъ удѣлилъ изображенію прикрѣпленія къ государственному тяглу. Не мѣшаетъ замѣтить, что первыя три изъ перечисленныхъ явленій относятся скорѣе къ частному прикрѣпленію, тогда какъ послѣднее характеризуетъ его государственный характеръ. Въ нижеслѣдующихъ замѣчаніяхъ мы и будемъ придерживаться указаннаго нами плана, считая его болѣе цѣлесообразнымъ съ тою главною темою, которую г. Дьяконовъ положилъ въ основу своего труда.

III.

Въ какой мѣрѣ развита была крестьянская поземельная собственность въ Московскомъ государствѣ сказать, конечно, едва ли возможно, такъ какъ въ то время, отъ котораго сохранились достовѣрныя историческія свидѣтельства, значительное большинство государственной территоріи, за исключеніемъ поморскихъ уѣздовъ, находилось въ владѣніи частныхъ лицъ, не принадлежавшихъ къ крестьянскому состоянію. Хотя изрѣдка на сѣверѣ Россіи и попадались крестьяне сидѣвшіе на собственной своей землѣ, своеземцы, но такое состояніе уже въ XVI-мъ вѣкѣ постепенно исчезало: своеземцы сливались съ крестьянами черныхъ волостей или переходили въ ряды служилыхъ людей. Государственные крестьяне, сидѣвшіе на «окняженныхъ земляхъ», какъ извѣстно, все же пользовались болѣе широкими вещными правами, чѣмъ владѣльческіе, но и число черныхъ волостей въ XVI вѣкѣ не было особенно значительнымъ. Правда, не говоря о поморскихъ уѣздахъ, а также о мѣстностяхъ лежащихъ на сѣверозападъ и сѣверовостокъ отъ центра (въ областяхъ Ильмено-Невской и Прикамской), въ XVI вѣкѣ черныя волости еще оставались и въ центральной области, напримѣръ, въ уѣздахъ: Бѣлозерскомъ и Вологодскомъ, Пошехонскомъ и Галицкомъ, Ярославскомъ и Костромскомъ, Тверскомъ и Владимірскомъ, а также Ржевскомъ и Коломенскомъ; даже въ украинныхъ уѣздахъ изрѣдка (напр. въ Епифанскомъ) упоминаются «государевы земли, не розданныя въ помѣстья». Слѣдуетъ замѣтить, однако, что нѣкоторыя изъ черныхъ земель вышеназванныхъ уѣздовъ были уже «порожними» и что въ теченіе XVI-го вѣка процентъ ихъ убывалъ, иногда чрезвычайно быстро, такъ что въ самомъ центрѣ въ то время «черныя земли почти совершенно исчезли», не говоря о такихъ уѣздахъ, гдѣ мы не въ состояніи примѣтить даже и слѣдовъ ихъ [1]).

Такимъ образомъ крестьяне-собственники могли существовать нѣкогда на такихъ мѣстахъ, гдѣ впослѣдствіе водворились владѣльцы изъ другихъ слоевъ общества. Хотя о процессѣ крестьянскаго обезземеленія въ центральной области Московскаго государства мы пока почти ничего не знаемъ, но о характерѣ его можемъ судить по аналогичнымъ явленіямъ, происходившимъ на сѣверѣ; они уже ранѣе были отмѣчены въ нашей литературѣ [2]) и довольно обстоятельно изслѣдованы г. Дьяконовымъ. Изучая

---

1) Н. Рожковъ, Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI в., М. 1899 г., стр. 131, 399—401, 408, 409, 428—431, 433—434, 435.

2) А. Ефименко, Op. cit., стр. 278.

составъ половничества, авторъ натолкнулся на чрезвычайно любопытный фактъ: въ числѣ половниковъ были и крестьяне, нѣкогда владѣвшіе собственными земельными участками, но переуступившіе ихъ въ чужія руки. Уступки подобнаго рода частью вынуждены были тяжелыми условіями, въ которыя поставлено было хозяйство крестьянъ, частью происходили путемъ вкладовъ земли въ церкви и монастыри. Не имѣя чѣмъ «прокормиться», если не «продажею земляною или закладомъ», бѣднѣйшіе крестьяне повидимому иногда обращались въ половниковъ болѣе счастливыхъ своихъ сосѣдей, на что не обратилъ вниманіе г. Дьяконовъ. Такъ напримѣръ, «тогда какъ въ 1623 году у рядовыхъ крестьянъ, жившихъ въ Кевролѣ и въ Чаколѣ, совсѣмъ не было половниковъ, въ 1686 году у 6 крестьянъ оказывается 11 половниковъ. Аналогичныя явленія можно наблюдать и въ нѣкоторыхъ волостяхъ Устюжскаго уѣзда. Между тѣмъ, по мнѣнію одного изъ изслѣдователей писцовыхъ книгъ по названнымъ уѣздамъ, явленія подобнаго рода идутъ рядомъ съ увеличеніемъ мобилизаціи крестьянской собственности: въ одномъ и томъ же уѣздѣ они встрѣчаются рѣже или чаще, смотря потому, насколько устойчива крестьянская вотчина, что можно доказать и фактическими данными, почерпаемыми изъ писцовыхъ книгъ того времени[1]). Такую же роль играли, вѣроятно, посадскіе люди, владѣвшіе участками въ деревняхъ[2]) и особенно монастыри; «разъ успѣвъ захватить лоскутъ, хотя бы $1/_{16}$ долю деревни, землевладѣлецъ, чаще всего монастырь, медленно, но твердо вытѣснялъ прочихъ складниковъ деревни, постепенно завладѣвая расчищенной ими землей» и превращая «скудныхъ», но все же «волостныхъ, бывшихъ тяглыхъ крестьянъ», въ лицъ, «живущихъ за нимъ и работающихъ на него вмѣсто рабовъ»[3]). Указанный путь обезземеленія былъ не единственнымъ. «Къ тому же результату приводила добровольная уступка земли въ церкви и монастыри путемъ вкладовъ», вызванныхъ не только хозяйственными расчетами, но и религіозными соображеніями[4]). Бывали, конечно, и такіе случаи, когда оба способа перехода земли отъ крестьянъ къ другимъ лицамъ могли взаимно встрѣчаться, что видно, напримѣръ, изъ одного дѣла 1657—1658 гг. На ряду съ частной иниціативой въ крестьянскомъ обезземеленіи не маловажную роль играла и правительственная поли-

1) П. Ивановъ, Къ исторіи крестьянскаго землевладѣнія на сѣверѣ XVII в. въ Трудахъ Арх. Ком. при Моск. Археол. Общ., т. I, вып. 3, М. 1899, стр. 436.

2) А. Ефименко, Op. cit., стр. 307—313.

3) А. от. до Ю. Б., т. III, № 340 (сказка крестьянъ Кивокурскаго стана Устюжскаго уѣзда 1676 г.).

4) Если «главнымъ источникомъ монастырскаго землевладѣнія въ XVI вѣкѣ являлся вкладъ, а не продажа земли» (П. Рожковъ, Op. cit., стр. 378 и др.), то во всякомъ случаѣ пока мы не въ состояніи сказать имѣлъ ли вкладъ преобладающее значеніе въ отчужденіи собственно крестьянскихъ земель.

тика, на что г. Дьяконовъ не обратилъ должнаго вниманія. Уже до XVI вѣка правительство часто жаловало цѣлыя черносошныя государевы волости въ вотчины [1]), главнымъ образомъ вліятельнѣйшимъ изъ монастырей, а нѣсколько позднѣе стало раздавать такія же земли въ помѣстья служилымъ людямъ [2]); въ виду того, что жалуемыя «черныя» земли иногда заселены были крестьянами и, слѣдовательно, въ подобнаго рода случаяхъ государь жаловалъ ихъ «со крестьяны», права послѣднихъ на землю подвергались еще болѣе значительному стѣсненію, чѣмъ прежде, во время «окняженія черныхъ волостей»; при такихъ условіяхъ крестьяне легко превращались въ земледѣльцевъ, лишенныхъ поземельной собственности; правда, что бывшіе собственники изъ крестьянъ, переуступившихъ свои земельные участки новымъ владѣльцамъ, продолжали иногда «сохранять связь съ землею, хотя уже не въ качествѣ собственниковъ, а только въ качествѣ половниковъ или крестьянъ порядчиковъ», но разумѣется не мало было и такихъ, которые становились работниками въ постороннихъ хозяйствахъ или арендаторами чужой земли [3]). Возможно предполагать, что подобнымъ же путемъ увеличился контингентъ сельскаго населенія, сидѣвшаго на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, не только на сѣверѣ, но и въ другихъ частяхъ государства, тѣмъ болѣе что сильный и быстрый ростъ монастырскаго и служилаго помѣстнаго землевладѣнія, особенно замѣтный въ центральной области со второй половины XVI-го вѣка, долженъ былъ способствовать развитію крестьянскаго обезземеленія [4]).

Между тѣмъ крестьяне, лишенные своего собственнаго земельнаго имущества, легко становились и въ еще болѣе тяжелыя для нихъ отношенія къ своимъ господамъ.

Хотя «льгота», получаемая крестьяниномъ, садившимся на «пустую выть» отъ ея собственника сама по себѣ и не порождала долговыхъ отношеній между тѣмъ и другимъ, однако, такая сдѣлка, очевидно, обязывала крестьянина сидѣть на снятомъ имъ участкѣ болѣе или менѣе продолжительный срокъ не только за время пользованія льготой, но, разумѣется, и

1) А. Ефименко, Op. cit., стр. 272. П. Милюковъ, Спорные вопросы и проч. Спб., 1892 г., стр. 84. П. Рожковъ, Op. cit., стр. 131, 376, 380, 389, 394. Извѣстно пожалованье Важской волости Борису Годунову (А. Э., т. I, № 361).

2) Писц. кн. XVI в. изд. подъ редакціей П. Калачева, т. II, стр. 159, 177 и 202. Акты, представленные въ Разрядъ и проч., изд. подъ ред. А. Юшкова въ Чт. М. О. И. и Д., за 1898 г., кн. 2—4, № 159; другіе примѣры см. въ соч. П. Рожкова, стр. 428—431.

3) М. Дьяконовъ, Op. cit., стр. 180—187; ср. Г. Шмелевъ, Новая работа по соціальной исторіи Россіи въ Трудахъ Археограф. Ком. при Моск. Археол. Общ., т. I, вып. 3, М. 1899, стр. 561, 562, прим. 4.

4) Слѣдуетъ имѣть въ виду, впрочемъ, что монастырская собственность развивалась главнымъ образомъ на счетъ вотчинъ, а не черныхъ земель; см. П. Рожковъ, Op. cit., стр. 406, 420—421, 427 и 428.

по истеченіи ея дѣйствія. Самъ крестьянинъ иногда не довольствовался краткосрочною, годовою льготой и требовалъ продленія ея, чѣмъ еще болѣе ограничивалъ на послѣдующіе годы свой вольный переходъ[1]). Притомъ нарушеніе новопорядчикомъ тѣхъ обязательствъ, выполненіе которыхъ онъ принималъ на себя подъ условіемъ льготы, судя по одной порядной 1599 года, сопряжено было съ уплатою пени «за льготныя лѣта» и такимъ образомъ порождало долговую зависимость его отъ землевладѣльца, переносимую и на наслѣдниковъ порядчика[2]). Такое же связующее значеніе имѣла для крестьянина и обязанность его въ случаѣ выхода выплачивать пожилое или похоромное землевладѣльцу, на что г. Дьяконовъ не обратилъ достаточнаго вниманія въ своихъ «очеркахъ», хотя самъ же сообщилъ нѣсколько новыхъ данныхъ о ней въ одномъ изъ своихъ предшествующихъ изслѣдованій[3]).

Въ еще большей мѣрѣ къ аналогичнымъ результатамъ приводила задолженность крестьянина отъ землевладѣльца; она была едва ли не самой существенной причиной частной зависимости одного отъ другого. Отношенія подобнаго рода сказывались главнымъ образомъ въ сдѣлкахъ, состоявшихъ въ выдачѣ крестьянину подмоги или ссуды его господиномъ, а также «серебра».

Не обращая вниманія на остальные виды задолженности, г. Дьяконовъ нѣсколько останавливается лишь на разсмотрѣніи того значенія, какое подмога и ссуда имѣли въ процессѣ частнаго прикрѣпленія; ознакомимся прежде всего съ тѣми взглядами, къ которымъ онъ пришелъ на основаніи внимательнаго изученія какъ печатнаго, такъ и рукописнаго матеріала (стр. 111—143). При рѣшеніи вопроса объ отношеніи между подмогой и ссудой, до сихъ поръ спорнаго, г. Дьяконовъ занимаетъ среднее положеніе. Въ самомъ дѣлѣ и теперь еще одни изъ нашихъ изслѣдователей утверждаютъ, что «отъ подмоги надо отличать крестьянскіе займы или ссуды», а другіе не считаютъ возможнымъ устанавливать подобнаго рода различіе[4]). Авторъ «очерковъ» примыкаетъ относительно XVII-го вѣка къ послѣднему изъ приведенныхъ нами мнѣній. «Слѣдуетъ отмѣтить, пишетъ онъ, что ни крестьянскія записи, ни другіе акты не знаютъ строгой терминологіи и нерѣдко употребляютъ безразлично термины «подмога» и «ссуда». Дѣйствительно, авторъ приводитъ нѣсколько актовъ, XVII в. (1647—1664 гг.), въ которыхъ

---

1) Доп. къ А. И., т. I, № 167; Рус. Ист. Биб., т. II, № 263.

2) А. Ю., № 189.

3) М. Дьяконовъ. Къ исторіи крестьянскаго прикрѣпленія въ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1893 г. № 6, стр. 8 (отд. от.).

4) Б. Чичеринъ, Опыты, стр. 201 и В. Сергѣевичъ, Юридич. Древ., т. I, стр. 202; М. Владимірскій-Будановъ, Обзоръ исторіи русскаго права, 3-е изд., Кіевъ, 1900 г., стр. 152.

названные термины смѣшиваются. Далѣе г. Дьяконовъ приходитъ къ заключенію, что «подмога въ XVII в. имѣла совсѣмъ не то значеніе, какъ раньше; она въ это время не была вознагражденіемъ уплачиваемымъ впередъ за особые труды и затраты по приведенію крестьянскаго участка въ положеніе необходимое для сельско-хозяйственной культуры: за расчистку пашни, за возведеніе новыхъ построекъ и т. п.; подмога въ XVII в. не болѣе какъ пособіе землевладѣльцу за поставленіе его самого въ возможность приняться за крестьянское хозяйство». При такомъ условіи подмога пріобрѣтала значеніе ссуды и подлежала возвращенію господину, подобно ссудѣ, которая, напротивъ, въ большинствѣ случаевъ оставалась у порядчиковъ, если только они выполняли обязательство съ нею жить у господина и ея не снести. Замѣчательно, что «въ обезпеченіе интересовъ землевладѣльцевъ въ крестьянскихъ записяхъ выговаривалось также возвращеніе подмоги лишь на случай ухода или бѣгства крестьянъ». На основаніи вышеприведенныхъ наблюденій г. Дьяконовъ приходитъ къ заключенію, что «ни по своему назначенію, ни по способу выдачи, ни по условію о возвратѣ между подмогой и ссудой нельзя провести въ XVII вѣкѣ никакого различія: подмога и ссуда лишь два разные термина для обозначенія одного и того же понятія». (стр. 117).

Г. Дьяконовъ, какъ видно, совершенно уклоняется отъ изученія той «роли, какую подмога и ссуда сыграли въ исторіи крестьянскаго прикрѣпленія», и обращаетъ вниманіе лишь на «вліяніе, которое онѣ оказали на самый характеръ крестьянской крѣпости» (стр. 118). Нельзя не выразить сожалѣнія о томъ, что г. Дьяконовъ слишкомъ узко ограничилъ свою задачу. Вѣдь при такомъ условіи онъ лишилъ себя возможности не только выяснить ходъ частнаго закрѣпощенія, косвенно вызвавшаго и прикрѣпленіе къ тяглу, но принужденъ былъ оставить вопросъ объ отношеніи подобнаго рода сдѣлокъ къ старинѣ безъ всякаго рѣшенія, хотя самъ придаетъ имъ существенное значеніе въ ея развитіи (стр. 22). Даже съ той спеціальной точки зрѣнія, съ которой г. Дьяконовъ интересуется подмогой и ссудой, ему можетъ быть не слѣдовало принимать во вниманіе данныя одного XVII вѣка.

Въ самомъ дѣлѣ, если приравнивать «изорника» къ половнику и уподоблять его «покруту» позднѣйшей крестьянской подмогѣ, то слѣдуетъ отмѣтить и нѣкоторое различіе, проводимое не позднѣе какъ со второй половины XV вѣка въ мѣстностяхъ, гдѣ правоотношенія уже получили сравнительно большое развитіе, между «покрутой» и «заемнымъ серебромъ», которое, притомъ, иногда называли «ссуднымъ» [1]).

1) Псков. Суд. грам., ст. 63: здѣсь изорникомъ названъ земледѣлецъ, снимающій участокъ исполу; подобно половникамъ и изорники, вѣроятно, не всегда платили $1/2$ урожая

За отсутствіемъ какихъ бы то ни было опредѣленныхъ данныхъ трудно сказать, однако, установилось ли болѣе или менѣе точное употребленіе термина «подмога» въ отличіе отъ «ссуды» и когда именно. Отъ самого начала XVI в. сохранились любопытныя мѣстныя извѣстія о какихъ то «подможныхъ деньгахъ», отдаваемыхъ въ заемъ землевладѣльцами крестьянамъ подъ проценты. Такъ напримѣръ, въ Ильинскомъ Замозскомъ погостѣ Вотской пятины судя по переписной книгѣ 1500 года въ числѣ прежнихъ землевладѣльцевъ былъ нѣкто О. Гагинъ; въ его имѣніи оказалось «подможныхъ денегъ за хрестіаны рубль и девять гривенъ съ деньгою, а росту идетъ полторы гривны»; въ другой волости тотъ же О. Гагинъ роздалъ крестьянамъ три рубля, шесть гривенъ и десять денегъ подможныхъ; имѣніе О. Гагина, «взятое на великаго князя», вслѣдъ за тѣмъ перешло къ В. Сарычевскому, владѣвшимъ имъ на помѣстномъ правѣ; ему же «въ доходъ» были даны и подможныя деньги, съ которыхъ онъ бралъ росту четыре гривны безъ трехъ денегъ» [1]). Если подъ «подможными деньгами» въ вышеприведенныхъ случаяхъ, впрочемъ, кажется, довольно рѣдкихъ, разумѣть подмогу, то, очевидно, её должно будетъ признать долгомъ, проценты съ котораго крестьяне были принуждены выплачивать заимодавцу—землевладѣльцу. Слѣдуетъ ли объяснять факты подобнаго рода тѣмъ, что значеніе термина было еще очень широкимъ и не вполнѣ опредѣленнымъ или тѣмъ, что О. Гагинъ выдавалъ деньги крестьянамъ, не требуя отъ нихъ приведенія снимаемаго ими участка въ положеніе, пригодное для хозяйничанья (постройка двора и проч.) или еще какими нибудь другими обстоятельствами, мы не знаемъ. Во всякомъ случаѣ нѣсколько позднѣе подмога получаетъ, повидимому, болѣе узкое значеніе. Крестьянинъ поступалъ или въ готовый дворъ своего господина или самъ строилъ его; возможно, что

ср. ст. 42 и 43, гдѣ рѣчь идетъ объ «исполовникѣ». Слово «крута» значитъ: одежда, отсюда «окружиться» = одѣться; но глаголъ «крутитися» получилъ и болѣе широкое значеніе, на что указываетъ выраженіе «крутитися на войну» — снаряжаться на войну (И. Срезневскій, Матеріалы, I, 1336; II, 651). Въ духовной преп. Евфросина Псковскаго, завѣщавшемъ свое имущество (между прочимъ и недвижимое) братіи монастыря Св. святителей Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста, а также препод. Ануфрія, мы читаемъ: «а игумену въ томъ [имуществѣ] не корыстоватися, ни братьи моей ни келаремъ, ни посельникомъ, ни въ монастырѣ служащимъ; а изъ того житіа окручати братью изообчя» (А. Э., т. I, № 108). Большинство изслѣдователей считаетъ «покруту» — пособіемъ, подмогой или ссудой на обзаведеніе хозяйствомъ; см. напр., И. Бѣляевъ, Крестьяне на Руси, изд. 2-е, стр. 24; Б. Чичеринъ, Опыты, стр. 193; М. Владимірскій-Будановъ, Христоматія, изд. 1-е, стр. 145. Если изорникъ не наймитъ, подобно ролейному закупу (ср. ст. 41 и 42), а съемщикъ исполу, то и покруту придется считать не наемною платой, получаемой имъ впередъ отъ господина, а пособіемъ, которое послѣдній выдавалъ крестьянину-арендатору для обзаведенія хозяйствомъ. Въ статьѣ 44 рѣчь идетъ о вещахъ троякаго рода: 1) покрутѣ; 2) «вершахъ», т. е. хлѣбѣ, «пшеницы ярой или озимой» и 3) серебрѣ; о серебрѣ заемномъ и ссудномъ см. ст. 30 и 31).

1) Новгород. писц. кн., т. III, стр. 601 и 803.

и нѣкоторые другіе труды крестьянина по приведенію снятаго имъ участка въ положеніе, пригодное для веденія хозяйства, также подлежали оцѣнкѣ. Между тѣмъ такой именно земледѣлецъ и получалъ, обыкновенно, подмогу; по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ намъ случаяхъ, правда весьма малочисленныхъ, онъ долженъ былъ употребить её не иначе, какъ «на дворовое строенье и для пашни» [1]); вѣроятно, въ виду такихъ же цѣлей правительство предписало въ 1590 г. мѣстнымъ жителямъ Сольвычегодской и ея уѣзда выдать «пашеннымъ людямъ», выбраннымъ для житья въ Сибири, «со всѣми ихъ животы» подмоги по 25 р. человѣку, причемъ населеніе называло означенный сборъ «податями» и, слѣдовательно, смотрѣло на него, какъ на пособіе, не подлежащее возвращенію [2]). Еще яснѣе смыслъ подмоги опредѣляется въ порядныхъ XVI ст.: здѣсь обыкновенно вслѣдъ за указаніемъ на полученіе подмоги написано: «а за ту подмогу (и за льготу) мнѣ деревню роспахати и поля огородити и старые хоромы починити и новые поставити...» [3]). Въ томъ же значеніи терминъ «подмога» продолжаетъ употребляться и въ памятникахъ первой половины XVII вѣка. Такъ напримѣръ, въ одной порядной 1626 г., заключенной К. Дементьевымъ съ Тихвинскимъ монастыремъ встрѣчается то же условіе, которое не разъ попадается въ однородныхъ сдѣлкахъ болѣе ранняго времени: К. Дементьевъ, взявъ подмогу у монастыря, обязуется «за ту подмогу поставити на своемъ участкѣ дворъ, избу, да клѣть да сѣни да хлѣвъ да сарай какъ иные прочіе крестьянскіе дворы поставлены»; въ случаѣ выхода К. Дементьевъ долженъ былъ уплатить 50 руб. денегъ монастырю [4]). Подмога, какъ видно въ то время, кажется, дѣйствительно могла имѣть значеніе вознагражденія, которое новопорядчикъ получалъ впередъ «безъ отписки» за свою работу по устройству хозяйства на взятомъ имъ участкѣ; отсюда естественно слѣдовало, что крестьянинъ, не выполнившій обѣщанныхъ имъ работъ, обязывался вернуть и самую подмогу [5]). Постоянно нуждаясь въ рабочихъ рукахъ особенно съ того времени, когда населеніе стало отливать на южную украйну и начинала развиваться система барщины, землевладѣльцы, конечно, имѣли возможность привлечь новыхъ поселенцевъ на свои пустоши не только временными льготами отъ повинностей и платежей, но и выдачею каждому изъ нихъ подмоги въ видѣ преміи и вознагражденія за его поселеніе и обзаведеніе хозяйствомъ на

1) А. И., т. II, № 251.

2) А. Э., т. I, № 349; ср. Р. И. Б., т. II, № 164.

3) А. Ю., №№ 178, 183 и 191.

4) А. Ю., № 194; иногда порядчикъ безвозмездно пользовался въ теченіе опредѣленнаго числа лѣтъ доходами съ господской пожни «для избнаго и сарайнаго стапленія» (Р. И. Б., т. XIV, стб. 356).

5) А. Ю., №№ 178 и 189. М. Дьяконовъ, Очерки, приложеніе № 14.

снятомъ имъ участкѣ. Трудно, однако, отрицать и то, что подмога могла быть безсрочною ссудой, которую крестьянинъ постепенно погашалъ, возмѣщая её землевладѣльцу въ составѣ доли прибыли, получаемой имъ черезъ извѣстное время по заключеніи сдѣлки между тѣмъ и другимъ. Правда, что мы не встрѣчаемъ прямыхъ указаній на такія отношенія въ порядныхъ; но, какъ доказалъ г. Дьяконовъ, «большинство порядныхъ вовсе и не объемлетъ всѣхъ условій поряда». Нѣкоторую вѣроятность послѣднему изъ высказанныхъ нами предположеній придаютъ также заключительныя формулы нѣсколькихъ порядныхъ первой половины XVII вѣка: въ силу ихъ порядчикъ долженъ былъ вернуть подмогу землевладѣльцу не только въ томъ случаѣ, когда не ставилъ двора и проч., но и вообще по прекращеніи контракта; санкція подобнаго рода, очевидно, соотвѣтствовала не столько первому, сколько второму изъ вышеуказанныхъ значеній подмоги [1]. Если, тѣмъ не менѣе признавать, что её первоначально выдавали въ видѣ «вознагражденія» и не считать формулировки позднѣйшихъ порядныхъ простою случайностью, то придется, конечно, предполагать, что подмога уже въ первой половинѣ XVII-го вѣка стала изъ «вознагражденія» мало по малу превращаться въ ссуду; но, даже принимая эту гипотезу, нельзя еще «отождествлять», подобно г. Дьяконову, подмогу съ старинною ссудою. Для надлежащаго пониманія ея смысла не мѣшаетъ предварительно собрать нѣсколько свѣдѣній о такъ называемомъ «заемномъ хлѣбѣ и серебрѣ».

Въ старинныхъ описаніяхъ деревень XV вѣка, извѣстныхъ намъ главнымъ образомъ по духовнымъ завѣщаніямъ, есть много указаній на «заемное жито (или хлѣбъ)» и «серебро» на крестьянехъ [2]; причемъ цѣнность того и другого они должны были возвратить заимодавцамъ. Заключеніе такихъ займовъ безъ кабалъ было признано закономъ, напримѣръ, указомъ 1557 года [3]), что свидѣтельствуетъ о нѣкоторомъ распространеніи ихъ; они, конечно, возникали между крестьянами и землевладѣльцами. Въ духовной Ю. А. Редрикова, 1629—1630 гг. мы, напримѣръ, читаемъ: «да въ вотчинной деревнѣ Лопковѣ на крестьянехъ на Устинкѣ Аѳанасьевѣ 4 рубли, на Гришкѣ Шарыгинѣ 3 рубли денегъ; да взять мнѣ на крестьянехъ своихъ безкабально на Куземкѣ Аѳонасьевѣ 2 рубля денегъ, на Савкѣ Ивановѣ $1\frac{1}{2}$ рубля денегъ»... [4]). Въ приведенномъ отрывкѣ, какъ видно, на ряду съ долгами безкабальными указаны, однако и обязательства иного рода. Дѣйствительно, сами крестьяне въ своихъ духовныхъ иногда упоми-

1) А. Ю., №№ 193 и 194; Акты, собр. М. Дьяконовымъ, вып. I, №№ 9, 12, 22 и 32. Р. И. Б., т. XIV, стб. 878, 946, 947, 954 и 970.

2) С. Г. Г. и Д., ч. I, № 96 (1472 г.); А. Ѳедотовъ-Чеховскій, т. I, № 94 (1491 г.).

3) А. И., т. I, № 154; ср., напримѣръ, Сборникъ актовъ, изд. Н. Лихачевымъ, вып. I, стр. 13—14 и 36; Тверскіе акты изд. подъ ред. С. Шумакова, вып. I, стр. 137.

4) Арх. Мин. Юст. Грамоты Кол. экон., Арх. 402; Хрон. 9126 (Переяславскаго уѣзда).

наютъ о кабалахъ, по которымъ они должны были платить хлѣбъ и деньги, занятыя ими у разныхъ лицъ, что согласно съ предсмертными распоряженіями землевладѣльцевъ-кредиторовъ болѣе ранняго времени[1]); отъ XVI-го вѣка сохранилось и нѣсколько подлинныхъ заемныхъ кабалъ на хлѣбъ и на деньги, укрѣплявшихъ сдѣлки подобнаго рода между крестьянами и землевладѣльцами[2]). Наслѣдодатели, не собравшіе съ крестьянъ своего заемнаго хлѣба и серебра, распоряжались ими по собственному усмотрѣнію то «прощая» ихъ должникамъ, то предоставляя своимъ наслѣдникамъ право требовать его обратно, хотя бы крестьяне и оставались по прежнему въ вотчинахъ наслѣдниковъ; послѣдніе, въ свою очередь, подвергая раздѣлу унаслѣдованное ими имущество, «дѣлили» между собою и «кабалы хлѣбныя и денежныя»[3]). Въ актахъ XVII вѣка часто встрѣчаются упоминанія о такихъ же сдѣлкахъ. Въ одной порядной 1601 г., напримѣръ, послѣ условія о подмогѣ написано: «а сѣмена мнѣ (порядчику), взяти изъ монастырские житницы овесъ и жито въ займы»[4]). Въ «книгахъ раздаточныхъ поземнымъ сѣмянамъ», которыя житники Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря выдавали для посѣва крестьянамъ въ 7097—7148 гг. встрѣчается слѣдующее извѣстіе: «112-го году мѣсяца августа 6-го дня Кириллова монастыря старецъ Ѳеодосей Борковъ далъ поземные сѣмяна въ деревню на Лабунино на выть деревни Щелковы, Ивану Данилову, да Исаку Павлову, да Ермолѣ Гаврилову, да Ѳедору Данилову пять четей ржи; и въ тѣхъ сѣменехъ на нихъ кабала взята»; въ той же книгѣ можно подыскать нѣсколько другихъ указаній подобнаго рода[5]). Въ XVII вѣкѣ не рѣдко землевладѣльцы выдавали своимъ крестьянамъ и серебро или «деньги» въ займы по кабаламъ. Въ «приходныхъ книгахъ Болдина Дорогобужскаго монастыря, 1603—1604 гг., напримѣръ, сохранился рядъ указаній на возвращеніе крестьянами данныхъ имъ денегъ. Записи обыкновенно сдѣланы въ слѣдующей формѣ: «Деревни такой то, на такомъ то лицѣ взяты дачи такого то казначея по заемнымъ книгамъ столько то денегъ платы, уплаты или доплаты». Быть можетъ нѣсколько увлекаясь указаннымъ имъ смѣшеніемъ терминологіи, г. Дьяконовъ называетъ «дачи» болдинскихъ казначеевъ «подмогою» (стр. 117); въ самихъ книгахъ мы такого названія, кажется, не встрѣчаемъ и не видимъ основаній не причислять казначейскія «дачи» къ разряду денежныхъ займовъ, ибо такія дачи, какъ видно, подлежали возврату, а въ

---

1) А. Ю., №№ 421 и 424.

2) А. Ю., №№ 239, 246, 250, 251, 253 и 255; А. от. до Ю. Б., т. II, № 125, I.

3) С. Г. Г. и Д., ч. I, №№ 112 и 122; А. Ю., №№ 410 и 413; Сборникъ актовъ, изд. П. Лихачевымъ, вып. I, стр. 20, 34, 46; Акты, представленные въ Разрядъ, соб. А. Юшковымъ, № 139; Доп. къ А. И., т. II, № 56, ср. пред. примѣчанія.

4) А. Ю., № 191.

5) Спб. Духов. Акад. Кир. биб. № 69/1308, л. 16 об.; ср. Р. И. Б., т. XIV, стб. 483.

тѣхъ случаяхъ когда крестьяне не возвращали занятыхъ ими суммъ сполна, они, вѣроятно, выдавали на себя кабалы «въ недоплатныхъ деньгахъ», извѣстныя намъ по другимъ памятникамъ [1]). Хлѣбные и денежные займы крестьянъ, большею частью, конечно, у своихъ же господъ-землевладѣльцевъ, были, повидимому, довольно распространены и въ позднѣйшее время, на что указываютъ, напримѣръ, старинныя описи монастырскихъ архивовъ, въ которыхъ хранилось не мало заемныхъ кабалъ; о томъ же свидѣтельствуютъ нѣсколько напечатанныхъ актовъ подобнаго рода, принадлежащихъ къ XVII-ому вѣку [2]). Въ одномъ изъ документовъ Нижегородскаго Печерскаго монастыря, напримѣръ, мы читаемъ слѣдующее: «187 года Іюля въ 24 день, по указу государя архимандрита Варлаама и келаря Деонисія съ братіей и противъ наказной памяти села Коропова посельской старецъ Гаврило Серебряковъ принялъ на свои руки у прежняго посельскаго старца Иринарха монастырской дворъ;.. и что по указу государей властей роздано изъ монастырскихъ житницъ скуднымъ крестьяномъ ржанаго и яроваго хлѣба въ кабалы: ржи 23 четверти съ осминою, овса роздано 40 четвертей съ осминою, ячмени роздано шесть четвертей три полуосмины, и тѣ кабалы принялъ я, старецъ Гаврило, у нево старца Иринарха на лицо» [3]). Не менѣе любопытную иллюстрацію выдачи денегъ по кабаламъ крестьянамъ мы встрѣчаемъ въ челобитной царю Алексѣю Михаиловичу братіи того же Нижегородскаго Печерскаго монастыря на келаря Діонисія Омачкина. «Тѣхъ государь дѣтей своихъ и племянниковъ и зятей и друзей и хлѣбояжцовъ и иныхъ всякихъ чиновъ людей, писали монахи въ 1674 году про своевольнаго келаря, ссужаетъ [онъ] монастырскими казенными деньгами» и хлѣбомъ и скотомъ, лошадьми и всякою животиною, по вся годы и для прилики емлетъ на нихъ заемные кабалы въ деньгахъ и въ хлѣбѣ, и по тѣмъ, государь, кабаламъ денегъ и хлѣба на нихъ въ монастырь въ казну не емлетъ многіе лѣта и накопилъ, государь, тѣхъ кабалъ въ деньгахъ и въ хлѣбѣ много, и тѣ, государь, кабалы его, келаревымъ, нерадѣніемъ и угодниковъ его, бывшихъ казначеевъ, изъ лѣтъ вышли, и платежу, государь, по нимъ нѣтъ; а иные, государь, кабалы дѣтямъ своимъ и племянникомъ и друзьямъ выдавалъ безъ платежу» [4]). Итакъ, заемъ хлѣба или денегъ крестьянами у землевладѣльцевъ подъ кабалы былъ явленіемъ довольно распространеннымъ какъ въ XVI, такъ и въ XVII вѣкахъ. Слѣдуетъ имѣть



1) Переписныя книги Іосифа Волоколамскаго монастыря 1655 г. въ Имп. Публ. Библ., Древлехран. М. Погодина, № 1909, лл. 127—132.

2) Переписныя книги разныхъ монастырей XVII-го вѣка въ Имп. Публ. библ., Древлехранилище М. Погодина, № 1914. А. Ю., №№ 253, 255 и 424; А. от. до Ю. Б., т. II, № 125, I; ср. предшествующее примѣчаніе.

3) Акты Нижегородскаго Печерскаго монастыря изд. подъ ред. г. Титова, стр. 351.

4) Акты Ниж. Печ. мон. изд. подъ ред. г. Титова, стр. 303 и 305; ср. стр. 149 и 241.

въ виду, что крестьяне, занимавшіе хлѣбъ и деньги, не всегда платили проценты своимъ кредиторамъ: случаи безпроцентныхъ займовъ на короткіе сроки (не болѣе года), повидимому, были не особенно рѣдки. Въ 1561 году власти Соловецкаго монастыря отмѣнили «насопъ», которую прикащикъ взималъ съ крестьянъ села Пузырева въ Бѣжецкомъ верхѣ; въ вышеприведенныхъ записяхъ житниковъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря также встрѣчаются случаи, когда о «наспѣ» не упомянуто. Въ извѣстныхъ намъ заемныхъ кабалахъ крестьянъ довольно часто помѣщается условіе въ силу котораго проценты уплачиваются лишь со времени просрочки займа [1]).

Какъ видно изъ вышеприведенныхъ примѣровъ, подмогу едва ли можно смѣшивать съ «заемнымъ житомъ или серебромъ»; крестьянинъ возвращалъ подмогу землевладѣльцу лишь въ случаѣ нарушенія спеціальныхъ условій порядной о постройкѣ двора и т. д. или выхода изъ имѣнія, тогда какъ, занявши «жито или серебро», онъ вмѣстѣ съ тѣмъ во всякомъ случаѣ обязывался цѣнность ихъ уплатить ихъ бывшему собственнику; такія сдѣлки обыкновенно не включаются, подобно выдачѣ подмоги, въ порядныя, а остаются «безкабальными» или закрѣпляются особыми актами, главнымъ образомъ заемными кабалами, что и было подтверждено Уложеніемъ [2]); наконецъ, объ уплатѣ процентовъ съ подмоги, по крайней мѣрѣ со второй половины XVI вѣка мы ничего не знаемъ, тогда какъ крестьяне заемщики, не рѣдко по истеченіи годового срока платили ростъ своимъ заимодавцамъ. Естественно, что при такихъ условіяхъ нельзя было смѣшивать подмогу съ заемнымъ житомъ или серебромъ. Выше мы уже приводили актъ 1601 года, въ которомъ рядомъ съ подмогой, упоминается отличаемый отъ нея заемный хлѣбъ [3]). Еще яснѣе обнаруживается то же различіе между подмогой и заемнымъ серебромъ въ сдѣлкахъ землевладѣльцевъ съ полов-

1) Книги раздаточныя поземнымъ сѣмянамъ 7097—7148 гг. въ Спб. Духов. Акад., Кир. биб., № 69/1308. А. Ю., №№ 250, 251, 253, 255. На Стоглавомъ соборѣ было постановлено, чтобы «отнынѣ по священнымъ правиломъ святителемъ и всѣмъ монастыремъ деньги давать по своимъ селамъ своимъ крестьянамъ безъ росту и хлѣбъ безъ наспу...» (Стоглавъ, изд. Казан Дух. Акад., стр. 345). Постановленіемъ собора пожалуй и объясняются вышеприведенныя записи житниковъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, а можетъ быть и нѣкоторыхъ другихъ монастырей; безпроцентные хотя и краткосрочные займы практиковались однако и въ имѣніяхъ свѣтскихъ лицъ. Отъ безпроцентныхъ займовъ безъ залога слѣдуетъ отличать такіе же займы съ залогомъ; такъ напр., нѣкоторые изъ владѣльцевъ Варзужскихъ тоней занимали деньги у Троице-Сергіева монастыря въ 7089—7094 гг. подъ залогъ своего недвижимаго имущества безъ росту; самое пользованіе заложеннымъ имуществомъ, предоставляемое обыкновенно кредитору, было своего рода ростомъ; притомъ въ случаѣ просрочки долга означенныя кабалы превращались въ купчія: «и не станутъ деньги, читаемъ мы въ нихъ, на срокъ и ся кабала нашей луки и купчая въ дерпь безъ выкупа» (Имп. Публ. Библ., Древл. М. Погодина, № 1913, Сборникъ актовъ Троице-Сергіева монастыря, №№ 1, 3, 6, 7, 26).

2) Уложеніе, X, 189 и XIX, 18.

3) А. Ю., № 191.

никами, положеніе которыхъ, какъ признаетъ и самъ г. Дьяконовъ, имѣло много сходнаго съ крестьянскимъ (стр. 189). Въ 1636 году, напримѣръ, изъ за П. С. Строганова бѣжало нѣсколько половниковъ; судя по поданной имъ явкѣ каждый изъ нихъ получилъ подмогу по порядной записи и деньги по заемной кабалѣ; такъ «С. Борисовъ, Полутовскихъ съ дѣтьми своими, читаемъ мы въ явкѣ, снесли съ собою живота П. С. Строганова по порядной записи подможныхъ денегъ 2 рубля да хлѣба.... да по той же записи за прирядъ за дворовую зделку денегъ 8 руб.; да по той же записи за хмельничные тычины 4 гривны да за избные дрова за 8 саженъ—8 гривенъ, да за 24 курицы живыхъ 24 алт. да за 240 яицъ—8 алт.; да на нихъ же взяты по заемной кабалѣ денегъ 3 руб. 8 ал. 2 д.» Даже въ позднѣйшихъ актахъ иногда замѣтно различіе между подмогой и «деньгами», занимаемыми половниками. Такъ напримѣръ, церковные старосты Сольвычегодскаго уѣзда при выборѣ своемъ въ 1686 г. получили инструкцію, въ силу которой они должны были «въ своемъ году розданные половникамъ хлѣбъ и сѣно въ долги, имать на нихъ самимъ, а новымъ старостамъ, кромѣ подмоги не переводить». И въ данномъ случаѣ, какъ видно, подмога не смѣшана съ заемнымъ серебромъ; послѣднее, какъ возникшее изъ займа, подлежало возвращенію, вѣроятно, въ теченіе годового срока [1]).

Одно изъ различій между подмогой и заемнымъ житомъ или серебромъ, кажется, сглаживалось въ тѣхъ случаяхъ, когда заемъ становился ссудой, ибо послѣдняя была, повидимому, безвозмезднымъ займомъ; такое впечатлѣніе дѣлаетъ указъ 1557 года, дополнившій соотвѣтствующія статьи Судебника, что какъ будто бы указываетъ и на сравнительно позднее развитіе или по крайней мѣрѣ запоздалую законодательную формулировку подобнаго рода сдѣлокъ. «А кто у кого возметъ денги въ займы безкабально и безъ памяти, читаемъ мы въ указѣ 1557 года, или кто у кого возьметъ на ссуду, что ни буди, и на судѣ того не опрется: и на тѣхъ денги съ суда велѣти правити сполна и правежъ на нихъ давати всегда». Изъ контекста того же документа видно, что «ссуда» противуполагается здѣсь (вмѣстѣ съ безкабальными займами вообще) займамъ денегъ «въ ростъ»; притомъ, въ одномъ изъ списковъ изучаемаго указа слова «на ссуду», повидимому замѣнены выраженіемъ: «на срокъ», а мы видѣли, что краткосрочные займы нерѣдко были и безпроцентными [2]). Такимъ образомъ старинную ссуду едва ли не правильнѣе сравнивать съ римскимъ mutuum, чѣмъ съ commodatum: послѣднее имѣло болѣе спеціальное значе-

---

1) Акты Устюж. и Холмогор. епарх. въ Рус. Ист. Библ., кн. 3-я (въ печати), № 138; тамъ-же, т. XII, стб. 821. Эти факты извѣстны и г. Дьяконову (см. стр. 199 и 201); но онъ не обратилъ на нихъ вниманія съ интересующей насъ точки зрѣнія.

2) А. И., т. 1, № 154, ст. 7.

ніе; сдѣлка подобнаго рода на дѣловомъ языкѣ стараго времени носила название не ссуды вообще, а «ссуды на подержаніе»[1]). Если подъ «ссудой» XVI—XVII вв. разумѣть безпроцентные займы, причемъ занятое движимое имущество, обыкновенно хлѣбъ или деньги, подлежало возмѣщенію, то и «заемное жито или серебро» стараго времени въ нѣкоторыхъ изъ случаевъ, упомянутыхъ выше, придется назвать тѣмъ же терминомъ, что разумѣется не мѣшаетъ намъ признавать полную возможность превращенія ссуды по просрочкѣ займа въ обыкновенный процентный долгъ.

Насколько можно заключить по отрывочнымъ извѣстіямъ XVII-го вѣка, хотя крестьянинъ въ случаѣ нарушенія извѣстныхъ условій и обязывался возвратить подмогу землевладѣльцу, но самый срокъ возвращенія оставался не опредѣленнымъ; «ссуда» же въ отличіе отъ подмоги, кажется, была обыкновенно срочнымъ займомъ. Такъ напр., Андрей, Петръ и Иванъ Строгановы при раздѣлѣ своего имущества въ 1629 году, между прочимъ, постановили слѣдующее: «а которые крестьяне, съ дѣлу кому достались и что на нихъ долгу общего и особного по кабаламъ и безкабально есть, и тотъ долгъ тому же, кому крестьяня достались, кромѣ того долгу, что въ прошломъ 136 году съ марта съ 1-го числа давано, въ какіе промыслы или на ссуду: и тѣ долги вольно намъ выбирати, хотя кому изъ насъ тѣ крестьяне ни досталися, и намъ межъ собою въ томъ долгу 136 года управа давати и долги выбирати нынѣшняго же 137 года до Троицына дни, а далѣ Троицына дни сроку не давати, денги доправити, что въ какое издѣлье или на ссуду давано»...[2]). Такое же значеніе операціи ссуды выясняется и изъ вышеприведенной челобитной братіи Печерскаго монастыря на келаря Д. Омачкина, который «ссужалъ крестьянъ по вся годы» и, взявъ съ нихъ «заемныя кабалы въ хлѣбѣ и деньгахъ», своевременно не взыскивалъ по нимъ ссуженныхъ имъ капиталовъ, такъ что «кабалы изъ

1) Въ XVI—XVII вв. предметомъ ссуды могло служить не только «движимое имущество», но и «серебро»; ср. выраженія: «денегъ есьмя взяли на ссуду...» (А. Ю., № 182, 1582 г.); «Тереху Сергѣеву Валковскому крестьянину дано на ссуду 4 алтына съ новгородкою; да Калинѣ Семязинскому крестьянину дано полтора рубля на ссуду» (Приходорасходная книга игуменьи Владимірскаго Успенскаго монастыря Княгинина дѣвичьяго 1629 года во Влад. Губ. Вѣд. за 1857 г. № 32). Такимъ образомъ старинное словоупотребленіе далеко не соотвѣтствуетъ современной терминологіи. Съ точки зрѣнія послѣдней (Зак. гражд. ст. 2064—2065) можно назвать ссудой скорѣе тотъ договоръ, который въ нашей старинной практикѣ уже получилъ болѣе точное опредѣленіе. «Умилися, государь, надо мною Богу для, писалъ, напримѣръ, Е. Евсевьевъ изъ Курмыша архимандриту Печерскаго монастыря Іову, повидимому въ 1618 году, одари меня своимъ жалованьемъ, пожалуй, ссуди толковымъ Евангеліемъ на подержаніе» (Рус. Ист. Библ., т. II, № 191; тоже перепечатано въ Актахъ Нижегородскаго Печерскаго мон., изд. подъ ред. А. Титова, стр. 9). Римское commodatum какъ видно, названо здѣсь не ссудою вообще, а «ссудой на подержаніе».

2) Доп. къ А. И., т. I, № 56.

лѣтъ выходили» [1]). Аналогичныя извѣстія встрѣчаются и въ правительственныхъ актахъ первой половины XVII-го вѣка, гдѣ также можно указать на слѣды различія между подмогой и «ссудой». Такъ напримѣръ, въ одномъ документѣ 1632 года, извѣстномъ и г. Дьяконову, между прочимъ находится запись о томъ, что гулящимъ вольнымъ людямъ, «посаженнымъ въ крестьяне» въ Верхотурскомъ уѣздѣ вручено было съ 1624 по 1631 г. «подмоги на четь десятины по полтора рубли да на ссуду по три рубли человѣку», причемъ 217 поселенцамъ всего дано изъ казны на ссуду для ихъ бѣдности на лошадиную покупку 704 рубли, а въ тѣхъ деньгахъ иманы на нихъ заемныя кабалы, а по 140 годъ тѣхъ они денегъ въ казну не платили» [2]). Съ приведеннымъ текстомъ не мѣшаетъ сравнить и другіе, находящіеся въ отпискѣ Ленскихъ воеводъ П. Головина и М. Глѣбова относительно поселенія пашенныхъ крестьянъ на рѣкахъ Ленѣ, Кутѣ и Илимѣ въ 1641 году. Въ названномъ актѣ встрѣчается, напримѣръ, условіе о поселеніи устюжанина П. Яковлева на Ленѣ на Тунгузскомъ волокѣ; новопорядчику, притомъ, выдано было въ сущности двѣ «ссуды»: одна въ 30 рубл. на пріобрѣтеніе лошади и «на всякой пашеной заводъ не въ отдачю»; другая, размѣромъ тоже въ 30 рублей, — «взаймы» на два года; однородныя условія селитьбы предложены были и другимъ колонистамъ, желавшимъ занять берега р. Лены: «а на Ленѣ рѣкѣ, государь, писали воеводы, [тѣ], которые похотятъ въ пашнѣ сѣсть, и тѣмъ государь изъ твоей государевой казны [вручить] на лошадь деньги не въ отдачю, а на другую лошадь дать денегъ взаймы изъ твоей же государевой казны на два года» [3]). Въ подобнаго рода случаяхъ, повидимому, подмога уже смѣшивается съ «ссудой», но смѣшеніе едва ли не ограничивается одной терминологіей: въ приведенныхъ отрывкахъ все еще ясно различаются два рода ссуды: одну изъ нихъ, вѣроятно, правильнѣе было-бы назвать подмогой, если придерживаться старинной терминологіи, а за другою оставить данное ей обозначеніе, соединивъ съ нимъ болѣе точное значеніе.

Такимъ образомъ, едва ли слѣдуетъ, подобно г. Дьяконову, отождествлять подмогу съ ссудой (стр. 117) по крайней мѣрѣ, до второй половины XVII-го вѣка: подмогой крестьянинъ пользовался за свой трудъ по приведенію даннаго ему земельнаго участка въ состояніе пригодное для веденія хозяйства и не долженъ былъ возвращать ея до своего выхода или

1) Акты Нижегородскаго Печерскаго мон., изд. подъ ред. А. Титова, стр. 303 и 305; ср. Рус. Ист. Биб., т. II, № 177.

2) А. И., т. III, № 172.

3) Доп. къ А. И., т. II, № 92. Ниже въ той же отпискѣ воеводы пишутъ, что «въ той пашнѣ и въ ссудныхъ и въ заемныхъ деньгахъ» они взяли по П. Яковлевѣ поручную запись у торговыхъ и промышленныхъ людей; ср. Рус. Ист. Библ., т. III, №№ 56 и 149.

бѣгства изъ имѣнія кредитора, а «ссуда» по краткосрочномъ и, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, безвозмездномъ пользованіи ею, или подлежала возвращенію или, становилась долгомъ, проценты съ котораго крестьянину обыкновенно приходилось отрабатывать не на своемъ участкѣ, а, вѣроятно, на барской пашнѣ, если только онъ не выплачивалъ ихъ продуктами или чистыми деньгами.

Различіе между подмогой и ссудой XVII вѣка, отрицаемое г. Дьяконовымъ, какъ видно, все еще не совсѣмъ исчезло въ первой его половинѣ; оно, вѣроятно, постепенно стало утрачиваться послѣ изданія Уложенія[1]). Едва ли вѣрно рѣшая этотъ вопросъ, г. Дьяконовъ не дѣлаетъ никакихъ указаній на причины, вызвавшія подобное смѣшеніе, а также на его направленіе. Въ виду свойствъ договоровъ, состоявшихъ въ выдачѣ подмоги и ссуды, первый, вѣроятно, былъ гораздо менѣе распространенъ, чѣмъ второй, какъ въ пространствѣ, такъ и во времени; усиленію того же результата, можетъ быть, содѣйствовало постепенное сокращеніе числа пустошей во владѣльческихъ имѣніяхъ, что, разумѣется не могло способствовать развитію обычая надѣлять крестьянина подмогой, и, во всякомъ случаѣ, не мѣшало ссуднымъ операціямъ землевладѣльца. При смѣшеніи подмоги съ ссудой, обнаружившемся какъ мы видѣли уже въ томъ, что крестьянинъ обязывался вернуть подмогу землевладѣльцу при выходѣ изъ его имѣнія, ссуда, какъ наиболѣе распространенный типъ могъ получить преобладающее значеніе въ самомъ процессѣ смѣшенія. И дѣйствительно, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ памятникахъ того времени нельзя не замѣтить склонности населенія приравнивать подмогу къ ссудѣ, а не обратно. Кромѣ выше приведеннаго характернаго случая обобщенія термина «ссуда» для обозначенія все еще по существу различаемыхъ другъ отъ друга понятій: «подмога и «ссуда», можно привести и нѣсколько другихъ свидѣтельствъ, относящихся, повидимому, уже къ періоду смѣшенія ихъ. Такъ напримѣръ, съ одной стороны въ актахъ XVII вѣка начинаютъ встрѣчаться упоминанія о «подмогѣ по кабаламъ», съ другой на подмогу уже прямо переносятъ свойства ссуды, что видно изъ одной рядной записи 1649 г.; здѣсь написано, что Михалко Корнильевъ» взялъ на подмогу у государя своего

1) Само собою разумѣется, что отдѣльные случаи подобнаго рода могли возникать и гораздо ранѣе; впрочемъ, извѣстная порядная 1582 года (А. Ю., № 182), въ которой уже, можетъ быть, обнаруживается такое смѣшеніе, содержитъ не совсѣмъ обычную формулу: «ржи насѣяно въ земли пять четвертей да денегъ есмя взяли на ссуду полтина: пашня намъ пахати, земли не запереложити и вново чистити, а во дворѣ намъ поставиты изба новая и старые хоромы починивати . . . . а котораго году учнемъ мы избу ставити и имъ насъ пожаловати не велити намъ издѣлья монастырскаго дѣлати». . . Едва ли можно безъ оговорокъ сказать, что въ этомъ актѣ «ссуда названа подмогой». «Рожь въ землѣ» могла имѣть значеніе подмоги, а ссудою въ такомъ случаѣ названы одни деньги, взятыя порядчиками; ср. впрочемъ Р. И. Б., т. XIV, стб. 877.

денегъ и хлѣба и всякой ссуды на 5 рублевъ»; порядчикъ, при этомъ, обязывался: «наживъ, та ссуда ему государю своему заплатить»[1]). Сдѣлки подобнаго рода указываютъ на превращеніе крестьянскихъ порядныхъ въ ссудныя; въ ссудныхъ же обыкновенно уже нѣтъ рѣчи о подмогѣ, «за» которую порядчики обязуются дворъ строить и проч., а есть только упоминаніе о выдачѣ ссуды «на» дворовое строеніе и проч.[2]). Такимъ образомъ можно сказать, что подмога стала сливаться съ ссудою; слѣдовательно, и процессъ «смѣшенія» едва ли не состоялъ въ постепенномъ поглощеніи подмоги ссудой.

Кромѣ ссуды, какъ безпроцентнаго займа, землевладѣльцы нерѣдко давали въ займы своимъ крестьянамъ деньги и подъ проценты. «Издѣльное серебро» и «деньги въ селѣхъ въ ростѣхъ» или «ростовое серебро», не говоря объ извѣстныхъ грамотахъ князей Михаила Андреевича и Андрея Васильевича, а также великой княгини Софіи Витовтовны, упоминаются и въ другихъ случаяхъ: такъ напримѣръ, въ одной духовной 1460 года завѣщатель «даетъ» монастырю свои сельца и деревни; «и што въ тѣхъ селцехъ и въ деревняхъ, пишетъ онъ, на людехъ мое серебро дѣлное и ростовое и язъ то далъ все Пречистой на Симаново»; въ другомъ актѣ подобнаго же рода 1491 г. наслѣдодатель передаетъ сыну между прочимъ село Богородицкое; «а что въ томъ селѣ, пишетъ онъ, серебра моего на крестьянехъ делнаго и ростового сорокъ рублевъ безъ полутретья рубли и язъ тѣхъ денегъ на крестьянехъ не велѣлъ имати сыну своему»; отъ позднѣйшаго времени сохранились, конечно, и болѣе общія постановленія правительства относительно такихъ случаевъ[3]). Г. Дьяконовъ, какъ указано было выше, совершенно отстраняется отъ изученія подобнаго рода сдѣлокъ и роли ихъ въ процессѣ прикрѣпленія, хотя и обращаетъ вниманіе на то сходство, какое существовало между крестьянскою ссудною записью и служилой кабалой: въ своемъ изслѣдованіи на вопросъ о томъ, что разумѣть подъ «издѣльнымъ серебромъ», онъ не даетъ надлежащаго отвѣта. Между тѣмъ въ извѣстной грамотѣ 1450 года прямо сказано, что серебряники должны «дѣло додѣлывать на то серебро», которое получили отъ землевладѣльца до выхода изъ его имѣнія[4]); и дѣйствительно, съ начала XVI вѣка сохранился цѣлый рядъ заемныхъ кабалъ, по которымъ ростъ съ занятыхъ капиталовъ должники выплачивали работою; «а не похочю у

1) Акты, от. къ исторіи тяглаго населенія, соб. М. Дьяконовымъ, вып. I, №№ 9, 32, 47 и 49.

2) Акты, от. къ исторіи тяглаго населенія, соб. М. Дьяконовымъ, вып. I, №№ 49, 54, 58, 64 и др. В. Борисовъ, Описаніе г. Шуи, № 78.

3) С. Г. Г. и Д., ч. I, №№ 83, 112 и 122; А. Э., т. I, № 48. А. от. до Ю. Б., Акты гражд. распр., собр. и изд. А. Ѳедотовымъ-Чеховскимъ, т. I, № 94. А. И., т. I, № 154.

4) А. Э., т. I, № 48; въ чемъ состояло издѣлье см. ibid., № 11.

него (заимодавца) работать до сроку, читаемъ мы обыкновенно въ такихъ актахъ, и мнѣ ему деньги его дать всѣ и съ ростомъ по росчету»[1]). Если припомнимъ, что плательщиковъ «дѣлового серебра» иногда называли издѣльниками, а самое серебро — «серебромъ въ пашни», то и придется признать вѣроятность предположенія, что въ займахъ, связанныхъ съ отработкою процентовъ должникомъ, нельзя не видѣть весьма существеннаго источника той зависимости крестьянъ отъ землевладѣльцевъ, которая сближала прежнихъ издѣльщиковъ съ позднѣйшими кабальными холопами и противъ которой было направлено государственное прикрѣпленіе крестьянъ. Не останавливаясь долѣе на этомъ явленіи, уже затронутымъ предшествующей литературой[2]), замѣтимъ только, что обычай отдавать серебро въ займы «изъ дѣла» былъ, вѣроятно, сильно распространенъ и обладалъ большою жизненной энергіей: сравненіе извѣстныхъ статей Судебника 1550 года о «кабалахъ за ростъ служити» показываетъ, что правительство едва ли успѣшно боролось противъ стремленія населенія переносить свойства «издѣльнаго серебра» на «ростовое»[3]). Впрочемъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда должникъ не выплачивалъ ростъ съ серебра своею работой, заемъ подобнаго рода тѣмъ не менѣе, легко вовлекалъ его въ личную зависимость отъ кредитора въ случаѣ просрочки долга. Приведемъ отрывокъ изъ одного дѣла 1530 года, хорошо иллюстрирующій печальные результаты, какими подобнаго рода сдѣлки, вѣроятно, довольно часто кончались для «заимщика». Въ 1515—1516 гг. нѣкій П. Омельяновъ занялъ по кабалѣ нѣсколько денегъ у прикащика М. Казнакова съ обязательствомъ выплатить ихъ черезъ годъ и «ростъ дать по розчету». П. Омельяновъ оказался, однако, не исправнымъ плательщикомъ и М. Казнаковъ принужденъ былъ подать искъ въ судъ, который и «судилъ» дворецкій И. И. Колычевъ. На судѣ Ивашка Михайловъ, человѣкъ М. Казнакова заявилъ слѣдующее: «Жалоба ми, господине, на того Петрушку на Омельянова сына: занялъ, господине онъ у меня [съ ?] своими товарыщи полтретья рубли денегъ, государя моего серебра, въ кабалу, до тѣхъ мѣстъ денегъ не заплатятъ. А се, господине, кабала передъ тобою». По разслѣдованіи дѣла П. Омельяновъ оказался виноватымъ, въ чемъ и самъ признался на судѣ. «И по княжъ Андрееву слову Ивановича дворецкой Иванъ Ивановичь ищею Ивашка Михайлова человѣка оправилъ, а отвѣтчика, Петрушку Омельянова сына,

1) Акты, представленные въ Разрядъ, соб. А. Юшковымъ (Чт. М. О. И. и Д. 1898 г.) №№ 78, 94, 106 и 108 (1510—1519 гг.). Такимъ образомъ мнѣніе высказанное Б. Н. Чичеринымъ (Опыты, стр. 201) подтверждается новымъ матеріаломъ. Ср. М. Дьяконовъ, Op. cit., стр. 80, прим. 3.

2) Б. Чичеринъ, Опыты, стр. 201. В. Ключевскій, Происхожденіе крѣпостного права въ Рус. Мысли за 1885 г., № 10, стр. 9—10.

3) Судебникъ 1550 г., ст. 78 и 82; ср. А. Э., т. I, № 257.

и въ товарыщевъ ево мѣста обвинилъ и велѣлъ на немъ доправить ищеина иску, Иванка Михайлова, человѣка Казнакова, полтретья рубли по кабалѣ съ росты да отдати ищеѣ»... «И Иванъ Ивановичъ (Колычевъ) вспросилъ Петрушки (Омельянова сына): деньги тебѣ заплатить мочно ль? А порука и переводъ по тебѣ въ деньгехъ есть ли? И язъ тебѣ дамъ срокъ». На вопросъ судьи Петрушка отвѣтилъ: «денегъ, господине, мнѣ заплатити не мочно, а поруки, господине, и перевода по мнѣ въ деньгехъ нѣтъ». Случай подобнаго рода можно было легко подвести подъ 55 статью Судебника 1497-го года. И дѣйствительно согласно ей «Иванъ Ивановичъ велѣлъ недѣльщику Летягѣ Измайлову выдать отвѣтчика Петрушку Емельянова сына ищеѣ Иванку Михайлову человѣку Казнакова въ его иску въ полутретьехъ рублехъ по кабалѣ съ росты до искупу головою» [1]). Правило, формулированное въ Судебникѣ 1497 года, какъ видно, примѣнялось на практикѣ; о распространенности его свидѣтельствуетъ то, что оно въ развитомъ видѣ попало въ Судебникъ 1550 года, а также повторяется и въ другихъ документахъ второй половины XVI вѣка [2]).

Итакъ, взятіе подмоги и ссуды стѣсняло свободу вольнаго перехода крестьянъ, а заемъ издѣльнаго и ростоваго серебра, кромѣ того, ставилъ должника въ зависимость отъ господина, легко выводившую «заимщика» изъ числа тяглецовъ [3]); противъ такого именно исхода и направлено было государственное прикрѣпленіе къ тяглу. Къ явленіямъ подобнаго рода, можно, пожалуй, причислить и ту долговую зависимость крестьянина отъ землевладѣльца, которая, вѣроятно, не разъ возникала въ тѣхъ случаяхъ, когда пеня, падавшая на порядчика за нарушеніе какихъ либо условій его поряда, оставалась не уплаченной. Между тѣмъ, во всѣхъ типахъ частной зависимости крестьянъ отъ землевладѣльцевъ, разсмотрѣнныхъ нами выше, нельзя не признать процесса, вредившаго интересамъ казны; слѣдовательно развитіе его естественно оказалось одною изъ главнѣйшихъ причинъ, вызвавшихъ прикрѣпленіе крестьянъ къ тяглу, хотя бы юридическія основанія послѣдняго и были иными; г. Дьяконовъ, лишь мимоходомъ коснувшись вопроса о задолженности крестьянъ, не подвергаетъ его, однако, изслѣдованію, тѣмъ болѣе важному, что самый вопросъ все еще нуждается въ правильной постановкѣ и еще не получилъ окончательнаго рѣшенія. Указанный пробѣлъ въ сочиненіи г. Дьяконова мы считаемъ

1) Сборникъ актовъ, изд. Н. Лихачевымъ, вып. I, № 14. Акты XIII—XVII вв., представленные въ Разрядный приказъ и соб. А. Юшковымъ, № 128: Правая грамота данная Ивану Хлудьеву, человѣку Мих. Казнакова въ спорѣ со Емельяномъ Кулешевымъ о заемныхъ деньгахъ, занятыхъ послѣднимъ у господина его (1530 г. Янв. 17). Судебникъ 1497 г., ст. 55; ср. М. Дьяконовъ, Op. cit., стр. 77—78.

2) Судебникъ 1550 г., ст. 90; А. Э., т. I, № 257; А. И., т. I, № 154 (указы 1558 и 1565 гг.).

3) Р. И. Б., т. XIV, стб. 968 и 1137. А. Э., т. I, № 48; Доп. къ А. И., т. I, № 198.

весьма существеннымъ, такъ какъ по замѣчанію автора «возможность [должнику] самостоятельно расплатиться съ кредиторомъ составляла рѣдкое исключеніе» (стр. 77). Въ грамотахъ половины XV вѣка уже встрѣчаются распоряженія о вывозѣ крестьянъ изъ того или другого имѣнія по уплатѣ того «серебра, въ которомъ они скажутся виноватыми» прежнимъ владѣльцамъ [1]), а отъ 1515—1517 гг. сохранилось и нѣсколько докладныхъ грамотъ, укрѣплявшихъ сдѣлки подобнаго рода; формулировка ихъ обыкновенно слѣдующая: «занялъ есми, господине, пишетъ заимщикъ, у такого то лица столько то денегъ и тѣ есми деньги платилъ старому своему государю, а за ростъ мнѣ у него (т. е. у новаго кредитора) работать» [2]). Въ видѣ привилегіи крестьяне Моревской волости получили въ 1530 г. право, состоявшее въ томъ, что «должной человѣкъ, нетяглой и неписьменой, опричь слободчиковъ, приходившій къ нимъ, могъ выплатить долгъ своимъ должникамъ въ пять лѣтъ въ истую уплату безъ росту»... [3]). Самъ г. Дьяконовъ готовъ признать широкое распространеніе крестьянской задолженности (стр. 26) и едва ли на достаточныхъ основаніяхъ пренебрегаетъ изученіемъ явленія, такъ тѣсно связаннаго съ исторіей прикрѣпленія.

Не маловажнымъ должно также считать вопросъ о томъ, почему процессы прикрѣпленія (какъ частнаго, такъ и государственнаго) усилились къ концу XVI-го вѣка? Г. Дьяконовъ даже не ставитъ такого вопроса; естественно, что и прямого отвѣта на него мы не находимъ въ его сочиненіи, посвященномъ, однако, главнымъ образомъ, выясненію «историческихъ судебъ тяглаго населенія въ Московскомъ государствѣ».

Одною изъ причинъ интенсивнаго развитія здѣсь крѣпостного права во второй половинѣ XVI в., можетъ быть, слѣдуетъ усматривать въ постепенномъ переходѣ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, который въ то время сталъ едва ли не болѣе замѣтнымъ, чѣмъ прежде. Не имѣя возможности въ нашемъ отзывѣ останавливаться на изученіи этого явленія въ полномъ объемѣ, мы затронемъ лишь тѣ его стороны, которыя имѣютъ ближайшее значеніе для рѣшенія поставленнаго вопроса. Весьма вѣроятно, что вышеуказанный переходъ въ исторіи крестьянскаго быта былъ связанъ съ болѣе или менѣе насильственной замѣною землевладѣльцами натуральнаго оброка денежнымъ. Такое превращеніе, конечно, происходило довольно медленно; хозяева достигали его, вѣроятно, различными путями. Укажемъ на одинъ изъ нихъ, можетъ быть, довольно распространенный. Весьма древнимъ способомъ эксплуатаціи земли, вѣроятно, было половничество, когда сборъ, выплачиваемый крестьяниномъ землевладѣльцу, оказывался, конечно,

1) А. Э., т. I, № 73 (1462 г.).
2) Акты, представленные въ Разрядъ и соб. А. Юшковымъ, №№ 93, 98 и 102.
3) Доп. къ А. И., т. I, № 26.

натуральнымъ. Между тѣмъ есть основаніе предполагать, что половничество до XVI вѣка (или до второй его половины) было гораздо болѣе распространено, чѣмъ въ послѣдующее время, когда смѣнилось новыми отношеніями, свидѣтельствующими о постепенномъ переходѣ къ денежному оброку. Г. Дьяконовъ обратилъ вниманіе лишь на половниковъ поморскихъ уѣздовъ и вовсе не попытался прослѣдить степень распространенности половничества въ другихъ частяхъ Московскаго государства, что не трудно было бы сдѣлать на основаніи того богатаго архивнаго матеріала, которымъ располагалъ авторъ «очерковъ». Давно уже было замѣчено, напримѣръ, что «преобладающей формой» уплаты сборовъ въ пользу землевладѣльцевъ земледѣльческимъ населеніемъ Новгородской и Псковской области, судя по писцовымъ книгамъ XV — XVI вв., было половничество и «притомъ не только въ земледѣліи, но и въ рыболовствѣ» [1]). «Въ писцовой книгѣ Торопецкаго уѣзда, относящейся къ началу сороковыхъ годовъ XVI в., также встрѣчаются случаи подобнаго рода: въ Стрежинской переварѣ въ д. Головковѣ, напримѣръ, жилъ «Сидорко Кузьминъ половникъ» [2]). Такую же форму эксплуатаціи можно было встрѣтить одновременно въ уѣздахъ Каргопольскомъ, Бѣлозерскомъ и Вологодскомъ [3]), гдѣ она вѣроятно держалась и въ XVII вѣкѣ. Такъ напримѣръ, судя по писцовой книгѣ 1618 года въ имѣніяхъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря въ Бѣлозерскомъ и Вологодскомъ уѣздахъ встрѣчались половники: въ селѣ Покровскомъ монастырскіе коровники пахали пашню «исъ полу» [4]). Аналогичныя извѣстія можно подобрать и относительно Сольвычегодскаго уѣзда, гдѣ еще въ XVII вѣкѣ половничество было, повидимому, явленіемъ довольно распространеннымъ; такъ напримѣръ, за Вологодскимъ архіепископомъ въ Вилегоцкой волости Усольскаго уѣзда числилось 25 половничьихъ дворовъ съ населеніемъ въ 42 чел.; за Архангельскимъ монастыремъ, что на Устюгѣ Великомъ, оказалось «79 дворовъ половничьихъ, людей въ нихъ 163 человѣка»; а въ деревняхъ Сольвычегодскаго Благовѣщенскаго собора въ то же время жило 65 половниковъ въ 34 дворахъ; слѣдуетъ замѣтить, притомъ, что въ имѣніяхъ вышепоименованныхъ владѣльцевъ другихъ пашенныхъ крестьянъ не было переписано; за свѣтскими владѣльцами также числилось не мало половниковъ, но въ общемъ итогѣ по уѣзду они въ особый разрядъ

1) П. Соколовскій, Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи, Спб. 1877 г., стр. 33. Еще въ XVII в. встрѣчаются порядныя такого типа; см. Акты и пр., соб. М. Дьяконовымъ, вып. I, №№ 15, 17, 19, 21, 29, 32, 38 и 72

2) Н. Рожковъ, Рецензія на «Очерки» г. Дьяконова въ Жур. Мин. Нар. Просв. за 1899 г., № 1, стр. 238; ср. его же: Сельское Хозяйство и пр., стр. 191.

3) Н. Рожковъ, Op. cit., стр. 164—165.

4) Писц. кн. вотчинъ Кирилло-Бѣлозерскаго мон. въ библ. СПб. Духов. Акад. Кир. № 76/1315, л. 12.

не выдѣлены[1]). Въ уѣздахъ, ближайшихъ къ Сольвычегодскому, напримѣръ, Устюжскомъ, Слободскомъ и Хлыновскомъ, было, кажется, значительно распространено то же явленіе не только въ XVI, но и въ XVII вѣкахъ[2]). Далѣе однородные примѣры встрѣчаются и нѣсколько южнѣе. Въ правой грамотѣ 1522—1523 гг., данной Троице-Сергіеву монастырю по поводу поземельнаго спора его съ крестьянами черныхъ волостей Залѣсья и Березовца Костромского уѣзда встрѣчается между прочимъ извѣстіе, сообщаемое однимъ изъ старожильцевъ о своемъ поселеніи; «отецъ мой, говорилъ онъ на судѣ, пришелъ въ ту землю Оглоблинскую, а язъ съ своимъ отцомъ на Степанова отца мѣсто на Панафидино половничество; а ужъ тому полпятадесять лѣтъ, а половничаю, господине, на монастырь»[3]). Въ имѣніи Тверского отроча монастыря, какъ видно изъ жалованной грамоты князя Бориса Александровича (1437—1461 гг.), также были половники[4]). Д. Г. Плещеевъ въ своей духовной 1558—1559 гг. упоминаетъ о хлѣбѣ, «который сѣенъ у крестьянъ исполу»[5]). Наконецъ, тотъ же порядокъ отношеній, повидимому, могъ проникнуть изъ центральной области и на южную окраину: власти Савво-Сторожевскаго монастыря, напримѣръ, въ своемъ наказѣ строителю приписного Пурдышевскаго монастыря объ управленіи монастырскою отчиною на р. Мокшѣ еще въ 1689 году предписывали ему посадить крестьянъ на новоотводную пашню и «сѣять крестьянамъ на себя изъ оброку или исполу»[6]). Такимъ образомъ, не смотря на отрывочность свѣдѣній, приведенныхъ выше, можно все же пріііти къ заключенію, что половничество было далеко не мѣстною только (поморскою) формою хозяйственной эксплуатаціи земли и продолжало, по крайней мѣрѣ, въ отдѣльныхъ случаяхъ практиковаться и въ позднѣйшее время.

Есть основанія, однако, предполагать, что въ XVII вѣкѣ предѣлы распространенія половничества значительно сузились, такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, повидимому, его стали вытѣснять новыя формы отношеній. Самыя условія половничества, какъ извѣстно, не отличались устойчивостью: они прежде всего мѣнялись въ зависимости отъ хозяйственнаго положенія земледѣльца. Тамъ напримѣръ, въ имѣніи Пѣнежскаго Черногорскаго мо-

1) Писц. кн. Сольвычегодскаго уѣзда XVII в. въ Имп. Публ. Библ., F. IV, 497, лл. 513, 521, 541 и 555.

2) Н. Рожковъ, Op. cit., стр. 164—165 и 175. П. Ивановъ, Къ исторіи крестьянскаго землевладѣнія на сѣверѣ въ XVII вѣкѣ въ Древностяхъ, тр. археогр. ком. моск. арх. общ., т. I, вып. 3, М. 1899 г., стр. 429.

3) Акты гражд. расправы, изд. А. Ѳедотовымъ-Чеховскимъ, т. I, № 34.

4) А. Э., т. I, № 34.

5) Сборникъ актовъ, изд. Н. Лихачевымъ, стр. 34.

6) А. И., т. V, № 191.

настыря въ началѣ XVII вѣка жилъ половникъ В. Шелутковъ, порядившійся на не запаханную пустую землю; послѣ восьмилѣтней льготы онъ долженъ былъ въ теченіе 10 лѣтъ отдѣлять въ пользу монастыря $^1/_4$, а черезъ 18 лѣтъ $^1/_3$ сбора. Вслѣдъ за В. Шелутковымъ на тотъ же участокъ попалъ другой порядчикъ, П. Афонасьевъ, давшій монастырскимъ властямъ запись на себя въ томъ, «что ему по той записи та ихъ монастырская земля пахать исъ трехъ долей, а четвертая доля имъ въ монастырь»: «и сколько, читаемъ мы въ томъ же договорѣ, новой земли учиститъ, и съ той земли три хлѣба ему сряду, а послѣ того та земля по томужъ пахати, какъ въ записи написано»[1]). Не представляя, такимъ образомъ, вполнѣ устойчивой по своимъ размѣрамъ нормы, «выдѣльный хлѣбъ», уплачиваемый половниками своимъ господамъ, вѣроятно, легко могъ перейти и въ хлѣбный оброкъ, уже точно опредѣленный и не зависѣвшій отъ степени урожая. По крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ, повидимому, первоначально преобладала система половничества, позднѣе дѣйствуетъ новый порядокъ: земледѣлецъ даетъ землевладѣльцу въ видѣ «подати» опредѣленное число мѣръ хлѣба, что называлось «празгою»[2]). Въ подобныхъ хозяйствахъ крестьяне отбывали кое-какія натуральныя повинности и давали землевладѣльцу хлѣбный оброкъ, не принося ему никакого денежнаго «дохода»[3]). Трудно сказать, конечно, существовало ли время, когда вообще (а не въ отдѣльныхъ случаяхъ только) хлѣбный оброкъ замѣнялъ всякаго рода другіе сборы. Уже въ XV вѣкѣ наряду съ половничествомъ мы встрѣчаемъ и денежную плату. Какъ на сѣверѣ, такъ и въ центральной области одни и тѣ же крестьяне вносятъ землевладѣльцу частью хлѣбный, частью и денежный оброкъ[4]). Бывали, впрочемъ, имѣнія, гдѣ обязанности подобнаго рода распредѣлялись иначе, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшее время; «оброчнаго у насъ хлѣба, писалъ, напримѣръ, одинъ изъ землевладѣльцевъ Вологодскаго края въ 1620 г., съ выти по чети ржи; да по чети ядрецъ, а въ иныхъ селѣхъ

1) Имп. Публ. Библ. Древлехран. М. Погодина, Сборникъ № 1911, лл. 88—94 об. Въ Актахъ и пр., собр. М. Дьяконовымъ (см. прим. выше и ниже) можно найти любопытныя подробности о хозяйственныхъ обязанностяхъ половниковъ.

2) Акты и проч., собр. М. Дьяконовымъ, вып. I, №№ 26, 59 и 69.

3) Вологод. губ. вѣд. за 1864 г.; № 4: Отпись изъ Спасокаменнаго монастыря въ Спасоприлуцкій о крестьянскихъ издѣліяхъ и оброкѣ 1620 г.

4) Писц. кн. села Пурокъ въ Румянц. и Публич. Музеѣ №№ 1599 и 1600; Сборникъ актовъ и пр. Н. Лихачева, стр. 34; Акты и пр. М. Дьяконова, вып. I, №№ 5, 14 и 20. П. Соколовскій, Op. cit., стр. 34. Взамѣнъ денежнаго оброка мало по малу стала появляться и барщина; такъ напримѣръ, въ 7157 году архимандритъ Спасо-Евеимьева монастыря Іосифъ заявлялъ въ своей челобитной государю, что съ монастырскихъ крестьянъ и бобылей «окромѣ монастырскаго издѣлья и всякой работы оброку денежнаго въ монастырь нейдетъ» (Акты, собр. М. Дьяконовымъ, вып. II, № 80).

денежной оброкъ — съ выти по 10 алтынъ»[1]). Замѣчательно, при этомъ, что землевладѣльцы, повидимому, стремились замѣнить натуральныя повинности денежными. Факты, подтверждающіе нашу гипотезу, можно подыскать въ отрывочныхъ свѣдѣніяхъ объ имѣніяхъ, расположенныхъ въ довольно разнообразныхъ областяхъ Московскаго государства. Уже во второй половинѣ XVI вѣка въ мѣстностяхъ, гдѣ половничество было распространено издавна, встрѣчаются разныя комбинаціи его съ уплатой денежнаго оброка. Такъ напримѣръ, всѣ земледѣльцы сольвычегодской вотчины вологодскаго владыки въ описаніи ея 1587 года названы «половниками» и тѣмъ не менѣе они же платили владыкѣ какой-то «оброкъ съ того сельца и съ деревень и съ вытей»[2]). Порядныя XVII вѣка содержатъ болѣе опредѣленныя указанія на такія переходныя формы. Здѣсь довольно часто встрѣчаются условія о внесеніи порядчиками вмѣсто разнаго «здѣлья», въ случаѣ оно не будетъ выполнено ими, соотвѣтствующихъ денежныхъ платежей, которыя имѣютъ значеніе «заставки» или просто замѣняютъ натуральныя повинности и сборы въ пользу землевладѣльцевъ[3]). Въ силу нѣкоторыхъ порядныхъ той же мѣстности половники, помимо здѣлья, при съемкѣ земельныхъ участковъ становились въ отношенія оброчниковъ къ ихъ владѣльцамъ. Двое половниковъ, напримѣръ, порядившіеся въ 1665 году въ одну изъ деревень Устюжскаго Успенскаго собора, обязались «приполонный хлѣбъ дѣлить пополамъ» съ вотчинникомъ; кромѣ того, они получили право пользоваться «капусникомъ, гуменникомъ и конопленикомъ на себя», а также «сѣнные покосы тоя деревни косить все на себя». «А оброку съ того села, читаемъ мы далѣе въ той же порядной, намъ половникомъ давать въ казну, протопопу зъ братьею, на всякой годъ по рублю по двадцати алтынъ»[4]). Такимъ образомъ, по всей вѣроятности, за пользованіе «капусникомъ, гуменникомъ и конопленникомъ», а также сѣнными покосами «на себя» половники и выплачивали оброкъ; дѣйствительно въ тѣхъ случаяхъ, когда порядныя содержатъ условія о томъ, чтобы вотчинникъ «имâлъ на себя, напримѣръ, по любой грядѣ капусника на годъ» или бралъ половину «приполона» съ конопленика или скошеннаго сѣна, упоминаній объ оброкѣ съ нихъ не встрѣчается[5]). Слѣдовательно, въ случаяхъ, подобныхъ вышеприведенному, половникъ одновременно, хотя и въ разныхъ отношеніяхъ оказы-

1) Отпись изъ Павлообнорскаго монастыря въ Спасоприлуцкій 6 Апр. 1620 г. о томъ, какъ крестьяне издѣлье дѣлаютъ и оброкъ платятъ? въ Вологод. Губ. Вѣд. за 1864 г., № 4.

2) Н. Рожковъ, Op. cit., стр. 163. Авторъ, однако, въ данномъ случаѣ довольно произвольно отнесся къ изучаемому имъ матеріалу, въ чемъ легко убѣдиться, если сравнить названную страницу съ нижеслѣдующими нашими замѣчаніями.

3) Р. И. Б., т. XIV, стб. 943—946, 951—954, 967, 969, 1135—1139.

4) Р. И. Б., т. XII, стб. 401—403.

5) Р. И. Б., т. XIV, стб. 877, 949, 960 и 1136.

вался не только съемщикомъ исполу, но и оброчникомъ. Бывали также случаи, когда половникъ выплачивалъ землевладѣльцу и другіе денежные сборы; С. Масленниковъ, напримѣръ, порядясь въ вотчину Устюжскаго Троицкаго монастыря «на своихъ половничьихъ на двухъ лошадехъ» обязался вносить въ казну монастырскую «пожилого по полтинѣ съ лошади на годъ, а обоего по рублю на годъ» [1]). Въ сдѣлкахъ подобнаго рода нельзя не усмотрѣть переходныхъ формъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному. Съ той же точки зрѣнія особенно характерны извѣстія о Новгородской землѣ, уже обратившія на себя вниманіе одного изъ рецензентовъ «очерковъ» г. Дьяконова. «По переписной окладной книгѣ Вотской пятины 1500 г. въ помѣстьяхъ и монастырскихъ земляхъ землевладѣльцы обыкновенно получали доходъ съ крестьянъ долею продукта: чаще всего господствуетъ норма «изъ хлѣба треть». Въ 1568 году прежній порядокъ уплаты натуральнаго оброка крестьянами встрѣчается въ Вотской пятинѣ уже не такъ часто: онъ замѣняется теперь или взносомъ хлѣба «посполѣ», т. е. въ точно опредѣленныхъ размѣрахъ, не зависящихъ отъ урожая; напримѣръ, съ каждой обжи платятъ по 1 коробьѣ ржи, 1 четверткѣ жита (= ячменя), 1 четверткѣ пшеницы, ½ коробьѣ овса, не считая издѣлья и небольшого денежнаго сбора или прямо денежнымъ оброкомъ, обычный размѣръ котораго по книгѣ 1 р. съ обжи. Еще ближе къ концу XVI вѣка — въ 90-хъ годахъ — нѣтъ уже совершенно слѣдовъ половничества» [2]). Такое же впечатлѣніе вынесъ и другой изслѣдователь того же матеріала; «въ писцовыхъ книгахъ Новгородской области, пишетъ онъ, приводятся постоянно платежи по старому письму и по новому; сравнивая ихъ, легко видѣть, что землевладѣльцы, во первыхъ, старались замѣнить натуральныя повинности денежными и, во вторыхъ, увеличить ихъ» [3]). Нѣчто подобное, вѣроятно, легко было бы установить и относительно уѣздовъ: Сольвычегодскаго, Устюжскаго, Вологодскаго и Бѣлозерскаго, гдѣ, какъ мы видѣли, встрѣчались половники, но не позднѣе XVII вѣка землевладѣльцы уже взимали и денежный оброкъ [4]). Такъ, напримѣръ, въ имѣніяхъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, расположенныхъ въ Вологодскомъ и Бѣлозерскомъ уѣздахъ, до 1600—1601 г. крестьяне платили монастырю оброка: 6264¼ четвертей разнаго хлѣба и 299 р. 35¼ к. деньгами, а въ 1601 г., когда сдѣлано было новое описаніе монастырскимъ имѣніямъ,

1) Р. И. Б., т. XIV, стб. 1137—1138.

2) Н. Рожковъ, Рецензія на соч. М. Дьяконова въ Журн. Мин. Нар. Просв., за 1899 г., № 1, стр. 237—238.

3) П. Соколовскій, Op. cit., стр. 35.

4) Сказки 1682 г. въ Арх. Мин. Юстиціи Столбцы Московскаго стола № 81. Тамъ же имѣются отрывочныя свѣдѣнія о денежномъ оброкѣ, взимаемомъ землевладѣльцами со своихъ крестьянъ въ уѣздахъ: Галицкомъ и Муромскомъ; Н. Рожковъ, Op. cit., стр. 161 и 163.

оказалось, что крестьяне вносили въ монастырскую казну лишь 2676 четвертей хлѣба, продолжая, однако, выплачивать туда же прежній денежный оброкъ. Хотя отсутствіе хронологической даты въ нашемъ документѣ и затруднительность опредѣленія колеблющихся цѣнъ на хлѣбъ одновременно для разныхъ видовъ его лишаетъ насъ возможности точно высчитать процентное отношеніе стоимости одного оброка къ другому, однако, на основаніи приведенной записи, можно предполагать, что оно измѣнилось въ вышеуказанномъ смыслѣ: денежный оброкъ въ имѣніяхъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря замѣтно повысился къ началу XVII в.[1]). Слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ мѣстностяхъ, не далеко отстоявшихъ отъ центра изучаемая нами перемѣна произошла раньше: въ Бѣжецкой пятинѣ въ сороковыхъ годахъ XVI вѣка, повидимому, половничества уже не замѣтно[2]). Въ костромскомъ уѣздѣ во второй половинѣ XVII в. денежные сборы были также въ ходу[3]). Наконецъ, и на югъ отъ центра, хотя въ тоже время и встрѣчается половье, но съ очевиднымъ преобладаніемъ системы денежнаго оброка. Отдѣльные примѣры взиманія его можно встрѣтить въ уѣздахъ: Рязанскомъ, Веневскомъ, Новосильскомъ и Оболенскомъ въ XVI вѣкѣ[4]). Распространеніе денежнаго оброка, конечно, было стѣснено развитіемъ системы барщины; не мѣшаетъ замѣтить, однако, что въ XVI вѣкѣ бывали случаи, когда издѣлье и оброкъ, повидимому, существовали рядомъ въ одномъ и томъ же имѣніи, или когда «за издѣлье» крестьяне платили оброкъ землевладѣльцу[5]).

На основаніи всѣхъ вышеприведенныхъ фактовъ, можно, какъ видно, прійти къ заключенію, что съ XVI вѣка хозяйство низшаго класса населенія начинало терять натуральный характеръ, поскольку послѣдній сказывался въ обработкѣ земли исполу, а такая перемѣна не могла не отразиться и на положеніи самихъ половниковъ. Г. Дьяконовъ считаетъ его менѣе выгоднымъ для населенія, чѣмъ новыя формы собственно крестьянскаго хозяйства (стр. 176—177). Не отрицая въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ справедливости сдѣланнаго имъ заключенія, трудно, однако, принять его безусловно:

---

1) Книги переписныя всѣхъ селъ и деревень въ вотчинахъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря М. В. Молчанова и дьяка В. Нелюбова въ СПб. Дух. акад Кир. биб. № 70/1309, лл. 149—156.

2) Н. Рожковъ, Op. cit., стр. 191.

3) Списокъ костромскихъ помѣщиковъ съ означеніемъ ихъ окладовъ и доходовъ 7186 г. въ Арх. Мин. Юстиц. Московск. стола (Разрядъ), столбецъ № 216.

4) Н. Рожковъ, Op. cit., стр. 180—181. Въ селѣ Пурокахъ въ 1622 г., напримѣръ, описано было 64 деревни крестьянскихъ да «6 пустошей пашутъ изъ выдѣльнаго снопа»... (Румянц. и Публич. Музей, Собраніе И. Бѣляева, №№ 1599).

5) А. Э., т. I, № 251; Акты, пред. въ Разрядъ и соб. А. Юшковымъ № 196. Писц. кн. изд. подъ ред. Н. Калачева, т. I, стр. 284 (Москов. уѣздъ), стр. 744 и 777 (Дмитровскій уѣздъ).

земледѣльцу XVI—XVII вв. пожалуй далеко не всегда легче было платить деньги, чѣмъ продуктъ, хотя бы абсолютная цѣнность его и превосходила денежный оброкъ. Соотношеніе ихъ можетъ казаться намъ теперь далеко не такимъ, какимъ оно было на самомъ дѣлѣ для арендаторовъ, несомнѣнно сильно нуждавшихся въ денежныхъ средствахъ. Вѣдь не дѣлежъ урожая исполу, а именно плата денежнаго оброка и способствовала частному прикрѣпленію: арендаторъ, отдававшій господину свои скудныя денежныя средства, очевидно, лишался возможности уплатить ему подмогу, ссуду и т. п. Слѣдовательно, превращеніе половья въ денежный оброкъ должно было вредно отразиться на положеніи крестьянъ, въ однихъ случаяхъ порождая, а въ другихъ поддерживая ту зависимость, въ которой они находились отъ землевладѣльческаго класса.

Возрастаніе потребности сельскаго населенія въ денежныхъ средствахъ со второй половины XVI вѣка, можетъ быть, отчасти объясняется кромѣ того и перемѣнами, которыя въ то время произошли въ исторіи податной системы Московскаго государства. Въ уставныхъ грамотахъ и доходныхъ спискахъ, гдѣ опредѣлены размѣры кормовъ, взимаемыхъ органами мѣстнаго управленія съ населенія, имъ предоставлено право брать ихъ отъ него или натурою, или деньгами; «а не любъ будетъ такому то (чиновнику) кормъ, и онъ емлетъ за него деньгами столько-то» — такова обычная формула, встрѣчающаяся въ названныхъ документахъ съ самаго начала XVI вѣка [1]). Намѣстники, должно быть, предпочитали вторую изъ предлагаемыхъ перспективъ, такъ какъ въ грамотахъ имъ не рѣдко (въ противуположность подчиненнымъ властямъ) было предоставлено право взимать денежные сборы, безъ упоминанія о натуральныхъ повинностяхъ. Переводъ ихъ на денежные платежи наблюдается и въ исторіи другихъ сборовъ XV—XVI вв. Такъ напримѣръ, уже въ первой половинѣ XV в. встрѣчаются случаи взиманія яма въ смыслѣ денежной подати, а древнѣйшее изъ извѣстныхъ намъ упоминаній о ямскихъ деньгахъ относится къ 1500 году; со второй же половины XVI в. и случаи перевода посошной службы на деньги учащаются. Наконецъ слѣдуетъ отмѣтить, что съ того же времени мы впервые узнаемъ о цѣломъ рядѣ «новыхъ» денежныхъ податей, напримѣръ, о деньгахъ стрѣлецкихъ, пищальныхъ и емчужныхъ, а также о денежныхъ сборахъ за городовое и засѣчное дѣла [2]). Населеніе не было подготовлено къ такому крутому перелому естественнымъ ходомъ развитія своего хозяйства: привыкши къ экстенсивной культурѣ, росту которой, при обиліи земли, способствовало нѣкоторое ея истощеніе, крестьяне едва ли могли удовлетворить требо-

1) А. Э., т. I, № 144; Акты, изд. А. Юшковымъ, № 69 и др.

2) П. Милюковъ, Спорные вопросы и пр., стр. 15—17.

ванія землевладѣльцевъ и правительства наличными и скудными своими средствами. Факты подобнаго рода, конечно, знакомы и г. Дьяконову; но онъ не воспользовался ими для того, что бы выяснить вопросъ объ усиленіи процесса частнаго прикрѣпленія во второй половинѣ XVI в., повидимому вызваннаго потребностью населенія въ денежныхъ средствахъ не только для веденія хозяйства или уплаты денежнаго оброка землевладѣльцамъ, но и для внесенія «государевыхъ податей», чаще прежняго переводимыхъ на денежные платежи и постоянно возраставшихъ въ объемѣ.

Итакъ, количество крестьянъ задолжавшихъ своимъ господамъ — кредиторамъ, а слѣдовательно прямо или косвенно попадавшихъ въ личную зависимость отъ нихъ, повидимому, должно было увеличиться именно во второй половинѣ XVI вѣка. Такой результатъ, впрочемъ, вызванъ былъ и другими обстоятельствами, характерными для исторіи класса землевладѣльцевъ: они стали пользоваться тяжелымъ положеніемъ крестьянъ для улучшенія своего собственнаго. Д. Флетчеръ и А. Палицынъ, напримѣръ, свидѣтельствуютъ о томъ, что современные имъ землевладѣльцы довольно часто превращались въ скупщиковъ хлѣба, благодаря чему «гумна ихъ переполнены одоней и копенъ и взородовъ и до четырехъ на десять лѣтъ»; запасы, собранные хозяевами-капиталистами, вѣроятно, не разъ снова попадали въ руки крестьянъ, но уже въ видѣ подмогъ и ссудъ, превращавшихъ ихъ въ должниковъ своихъ господъ: не даромъ крестьяне иногда приносили правительству жалобы на то, что они ихъ «изъ за себя не выпущали, а, поймавъ, мучили и грабили и въ желѣза ковали и пожилое съ нихъ имали не по судебнику, рублей по пяти и по десяти» [1]). Если хищническое хозяйство помѣщиковъ не было явленіемъ нормальнымъ, то во всякомъ случаѣ оно едва ли оказывалось и особенно рѣдкимъ [2]), по крайней мѣрѣ въ XVI в. когда помѣстное владѣніе во многихъ отношеніяхъ довольно рѣзко отличалось отъ вотчиннаго, а такія обстоятельства, конечно, не могли не отразиться губительно и на положеніи крестьянъ. Рядомъ съ вышеуказаннымъ переломомъ въ области русскаго народнаго хозяйства того времени можно отмѣтить и другое, грозившее не менѣе печальнымъ исходомъ сельскому населенію: многія натуральныя повинности, какъ мы видѣли, были переложены правительствомъ со второй половины XVI в. на денежные сборы, нужные ему главнымъ образомъ для того, чтобы содержать вновь образующееся регулярное войско. Далѣе постоянныя войны, вѣроятно много стоившія и насе-

1) Доп. къ А. И., т. I, № 56 (1555 г.); здѣсь рѣчь идетъ о Псковскихъ дѣтяхъ боярскихъ, прибѣгавшихъ къ мѣрамъ подобнаго рода для предупрежденія выхода крестьянъ изъ своихъ имѣній въ черныя волости.

2) С. Середонинъ, Сочиненіе Д. Флетчера и пр., Спб. 1891 г., стр. 202; авторъ, указывая на запустошеніе помѣщиками своихъ имѣній, умаляетъ значеніе его, что видно изъ новѣйшихъ разысканій Н. Рожкова, Op. cit., стр. 455—460.

ленію и правительству[1]), также вредно вліяли на бытъ сельскихъ жителей: они искали денегъ у землевладѣльцевъ, которые тѣмъ охотнѣе выдавали имъ ссуды, что съ покореніемъ Казани и Астрахани населеніе легко могло отливать на югъ въ плодородную и отнынѣ гораздо менѣе опасную Московскую украйну, чему на первыхъ порахъ способствовало и само правительство. Въ дѣйствительномъ существованіи этого переселенческаго движенія съ 1570—1580-хъ годовъ не трудно убѣдиться, сопоставляя извѣстія о запустѣніи мѣстности, служившей, главнымъ образомъ, театромъ польско-шведскихъ войнъ, и центра съ одновременными свѣдѣніями о приростѣ населенія на южной украйнѣ; тѣмъ же движеніемъ, вѣроятно, отчасти объясняется сильное пониженіе размѣровъ дворовой запашки крестьянъ вышеуказанныхъ областей и, обратно, замѣтное возрастаніе запашекъ на югѣ, въ такихъ уѣздахъ, какъ Тульскій[2]), что, разумѣется, въ свою очередь еще болѣе разоряло крестьянъ, оставшихся на прежнихъ мѣстахъ, и, слѣдовательно, должно было усилить процессъ частного прикрѣпленія въ вышеуказанной области.

Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что ростъ служилаго землевладѣнія, какъ извѣстно, ставшій особенно замѣтнымъ со второй половины XVI вѣка, вѣроятно, не мало способствовалъ экстенсивному развитію изучаемаго нами процесса какъ прямо путемъ крестьянскаго обезземеленья, такъ и косвенно, вызывая переселенія крестьянъ на украйну, гдѣ всякому можно было легко и свободно устроиться на никѣмъ еще не поднятой «нови» и гдѣ съ теченіемъ времени между крестьянами и землевладѣльцами должны были возникнуть тѣже зависимыя отношенія однихъ отъ другихъ, которыя уже сложились въ изстари заселенныхъ мѣстностяхъ.

Большинство обстоятельствъ, способствовавшихъ развитію частнаго и государственнаго прикрѣпленія, какъ видно, относится ко второй поло-

---

1) J. Ulfeldi Legatio Moscovitica etc., Francofurti, 1627, pp. 24 et 25. A. Possevini Moscovia, Antw. 1587, p. 11. G. Fletcher, On the Russe Common wealth, ed. Bond, ch. III; ср. также: Н. Чечулинъ, Города Московскаго государства въ XVI в. Спб., 1889 г., стр. 173; С. Середонинъ, Op. cit., стр. 209—213. И. Бѣляевъ, Крестьяне на Руси, 2-е изд., стр. 89—94.

2) Свидѣтельства, недавно пересмотрѣнныя гг. Платоновымъ и Рожковымъ, взаимно пополняютъ данныя, на основаніи которыхъ мы приходимъ къ заключеніямъ, формулированнымъ въ текстѣ; см. С. Платоновъ, Очерки по исторіи смуты, Спб., 1899, стр. 45—48, 49, 97, 102, 105, 110, 115, 123 и 167—169; Н. Рожковъ, Op. cit., 146, 152, 168, 182, 187, 188, 190, 200, 455—461. Кромѣ фактовъ, сведенныхъ г. Платоновымъ и собранныхъ г. Рожковымъ, почерпнутыхъ ими изъ туземныхъ источниковъ, можно припомнить и впечатлѣнія иностранцевъ, посѣщавшихъ въ то время Московію: А. Поссевинъ и Д. Флетчеръ свидѣтельствуютъ о запустѣніи многихъ областей въ разныхъ частяхъ государства, а Маржеретъ мимоходомъ указываетъ, что въ его время южная украйна «населяется» (A. Possevini Moscovia, Antw. 1587, pp. 12 et 16; G. Fletcher, On the Russe commonwealth, ed. Bond, p. 61; Сказанія о Дмитріѣ Самозванцѣ, изд. 3-е, т. I, стр. 251).

вин҇ѣ, главнымъ же образомъ, къ послѣдней трети XVI столѣтія, чѣмъ, и объясняется въ достаточной мѣрѣ, развитіе процесса прикрѣпленія въ то время.

Голодъ, моръ и разореніе, наступившіе въ «лихолѣтіе» не мало усилили, конечно, бѣдственное положеніе сельскаго населенія Московскаго государства и способствовали дальнѣйшему утвержденію зависимости крестьянъ отъ землевладѣльцевъ. Г. Дьяконовъ послѣднее изъ указанныхъ нами явленій разсматриваетъ не съ точки зрѣнія общаго его значенія для исторіи прикрѣпленія, а въ связи съ болѣе частнымъ вопросомъ: о размноженіи класса бобылей, какъ результатѣ обѣдненія крестьянъ. Такъ какъ процессъ подобнаго рода дѣйствительно косвенно свидѣтельствуетъ о степени разоренія, то и мы можемъ остановиться на немъ въ связи съ выше приведенными соображеніями, объясняющими возникновеніе или усиленіе процесса прикрѣпленія.

Сужденія г. Дьяконова о хозяйственномъ положеніи бобылей, кажется, вполнѣ основательны. «Мы не можемъ, пишетъ нашъ авторъ, присоединиться къ мнѣнію о бобыляхъ, какъ земледѣльцахъ, сидящихъ на половинномъ крестьянскомъ тяглѣ (участкѣ, надѣлѣ). Эта черта въ ихъ характеристикѣ, съ приведенною оговоркой, создается указами 1630—1631 годовъ. Что же такое представляютъ изъ себя бобыли до этихъ указовъ? Въ предшествующей литературѣ отмѣчено, что бобыли раздѣлялись на пашенныхъ и безпашенныхъ. Высказано даже мнѣніе, что обыкновено бобыли были безземельными. Къ сожалѣнію это мнѣніе не получило ни достаточнаго обоснованія, ни дальнѣйшаго развитія. Мы вполнѣ присоединяемся къ этому мнѣнію и полагаемъ, что оно правильно отмѣчаетъ самую главную особенность въ положенія бобылей. Бобыль — не пашенный, безземельный человѣкъ. Такимъ онъ выступаетъ въ самыхъ раннихъ памятникахъ, содержащихъ упоминаніе о бобыляхъ. . . Дворовый бобыль — типическая и господствующая форма бобыльства. . . . Этотъ признакъ остается отличительною чертой бобыля въ теченіе всего XVI вѣка. Бобыль не пашенный человѣкъ не въ силу того, что онъ земледѣлію предпочелъ какой-либо промыселъ, находя его болѣе выгоднымъ. Онъ не пашенный только потому, что вслѣдствіе бѣдности покинулъ земледѣліе, отбылъ пашни, какъ говорилось тогда, или по неимѣнію средствъ не могъ нигдѣ пристроиться на пашню, порядиться въ крестьяне» (стр. 209 и 234). Въ вышеизложенномъ опредѣленіи г. Дьяконова не указанъ довольно существенный и одинъ изъ первоначальныхъ признаковъ бобыльства: бобылемъ обыкновенно считали человѣка одинокаго, безсемейнаго или, по крайней мѣрѣ, «малосемьянистаго». Подобнаго рода значеніе сохранилось за изучаемымъ нами терминомъ и въ современномъ

словоупотребленіи [1]); въ писцовыхъ книгахъ довольно часто встрѣчаются указанія на нѣкоторое соотвѣтствіе между числомъ описываемыхъ дворовъ и бобылей, причемъ въ рядомъ стоящихъ извѣстіяхъ о крестьянахъ такого-же совпаденія не обнаруживается: наконецъ, извѣстія, встрѣчаемыя иногда въ бобыльскихъ порядныхъ [2]) и отдѣльно взятые тексты свидѣтельствуютъ въ пользу нашего предположенія. Въ царской грамотѣ Сольгалицкому воеводѣ о запрещеніи вдовѣ Г. Второвскаго вывозить изъ за Симонова монастыря бобыля И. Тимоѳеева 1619 г. говорится между прочимъ о томъ, что помѣщица Д. Второвская «сняла жеребей и хлѣбъ съ И. Тимоѳеева... для его одиночества» [3]). Въ другой грамотѣ Верхотурскаго воеводы объ устройствѣ бобылей на пашню также указано, что всѣ они были «безсемейными» [4]). Послѣдніе два текста извѣстны и г. Дьяконову; но при описаніи характерныхъ признаковъ бобыльства XVI—XVII вв. онъ почему то не обратилъ вниманія на семейное положеніе бобыля и нигдѣ не указалъ на значеніе, какое оно могло имѣть при различеніи бобыля отъ «непашеннаго крестьянина», состоянія, въ многихъ отношеніяхъ весьма сходнаго съ бобыльствомъ [5]), а также на тотъ смыслъ, который оно получило послѣ причисленія бобылей къ разряду тяглецовъ. Между тѣмъ г. Дьяконову, конечно, хорошо извѣстно, что сельскіе тяглецы верстались между собою «по семейству», а не только по «хлѣбному и сѣнному доходу» [6]); одиночество или, напротивъ, «многосемьянистость» вліяли на положеніе лица въ тяглой общинѣ. Слѣдовательно, при опредѣленіи бобыльства, какъ общественнаго состоянія нельзя пренебрегать указаннымъ нами признакомъ. Само собою разумѣется, что бобыли далеко не всегда были людьми одинокими: въ писцовыхъ книгахъ XVII вѣка уже часто встрѣчаются семьянистые бобыли, напримѣръ, въ книгахъ Тверского и Серпѣйскаго уѣздовъ 1629—1637 гг. [7]), не говоря о позднѣйшемъ времени, когда судя по переписнымъ книгамъ 1678 г. семьянистость бобылей была явленіемъ довольно обыкновеннымъ [8]). Такія колебанія еще не говорятъ противъ существеннаго значенія одиночества или по крайней мѣрѣ малосемьянистости какъ существеннаго свойства бобыльства: вѣдь и пашенные бо-

---

1) В. Даль, Словарь, т. I, стр. 103. П. Шестерневъ, Опытъ областного словаря Ярославской губ. въ Ярослав. губ. вѣд. за 1853 г., №№ 2, 3, 9, 33 и 34.

2) Москвитянинъ за 1846 г., кн. 1, стр. 155.

3) Акты и проч., собр. М. Дьяконовымъ, вып. II, № 40.

4) А. И., т. III, № 172.

5) Писц. кн. Моск. госуд., изд. Н. Калачева, т. I, отд. II, стр. 335 и др. Судебникъ 1550 г., ст. 26.

6) Грамоты о земскомъ управленіи въ Устюгѣ 7185—7186 гг. въ Имп. Публ. Библ., Q II, 44, л. 41. Ср. Акты и проч., соб. М. Дьяконовымъ, вып. II, № 66.

7) Арх. Мин. Юст., Кн. №№ 871—875 и Имп. СПб. Публ. Библ., F. IV, 462.

8) Переписныя книги, изд. Е. Замысловскимъ. Псков. губ. вѣд. за 1870 г., № 24.

были хорошо извѣстны въ XVII вѣкѣ. Во всякомъ случаѣ г. Дьяконовъ справедливо указываетъ на то, что и отсутствіе пашни было характерною особенностью бобыльскаго хозяйства; такъ напримѣръ, въ 1582 году архимандритъ Спасскаго Ярославскаго монастыря билъ челомъ царю, о томъ, чтобы не привлекать одного изъ монастырскихъ дворниковъ къ посадскому тяглу, мотивируя свою просьбу тѣмъ, что онъ на тяглой (посадской) землѣ не живалъ, а «жилъ де онъ въ селѣ... въ бобылѣхъ, а не на пашнѣ» [1]). Въ изложеніи автора, однако, остается не выясненнымъ, какого рода занятія замѣняли бобылю пашню, хотя въ писцовыхъ книгахъ и можно найти не мало матеріаловъ для отвѣта на этотъ вопросъ. Уже одинъ изъ предшествующихъ изслѣдователей попытался свести воедино свѣдѣнія, разсѣянныя въ писцовыхъ книгахъ о сельскихъ ремеслахъ, которыми обыкновенно занимались бобыли [2]). Въ самомъ дѣлѣ на промышленныя и ремесленныя занятія ихъ въ описаніяхъ XVI—XVII вв. встрѣчается довольно много указаній. Бобыли въ виду подобнаго рода занятій жили иногда въ «слободахъ», обыкновенно отличавшихся отъ деревень своимъ промышленнымъ характеромъ и не входившихъ въ одну кость съ деревенскимъ населеніемъ при платежѣ податей [3]). Въ Заупскомъ станѣ Тульскаго уѣзда, напримѣръ, въ 1629 г. была описана пустая слободка, заселенная прежде шестью бобылями; одинъ изъ нихъ названъ портнымъ мастеромъ, другой бочарникомъ, третій хлѣбникомъ, четвертый — казакомъ, а пятый — масленникомъ [4]). Естественно, что при такихъ условіяхъ правительство иногда приказывало писцамъ вообще всякихъ «торговыхъ и мастеровыхъ людей и бѣлопашцевъ... класть въ живущую пашню зъ бобыльскими дворы ровно» [5]). Возможно, что благодаря своей промышленной дѣятельности въ числѣ бобылей бывали люди довольно состоятельные; таково впечатлѣніе, производимое, напримѣръ, извѣстіемъ о нѣкоемъ Саввѣ Шемякинѣ, который въ Талицкой волости сдалъ свой участокъ «во владѣнье» племянникамъ исполу, а самъ переселился въ Кянскую волость, гдѣ онъ, будучи кожевеннымъ мастеромъ, «жилъ въ бобыляхъ» и дѣлалъ ровдугу, и сыромятину, и овчины, и лисицы, и куницы и всякую кожу; въ документахъ XVI вѣка встрѣчаются также указанія на бобылей, живущихъ въ сель-

1) Акты и проч., собр. М. Дьяконовымъ, вып. II, № 28.

2) П. Соколовскій, Op. cit., стр. 126; ср. Г. Шмелевъ, Новая работа по соціальной исторіи Россіи въ Труд. Археог. ком. Моск. Археол. об., т. I, вып. 3, М. 1899, стр. 569—571.

3) Москвитянинъ за 1846 г., кн. I, стр. 155. И. Бѣляевъ, О поземельномъ владѣніи въ Московскомъ государствѣ во Врем. М. О. И. и Д., т. XI, стр. 41.

4) Писц. кн. Тульскаго уѣзда 7135—7136 гг. въ Имп. Публ. Библ., F IV, 506, л. 105 об.

5) Указы 1630—1631 гг. въ Указной книгѣ пом. приказа, изд. В. Сторожевымъ (Опис. Арх. Мин. Юст., кн. VI, стр. 102). Ср. Писц. кн. Костромского уѣзда 7136 г. въ Арх. Мин. Юст., кн. 209 и 210, лл. 25 об. — 26 об.

цахъ и владѣвшихъ лавками [1]). Несмотря на промышленныя занятія бобылей, положеніе ихъ, вообще, было, по всей вѣроятности, хуже крестьянскаго: обѣднѣвшіе крестьяне подавали челобитныя правительству съ просьбами дозволить имъ въ виду своего разоренія «жить въ бобыляхъ» [2]). Итакъ, можно согласиться съ г. Дьяконовымъ въ томъ, что бобылемъ (преимущественно въ XVI в.) называли не только преимущественно одинокаго, но и бѣднаго человѣка, владѣвшаго дворомъ и обыкновенно занятато какою нибудь работою или мелкимъ промысломъ, по которымъ онъ, разумѣется, и обложенъ былъ соотвѣтствующими податями.

Отъ средняго типа бобыля существовало два отклоненія, указанныя г. Дьяконовымъ: съ одной стороны встрѣчались бобыли, лишенные даже усадебной осѣдлости; съ другой особенно въ XVII в. появляется не мало бобылей, владѣвшихъ пашенными участками. Въ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка, если только онѣ составлены обстоятельно, уже встрѣчаются извѣстія о бобыляхъ, живущихъ въ чужихъ дворахъ [3]). Естественно, что «положеніе ихъ, могло понижаться до низшихъ ступеней общественной лѣстницы, гдѣ они сливались съ разношерстою массой казаковъ, монастырскихъ дѣтенышей, захребетниковъ, прикромниковъ, подсусѣдниковъ, задворныхъ людей и т. п.» (стр. 219). Едва ли желательно, однако, подобно г. Дьяконову, вполнѣ смѣшивать перечисленныя ими состоянія въ ихъ отношеніи къ бобыльству. Слѣдуетъ замѣтить прежде всего, что между бобылями, имѣвшими усадебную осѣдлость и бобылями захребетниками, жившими на чужихъ дворахъ, нельзя провести особенно рѣзкой разницы: бобыли послѣдняго типа, во всякомъ случаѣ иногда, владѣя собственнымъ дворомъ, нанимались на сторонѣ, гдѣ и могли ихъ заставать писцы и дозорщики. Такъ напр., въ сотной по Керети 1574—1575 г. говорится о бобыляхъ, «которые промышляли въ варницахъ, дрова сѣкли, а лѣтомъ ходили на море, на судѣхъ наимуючись» и тѣмъ не менѣе имѣли собственные дворы. Такіе же примѣры можно найти и въ дозорной книгѣ Бѣжецкой пятины 1593—1594 гг., судя по которой чуть ли не въ каждомъ имѣніи встрѣчаются бобыли, живущіе на своихъ дворахъ, причемъ къ описанію ихъ хозяйствъ обыкновенно присовокуплено замѣчаніе: «кормятца межъ крестьянъ работою» [4]). Не мало бывало случаевъ, однако, когда бобыли оказывались лишенными усадебной осѣдлости; они, вѣроятно, довольно часто жили на чужихъ дворахъ въ

1) Г. Шмелевъ, Op. cit., стр. 569—570; авторъ, къ сожалѣнію, не указываетъ на время, къ которому относится извѣстіе почерпнутое имъ изъ рукописей Онежскаго крестнаго монастыря, о Саввѣ Шемякинѣ.

2) Влад. губ. вѣд. за 1867 г., № 34 (1640 г.).

3) Писц. кн. XVI в. изд. подъ ред. Н. Калачева, т. I, стр. 893, 900, 904, 905, 908 и 911.

4) Н. Рожковъ, Рец. на соч. М. Дьяконова въ Ж. М. Н. Пр. за 1899 г., № 1, стр. 242.

качествѣ «сосѣдей, и подсусѣдниковъ». Такъ, напримѣръ, въ первой половинѣ XVII вѣка въ одномъ подмосковномъ селѣ числились между прочимъ бобыли О. Дуда съ сыновьями, «да сосѣди ево бобыли М. Елизаровъ да Г. Обросимовъ»[1]), а въ другомъ, Старорусскаго уѣзда, былъ описанъ: «дворъ Еоремка Омельянова, у него живетъ подсусѣдникъ бобыль Кондрашко Радивоновъ, портной мастеръ»[2]); при описаніи Сумерской волости въ 1626 г., бобыли подсосѣдники были даже выдѣлены писцами въ особую группу, числомъ въ 16 человѣкъ, тогда какъ бобыльскихъ дворовъ въ той же волости было 27 съ населеніемъ въ 46 человѣкъ[3]). Въ числѣ бобылей сосѣдей, подсусѣдниковъ и вообще захребетниковъ, лишенныхъ усадебной осѣдлости, одни продолжали «кормиться работой», т. е. занимались какими нибудь промыслами или ремеслами, другіе сами поступали въ работники; въ послѣднемъ случаѣ они, вѣроятно, попадали въ положеніе «казаковъ», т. е. наемныхъ рабочихъ[4]). Съ явленіями подобнаго рода нельзя, однако, смѣшивать переходъ бобылей въ задворные люди или дѣтеныши; бобылю едва ли можно было сдѣлаться дѣтенышемъ или задворнымъ человѣкомъ, не утративъ прежняго своего состоянія.

При выясненіи положенія тѣхъ бобылей, которые не только владѣли усадебною осѣдлостью, но и надѣломъ, г. Дьяконовъ не обращаетъ достаточнаго вниманія на переходные моменты, когда бобыль, не имѣя еще пашни, могъ тѣмъ не менѣе пользоваться земельнымъ участкомъ. Въ деревнѣ Коломенской Вятскаго уѣзда, напримѣръ, жили въ 1629 году бобыли, которымъ «дано было на поскотину 3 десятины»[5]). Вѣроятно, такіе же случаи бывали и въ другихъ мѣстахъ: иногда встрѣчаются указанія на бобылей, владѣвшихъ «наѣзжей» пашней. Кромѣ того, въ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка уже не трудно разыскать извѣстія о пашенныхъ бобыляхъ[6]). Въ началѣ XVII вѣка въ однихъ и тѣхъ же имѣніяхъ нерѣдко наряду съ безпахотными бобылями живутъ

---

1) Г. Шмелевъ, Op. cit., стр. 570.

2) Писц. кн. Старорусскаго уѣзда Сумерской волости 7136 г. въ Моск. Арх. Юст., кн. 969, л. 11; ср. Переписныя книги, изд. Е. Замысловскимъ, стр. 273.

3) Писц. кн. Старорусскаго уѣзда Сумерской волости 7136 г. въ Арх. Мин. Юст., № 969.

4) Извѣстія о казакахъ, какъ о лицахъ, лишенныхъ усадебной осѣдлости, см. въ А. Э., т. I, № 221. Въ дѣловой грамотѣ Кирилловскаго монастыря 1395 г. монастырскій слуга названъ казакомъ (И. Срезневскій, Матеріалы, т. I, стб. 1173); «а кто казака приходца найметъ...» (А. Э., т. I, № 307). Въ писцовыхъ книгахъ Тверского уѣзда XVI в. встрѣчаются упоминанія о казакахъ, жившихъ въ непашенныхъ дворахъ или въ частяхъ ихъ (Пис. кн. XVI в., т. II, стр. 68, 72, 310 и 342), что еще болѣе сближало ихъ съ бобылями, по крайней мѣрѣ въ бытовомъ отношеніи.

5) Писцовыя оброчныя книги Вятскаго уѣзда 7137 г. въ Имп. Публ. Библ., Q IV, 257.

6) Г. Шмелевъ, Op. cit., стр. 565—567; число примѣровъ, приводимыхъ авторомъ, можно было бы, конечно, увеличить: см. Пис. кн. XVI в., т. II, стр. 331.

пашенные. Въ описи монастыря Св. Николая Чудотворца на Лядкѣ близъ Рюрикова городища подъ Новгородомъ, составленной въ 1603 г. (7112 г., сентб. 14), напримѣръ, мы читаемъ между прочимъ слѣдующее: «Деревня Паозерье-обжа; а въ ней дворъ, а во дворѣ монастырской слушка Іванко Лукинъ да бобыль Куземка Григорьевъ да бобыль Іванко Понтелѣевъ; да два двора бобыльскихъ, а въ нихъ бобыли: Олеско Потаповъ да Ѳоонька Пиминовъ, пашенные. Деревня Мануилово, Лукино тожъ, обжа; а въ ней дворъ, а въ немъ приставаютъ, изъ монастыря приезжая, слушки. Да тутъ же во дворѣ непашенные бобыли: Пашко Кукановъ, да Ѳилипко, да Калинко»[1]). Хозяйственное положеніе бобылей, упомянутыхъ въ приведенномъ отрывкѣ, было, повидимому, далеко не одинаковымъ: 1) одни изъ нихъ жили въ господскомъ дворѣ; 2) другіе имѣли усадебную осѣдлость, но все еще оставались непашенными; 3) третьи причислены къ разряду пашенныхъ. Наконецъ въ писцовыхъ книгахъ XVII вѣка извѣстія о пашенныхъ бобыляхъ уже не рѣдкость. Правда, что иногда ихъ надѣлы, повидимому, все еще очень малы, какъ напримѣръ въ Вятскомъ уѣздѣ, но за то въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, можетъ быть всего чаще на югѣ, гдѣ свободной земли, годной для обработки, оказывалось больше, бобыли очень часто были пашенными, да и число бобылей земледѣльцевъ, кажется, увеличилось въ XVII-мъ вѣкѣ[2]).

Общее заключеніе г. Дьяконова о двухъ указанныхъ имъ отклоненіяхъ отъ средняго типа бобыльства слѣдующее: «по нашему мнѣнію, пишетъ авторъ, ни бобыли-захребетники, ни пашенные бобыли вовсе не типичные представители бобыльства; это лишь застывшіе [?] намеки [?] на происшедшія въ положеніи бобылей перемѣны» (стр. 221). Такой выводъ можно признать довольно правильнымъ, если относить его къ XVI вѣку: но въ виду вышеуказанныхъ фактовъ онъ едва ли достаточно широкъ для XVII-го вѣка, когда другіе виды бобыльства стали явленіемъ далеко не рѣдкимъ.

Во всякомъ случаѣ хозяйственное положеніе бобыля было вообще хуже крестьянскаго; слѣдовательно относительное увеличеніе количества бобылей сравнительно съ числомъ крестьянъ послѣ разоренія можно разсматривать какъ фактъ, свидѣтельствующій объ общемъ упадкѣ сельскаго хозяйства, конечно, вредно отразившемся и на общественномъ положеніи крестьянъ. Г. Дьяконовъ затрагиваетъ этотъ вопросъ, но едва ли правильнымъ путемъ достигаетъ его рѣшенія. Постепенный приростъ бобылей установленъ авторомъ на основаніи одного частнаго примѣра, взятаго изъ исторіи Троице-

---

1) Извѣстія Имп. Археологич. Общ., т. IV (СПб. 1863), стр. 442.

2) Писц. оброчная книга Вятскаго уѣзда въ Имп. Публ. Библ., Q IV, 257. Писцовая книга Воротынскаго уѣзда 7134—7135 гг. тамъ-же, Древлехран. М. Погодина, № 1530.

Сергіева монастыря и наблюденій надъ двумя писцовыми книгами: Бѣлевской и Углечской 7136—7138 гг. (стр. 224—225). Приведеннаго матеріала слишкомъ мало для того, чтобы на его основаніи сдѣлать общій выводъ; а между тѣмъ изъ значительнаго числа сохранившихся писцовыхъ книгъ легко можно было бы, выбравъ нѣсколько описаній наиболѣе характерныхъ мѣстностей и воспользовавшись ихъ итогами, построить свое заключеніе на болѣе прочномъ фундаментѣ. Такъ напримѣръ, авторъ утверждаетъ, что на основаніи итоговъ писцовыхъ книгъ второй четверти XVII вѣка «число крестьянскихъ дворовъ почти равняется числу бобыльскихъ или даже превышаетъ его» (стр. 225). Цѣлый рядъ данныхъ противорѣчитъ такому заключенію; приводимъ нѣсколько примѣровъ:

	Уѣзды.	Крест. д.	Крест. л.	Боб. д.	Боб. л.
7136 —	Сумерская вол. (старорус. уѣзд.)	397	838	27	62
7134—7135	Бѣлозерск. (заозерскій станъ за помѣщиками)	771	975	379	443
7135—7138	Ярославск. (помѣстья) . . .	597	—	322	—
7135—7137	Тульскій	848	—	567	—
7135—7134	Орловскій (станы: Каменскій, Тайчуковъ и Корчаковъ).	80	—	51	—

Эти итоги, какъ видно, далеко не подтверждаютъ общаго вывода, сдѣланнаго г. Дьяконовымъ.

Самый пріемъ наблюденія автора надъ показаніями писцовыхъ книгъ вызываетъ сомнѣнія въ читателѣ: Г. Дьяконовъ почему то пренебрегаетъ численностью «людскихъ» дворовъ или однородныхъ съ ними дворовъ «дѣтеньшей» и получаетъ такіе выводы при опредѣленіи соотношенія въ количествѣ крестьянскихъ дворовъ къ числу бобыльскихъ, которые повергаютъ его же самого въ недоумѣніе, напримѣръ, относительно Тульскаго уѣзда. Далѣе авторъ, пользуясь Углечскими и Бѣлевскими книгами, беретъ соотношеніе числа крестьянскихъ дворовъ къ числу бобыльскихъ (съ ихъ населеніемъ) по писцовымъ книгамъ одного и того же времени, а не знаменатель такого соотношенія или % по книгамъ разныхъ годовъ, содержащихъ описаніе одной и той же мѣстности. Нельзя на основаніи того, что «число крестьянскихъ дворовъ или почти равняется числу бобыльскихъ или даже превышаетъ его» заключать объ «увеличеніи числа вторыхъ на счетъ первыхъ»: то же соотношеніе могло быть и дѣйствительно бывало какъ въ второй половинѣ XVI, такъ и во второй половинѣ XVII вѣка. Изъ подобнаго рода соотношеній мы не можемъ сдѣлать, однако, никакого точнаго заключенія о характерѣ прироста бобыльскаго населенія; лишь при

сравненіи процента ихъ до и послѣ «разоренія» мы будемъ имѣть право говорить объ «увеличеніи числа бобыльскихъ дворовъ на счетъ крестьянскихъ». Между тѣмъ г. Дьяконовъ, указывая на значительный относительный приростъ бобыльскаго населенія въ имѣніяхъ Троице-Сергіева монастырь XVI — XVII вв., не скрываетъ отъ читателя результатовъ переписей Тульскаго уѣзда, судя по которымъ % бобыльскаго населенія остается почти однимъ и тѣмъ же въ 7096 и 7136 годахъ. Такимъ образомъ, оставляя въ сущности вопросъ объ относительномъ приростѣ бобыльскаго населенія въ XVII вѣкѣ открытымъ, авторъ тѣмъ не менѣе разсуждаетъ такъ, какъ будто бы онъ былъ рѣшенъ окончательно. Г. Дьяконову стоило бы только принять во вниманіе совокупность населенія, жившаго въ Тульскомъ уѣздѣ, не пренебрегая дворами «людей и дѣтеньшей», а также сравнить итоги писцовыхъ книгъ по уѣздамъ, близкимъ къ Тульскому для того, чтобы выйти изъ такого затрудненія. Возьмемъ, напримѣръ, писцовыя книги Веневскаго, Тульскаго и Орловскаго уѣздовъ, и, пользуясь ихъ показаніями, составимъ нижеслѣдующую таблицу:

Итоги XVI вѣка.

Уѣзды:	Мѣстность.	Годы.	Холоп.		Служ. и дѣт.		Крест.		Боб.		Источникъ.
			д.	л.	д.	л.	д.	л.	д.	л.	
Веневскій . .	Станы: Веркошевскій, Окологородный, Полосенскій и Ясенецкій (пом.).	7080	—	—	—	—	1356	1386	12 [1]	—	Писц. кн. XVI в., II, 1542—1581
Тульскій. . .	Станы: Заупскій, Нюховскій, Заострожскій, Колоденскій, Старое Городище, Глутенскій, Веркошскій, Растовецъ и Черепицкій (пом. и вотч.).	7096—7097	990	—	57	—	1446	—	1029	—	Писц. кн. XVI в., II, 1097—1260
Орловскій . .	Станы: Корчаковъ, Тайчуковъ и Пугорскій (пом.).	7103	40	—	—	—	752	816	52	62	Имп. Публ. Библ., F. IV, 442

1) Въ книгѣ означенные дворы названы безпашенными, а не бобыльскими.

Итоги XVII вѣка.

Уѣзды:	Мѣстность.	Годы.	Холоп.		Служ. и дѣт.		Крест.		Боб.		Источникъ.
			д.	л.	д.	л.	д.	л.	д.	л.	
Веневскій . .	Станы: Веркошевскій, Окологородный и Ясенецкій (пом., и вотч. мір.).	7135—7136	27	27	—	—	76	130	94	182	Имп. Публ. Библ., F. IV, 385
Тульскій . . .	Станы: Заупскій, Глутенскій, Колоденскій, Нюховской, Старое Городище, Веркошскій, Растовской, Заострожскій (пом. и вотч., мір. и дух.).	7135—7136	268	—	24	—	848	—	567[1]	—	Имп. Публ. Библ., F IV, 506—508
Орловскій . .	Станы: Корчаковъ, Тайчуковъ и Пугорскій (пом.).	7133—7134	24	—	—	—	51	76	39	63	Имп. Публ. Библ., F IV, 442

Такимъ образомъ на основаніи вышеприведеннаго матеріала можно вывести слѣдующія соотношенія:

Уѣзды:	% бобыльскихъ дворовъ въ XVI в.	въ 1620-хъ гг.
Веневскій	0,9	48
Тульскій	29,0	34
Орловскій	6,0	37

Величины, размѣщенныя въ нашей таблицѣ, конечно, не отличаются безусловною точностью: извѣстно, что землевладѣльцы «писали своихъ крестьянъ для тягла бобылями»; постоянно повторяясь такая ошибка не могла, однако, имѣть постоянныхъ размѣровъ; кромѣ того къ ней присоединялись ошибки болѣе случайнаго свойства, еще въ большей мѣрѣ лишающія приведенныя показанія опредѣленности. Изъ той же таблицы видно, наконецъ, что изучаемыя нами величины далеко не вполнѣ однородны, такъ какъ численность населенія въ дворѣ XVI и XVII вѣковъ едва ли была тожественной. Какъ бы то ни было, сравнивая показанія тульскихъ писцовыхъ книгъ съ итогами описаній сосѣднихъ уѣздовъ: Веневскаго и Орловскаго, мы замѣчаемъ, что здѣсь % бобыльскаго населенія значительно повысился и что, слѣдовательно, мы имѣемъ право не придавать рѣшающаго значенія свѣдѣніямъ по Тульскому уѣзду. Общее заключеніе объ относительномъ приростѣ бобыльскаго населенія, и притомъ довольно сильномъ, въ первой половинѣ XVII вѣка, пріобрѣтаетъ большую вѣроятность, тѣмъ болѣе, что мно-

1) Наши итоги нѣсколько выше тѣхъ, которые приводитъ г-жа Щепкина, не принявшая во вниманіе вотчину Николаевскаго монастыря въ Старомъ Городищѣ (Е. Щепкина, Тульскій уѣздъ, стр. 94—96), что ввело въ заблужденіе и г. Дьяконова.

гія изъ извѣстныхъ намъ наблюденій свидѣтельствуютъ въ пользу мнѣнія о весьма значительныхъ размѣрахъ такого прироста въ разныхъ уѣздахъ Московскаго государства [1]); лишнимъ доводомъ, наконецъ, можно считать и то, что несмотря на случайность независимыхъ другъ отъ друга показаній, имѣющихся въ нашемъ распоряженіи, выводы изъ нихъ почти всѣ согласны между собою, что еще болѣе убѣждаетъ насъ въ вѣроятности сдѣланнаго нами предположенія объ относительномъ и замѣтномъ приростѣ бобыльскаго населенія въ московской Руси съ конца XVI ст. къ тому времени, когда утихла смута.

Нельзя, однако, говорить безусловно о такомъ приростѣ въ XVII вѣкѣ вообще. Для провѣрки своего вывода г. Дьяконову слѣдовало бы обратиться къ сличенію итоговъ населенія по писцовымъ книгамъ 1620-хъ годовъ съ итогами переписныхъ книгъ 1670-хъ гг. Между тѣмъ сравненіе однихъ показаній съ другими не даетъ намъ права распространять сдѣланный нами выводъ на вторую половину XVII-го вѣка. Въ виду того, что большинство писцовыхъ книгъ XVII-го вѣка по уѣздамъ Московскаго государства остается еще въ рукописяхъ, намъ приходится довольствоваться лишь нѣсколькими примѣрами, указывающими, можетъ быть, то направленіе, въ которомъ развивалось изучаемое нами явленіе, хотя и не достаточными для того, чтобы точно опредѣлить его размѣры. Наблюденія наши надъ относительнымъ количествомъ холопскихъ, крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ можно свести въ прилагаемой таблицѣ [2]); здѣсь принята во вниманіе не населенность дворовъ, а число ихъ, такъ какъ точныя указанія на количество сельскихъ жителей отдѣльно по его разрядамъ, въ извѣстныхъ намъ писцовыхъ книгахъ встрѣчаются рѣдко; кромѣ того, число владѣльческихъ, «скотьихъ» и «конюшенныхъ» дворовъ также не приведено въ нашей таблицѣ, ибо средняя населенность каждаго изъ нихъ сильно колебалась и количество его жителей къ концу изучаемаго нами періода значительно возрасло, такъ что число самихъ дворовъ, представляя въ общемъ итогѣ величину довольно ничтожную, оказывается фиктивнымъ, если на его основаніи судить о населенности владѣльческихъ имѣній. Итакъ

1) Ср., напримѣръ, итоги Пис. кн. XVI в., т. II, стр. 24—35 съ Углицкими писц. кн. изд. М. Липинскимъ, стр. 615—618; Писц. кн. XVI в., т. I, стр. 893—919 и т. II, стр. 1—8 съ приведенными ниже итогами писцовыхъ книгъ Костромскаго и Ярославскаго уѣздовъ. Въ вотчинахъ Троице-Сергіева монастыря во Владимірскомъ уѣздѣ въ 7101—7102 числилось 473 дв. крест. и 53 дв. боб. (Писц. кн. XVI в., т. I, стр. 787—909); въ вотчинахъ монастырей Рождественскаго и Покровскаго того же уѣзда въ 7108—7133 гг. оказалось 264 дв. крест. и 203 дв. боб. (Дозор. и отказ. кн. по Влад. уѣзду въ Румянц. и Публ. Музеѣ, № 1598).

2) Свѣдѣнія о Веневскомъ и Тверскомъ уѣздахъ по писцовымъ книгамъ 7186 года по моей просьбѣ доставлены мнѣ г. архиваріусомъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи В. И. Холмогоровымъ, за что я и приношу ему искреннюю благодарность.

намъ придется довольствоваться цифровыми показаніями писцовыхъ книгъ о дворахъ холоповъ, крестьянъ и бобылей [1]).

Итоги 1620-хъ гг.

Уѣзды:	Мѣстность.	Годы.	Холопы.		Служки, служебники, дѣтеныши и мастеровые.		Крест.		Боб.		Источникъ.
			д.	л.	д.	л.	д.	л.	д.	л.	
Бѣлозерскій.	Станъ: Заозерскій (пом.).	7134—7135	4 1	— —	—	—	771	975	379	443	Моск. Арх. Мин. Юст., К. 592
Ярославскій.	Волости: Пажецкая, Норская, Игрицкая, Ѣдомская, Череможская, Курбская и Закоторожскій станъ (пом. и вотч.: міp. и дух.) [2]).	7135—7137	 3 506	— — —	— — 104	— — —	2045 2961 —	— — —	1023 — 1936	— — —	Моск. Арх. Мин. Юст., КК. 545, 549 и 550; Имп. Публ. Библ., F IV, 524 и 525
	Станъ Городской; волости: Путятинская, Шаховская, Жарская, Каста, Вокшерская и Ухра (пом. и вотч.: міp. и дух).	7136—7137	249	—	79	—	2483	4737	1638	2562	
	Итого......		758	—	183	—	7489	—	4597	—	
Тверской. . .	Станы: Захожскій, Воловицкій, Суземскій, Шостка, Кава и Чегловъ; уѣздъ Микулинскій (пом. и вотч.: міp. и дух.).	7135—7136	7 42	—	37	—	563	—	554 [3])	—	Моск. Арх. Мин. Юст., КК. 871, 87, 873, 874 и 875
Калужскій. .	Станы: Подгородный, Куплинскій, Рощинскій, Лисинскій, Дольскій и Пасынковскій (пом. и вотч.: міp. и дух.).	7136—7137	6 89	— —	—	—	287	—	400	—	Моск. Арх. Мин. Юст., К. 160
Веневскій . .	Станы: Веркошевскій, Окологородный и Ясенецкій (пом., вотч. и міp.).	7135—7136	27	27	—	—	76	130	94	182	Имп. Публ. Библ., F IV, 385

1) Подъ именемъ «холопскаго» населенія мы разумѣемъ: прикащиковъ, «людей» и задворныхъ холоповъ въ мірскихъ имѣніяхъ; въ имѣніяхъ духовенства показанія о числѣ прикащиковъ, служекъ, служебниковъ и дѣтенышей обыкновенно слиты вмѣстѣ въ самихъ писцовыхъ книгахъ; иногда упомянуты «работники» или мастеровые, (въ случаѣ жительства особыми дворами) выдѣляемые въ особую группу; въ мірскихъ вотчинахъ верхнія показанія каждой строки относятся къ числу прикащиковыхъ, нижнія — къ числу дворовъ «людей» или задворныхъ холоповъ; въ вотчинахъ духовенства въ нижнихъ цифрахъ по Тульскому и Бѣлевскому уѣздамъ выдѣлено количество мастеровыхъ.

2) Свѣдѣній о населеніи вотчинъ Норской волости въ означенныхъ книгахъ не имѣется; итоги подведены порознь къ помѣстьямъ и вотчинамъ, причемъ въ послѣднихъ они сосчитаны нами.

3) Итоги по станамъ даютъ иныя цифры: дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ по станамъ оказывается меньше приведенныхъ величинъ, а именно 478 и 488; писцы вѣроятно, включили въ свои итоги показанія, не упомянутыя по станамъ.

Уѣзды:	Мѣстность.	Годы.	Холопы.		Служки, служебники, дѣтеныши и мастеровые.		Крест.		Боб.		Источникъ.
			д.	л.	д.	л.	д.	л.	д.	л.	
Тульскій. . .	Станы: Заупскій, Глушенской, Колоденскій, Пюховской, Старое Городище, Веркошевскій, Растовской и Заострожскій (пом. и вотч.: мір. и дух.).	7135—7136	64 204	—	24	—	848	—	567	—	Имп. Публ. Библ., F IV, 506—508
Бѣлевскій . .	Станы: Погорѣльскій, Рузскій, Мокрищевскій, Бакинскій, Лабодинскій, Дураковскій, Благовѣщенскій и Вырскій (вотч. и дух., пров.).	7136—7137	—	—	7	—	62	105	72	95	Бѣлевская Вивліоѳика, т. II. стр. 277—285
Орловскій . .	Станы: Корчаковъ, Каменскій и Тайчуковъ (пом. и вотч.) [1])	7133—7134	24	—	—	—	131	189	90	135	Моск. Арх. Мин. Юст., кн. 330 и 331

Итоги 1670-хъ гг.

Уѣзды:	Мѣстность.	Годы.	Холопы.		Служки, служебники, дѣтеныши и мастеровые.		Крест.		Боб.		Источникъ.
			д.	л.	д.	л.	д.	л.	д.	л.	
Бѣлозерскій . . .	Станъ Надпорожскій и 22 волости (пом. и вотч.: мір. и дух.).	7186—7187	68	214	402	875	5179	19401	1366	3535	Переп. кн. изд. Е. Замысловскимъ, стр. 223—307
Ярославскій . . .	Волости: Пажецкая (часть Игрицкой или Порской?), Ѣдомская, Череможская и Закоторожскій станъ (пом. и вот.: мір. и дух.) [2]).	7186	1 427	—	14	—	12692	—	[3]) 1370	—	Моск. Арх. Мин. Юст., кн. 7780, 7781 и 7791
	Городской станъ и Шаховская волость въ Заволжской половинѣ (пом. и вотч.: мір. и дух.).	7186	—	—	—	—	3159	—	633	—	
	Станы: Городской, Служень и Верховскій, волости: Жарская, Каская, Вокшерская и Ухорская (пом., вотч., мір. и дух.).	7186	—	—	—	—	6718	—	640	—	
	Итого.		—	—	—	—	21977	—	2634	—	

1) Въ станахъ Неполотцкомъ и Нугорскомъ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ въ то время не оказалось.

2) Въ описаніи нѣтъ итоговъ; они подведены нами по «перечнямъ» отдѣльныхъ имѣній, но и перечни съ дефектами, такъ что приводимыя цифры не относятся ко всему пространству поименованныхъ округовъ; ими тѣмъ не менѣе, можно пользоваться для опредѣленія соотношенія между числомъ крестьянскихъ и бобыльскихъ дв., пополнивъ данныя подлинныхъ писцовыхъ книгъ соотвѣтствующими показаніями изъ современныхъ копій, которыя, впрочемъ, не лишены маленькаго пробѣла. Въ составъ 427 холопьихъ дв. вошли дворы: «людскіе», людей дѣловыхъ и задворныхъ, а также «задворные дворы людскіе».

3) Въ итогъ включены «избы и кельи» бобыльскія; ихъ 102+45=147.

Уѣзды:	Мѣстность.	Годы.	Холопы.		Служки, служебники, дѣтеныши и мастеровые.		Крест.		Боб.		Источникъ.
			д.	л.	д.	л.	д.	л.	д.	л.	
Тверской.	Станы: Захожскій, Воловицкій, Суземскій, Микулинъ, Шоска и Кава (пом. и вотч.: мір. и дух.).	7186	123	367	—	—	2630	10368	644	1779	Моск. Арх. Мин. Юст., к. 16060
	Станы: Шеской, Кушальскій и Кава (дух.).	7186	37	68	49	133	539	2219	179	2247	
	Итого......		160	435	49	133	3169	12587	823	2247	
Калужскій.	Станы: Подгородный, Куплинскій, Рощинскій, Лисинскій, Дольскій и Пасынковъ (пом. и вотч.: мір. и дух.)	7186	262	—	3	9	797	—	605	—	Моск. Арх. Мин. Юст., к. 11597
Веневскій.	Станы: Веркошевскій, Окологородный и Ясенецкій (пом., вотч. и мір.).	7186	139	1126	—	—	469	2338	482	1935	Арх. Мин. Юст., к. 14251
Тульскій.	Станы: Заупскій, Глутенскій, Колоденскій, Нюховской, Старое Городище, Веркошевскій, Растовскій и Заострожскій (пом. и вотч.: мір. и дух.).	7186	649	2115	16 29	74 173	1866	10137	982	3586	Моск. Арх. Мин. Юст., к. 14239
Бѣлевскій	Станы: Погорѣльскій, Вырскій и Дураковскій (вотч. и дух.) [1])	7186	—	—	6 2	19 12	161	696	155	557	Е. Замысловскій, Переп. кн., стр. 218—222
Орловскій	Станы: Корчаковъ, Тайгуковъ, Неполотцкій, Нугорскій и Каменскій (пом. и вотч.: мір. и дух.).	7186	520	1922	—	—	875	5460	903	3860	Моск. Арх. Мин. Юст., кн. 11044.

Какъ видно, процентъ бобылей въ значительномъ большинствѣ приведенныхъ случаевъ сильно мѣняется по мѣрѣ отдаленія отъ времени «разоренія»; сравнивая % бобыльскаго населенія въ перечисленныхъ выше уѣздахъ, мы находимъ слѣдующія отношенія:



1) Въ помѣстьяхъ и вотчинахъ мірянъ итоги крестьянъ и бобылей отдѣльно не приведены; итоги по вотчнамъ духовенства не полны по той же причинѣ.

Уѣзды:	% НАСЕЛЕНІЯ							
	въ 1620-хъ гг.				въ 1670-хъ гг.			
	холоповъ.	служ. и дѣт.	крестьянъ	бобылей	холоповъ	служ. и дѣт.	крестьянъ	бобылей.
Бѣлозерскій	,0,4	—	6,7	32,8	1,0	5,7	73,8	19,5
Ярославскій 1)	5,8	1,4	57,5	35,3	2,9	0,1	87,5	9,4
Тверской	4,1	3,1	46,8	46,0	3,8	1,3	75,4	19,6
Калужскій	12,1	—	36,7	51,1	15,7	0,1	47,8	36,8
Веневскій	3,7	—	38,6	47,7	12,8	—	43,0	44,2
Тульскій	15,7	1,4	49,7	33,2	18,3	1,3	52,7	27,7
Бѣлевскій	—	5,0	44,0	51,0	—	2,5	49,7	47,8
Орловскій	9,8	—	53,5	36,7	22,6	—	38,1	39,3



На основаніи приведенной таблицы, страдающей, разумѣется, такими же недостатками, какъ и предшествующая (стр. 49), легко придти къ заключенію, что въ теченіе XVII-го вѣка число задворныхъ людей, составлявшихъ главный контингентъ холопскаго населенія, и крестьянъ постепенно возрастало (за исключеніемъ развѣ южной окраины, Орловскаго уѣзда), тогда какъ количество бобылей становилось менѣе значительнымъ. Такой выводъ, основанный на сравненіи показаній о численности дворовъ, a fortiori можетъ быть отнесенъ и къ населенности ихъ; въ самомъ дѣлѣ, извѣстно, что средняя населенность крестьянскаго и бобыльскаго двора не была одинакова: вообще, одна превосходила другую, въ чемъ можно убѣдиться и по нѣкоторымъ изъ вышеуказанныхъ примѣровъ; значитъ пониженіе % бобыльскаго населенія (а не только числа бобыльскихъ дворовъ) ко времени составленія переписныхъ книгъ 7186 года, можно также считать явленіемъ довольно вѣроятнымъ. Слѣдуетъ замѣтить, однако, что оно далеко не всюду совершалось въ одинаковомъ размѣрѣ: паденіе % бобыльскаго населенія къ 1670-мъ годамъ въ сѣверныхъ уѣздахъ, напримѣръ, весьма значительно, тогда какъ въ южныхъ, начиная съ Веневскаго, оно не велико. Возрастаніе числа холопскихъ и крестьянскихъ дворовъ въ те-

1) Изъ вышеприведенныхъ показаній о населенности Ярославскаго уѣзда въ 7186 году приняты во вниманіе цифры одной верхней строки, т. е. 428, 14, 12692 и 1370.

ченіе изучаемаго періода времени (по крайней мѣрѣ въ томъ разрѣзѣ, который представленъ на нашей таблицѣ) не вполнѣ однородно: въ такихъ уѣздахъ, какъ Ярославскій и Тверской замѣтно преобладающее возростаніе крестьянскаго населенія, тогда какъ въ Орловскомъ уѣздѣ нельзя не замѣтить обратное отношеніе, впрочемъ, только здѣсь и обозначившееся достаточно ярко. Итакъ, предполагая, что число холопскихъ или крестьянскихъ дворовъ увеличивалось на счетъ бобыльскихъ, мы должны имѣть въ виду, что одна изъ нашихъ гипотезъ болѣе вѣроятна въ однѣхъ мѣстностяхъ, другая — въ другихъ, изъ чего разумѣется не слѣдуетъ, чтобы одна безусловно исключала другую.[1]

Въ самомъ дѣлѣ существовало не мало обстоятельствъ, вызывавшихъ возрастаніе численности какъ холоповъ, такъ и крестьянъ на счетъ бобылей въ предѣлахъ одной и той же области: они попадали въ зависимость отъ землевладѣльцевъ XVI—XVII-го вѣковъ, частью подъ вліяніемъ тѣхъ же причинъ, которыя порождали прикрѣпленіе крестьянъ, частью въ силу процесса, получившаго, кажется, наибольшую степень развитія примѣнительно къ бобыльскому населенію. Бобыли, какъ замѣчено было выше, представляли контингентъ, изъ котораго, вѣроятно, чаще всего набирались рабочіе: старинныя извѣстія о бобыляхъ поступившихъ въ «работники», не рѣдки; въ документахъ XVI вѣка иногда упоминаются «пришлые люди, кто у кого учнетъ жити въ паймитѣхъ для пашни», не говоря, о людяхъ, нанимаемыхъ «на лодьи, варницы» и для предпріятій подобнаго же рода[1]). Въ нѣкоторыхъ изъ писцовыхъ книгъ конца XVII столѣтія уже видный процентъ населенія составляютъ «работники», жившіе обыкновенно на господскихъ дворахъ. Конечно, въ составъ «работниковъ» попадали и крестьяне, но едва ли въ такомъ относительномъ количествѣ, въ какомъ могли быть сюда зачислены бобыли, особенно до того времени, когда оба разряда стали смѣшиваться, на что намекаютъ и отрывочныя извѣстія о занятіяхъ бобылей, лишенныхъ усадебной осѣдлости (см. выше стр. 45). Какъ бы то ни было работникъ становился очень часто по отношенію къ предпринимателю въ положеніе должника къ кредитору: та зависимость, которая возникала въ силу договора займа въ случаяхъ, разсмотрѣнныхъ выше (см. стр. 15 и сл.), временно превращала работника, взявшаго рядную плату впередъ у своего хозяина и, слѣдовательно, своимъ трудомъ отрабатывавшаго долгъ, въ полусвободнаго человѣка; не даромъ Уложеніе называетъ заживныя жилыя записи «заемными жилыми записями *или* кабалами», достаточно извѣстными въ нашей литературѣ; съ умаленіемъ веществен-

1) А. Э., т. I, № 330.
2) Моск. Арх. Мин. Юст., кн. 16060.

наго основанія сдѣлки ея формулировка пріобрѣла еще большее сходство съ нѣкоторыми видами крѣпостей, развившимися преимущественно въ XVII-мъ вѣкѣ. Въ своихъ очеркахъ г. Дьяконовъ проходитъ молчаніемъ затронутое нами явленіе, хотя выясненіе его и можно было бы поставить въ связь съ такими фактами, какъ возникновеніе на Руси класса «работниковъ», на что до сихъ поръ еще не было обращено достаточного вниманія въ нашей литературѣ. Что же касается возрастанія крестьянскихъ дворовъ на счетъ бобыльскихъ, то оно по всей вѣроятности объясняется, главнымъ образомъ извѣстными перемѣнами, происшедшими въ единицѣ прямого обложенія съ 1630-хъ годовъ, когда бобыли, ставши тяглыми на равнѣ съ крестьянами, оказались въ аналогичномъ съ ними положеніи, что и способствовало смягченію различій между тѣмъ и другимъ состояніемъ; но и переходъ бобыля въ крестьянство не избавлялъ его, конечно отъ той зависимости, въ которой обыкновенно находилось большинство крестьянъ XVII-го вѣка, сидѣвшихъ на частновладѣльческихъ земляхъ, отъ ихъ владѣльцевъ. Итакъ, какъ видно, важнѣйшія обстоятельства, вызывавшія пониженіе численности бобыльскаго населенія въ XVII вѣкѣ, могли существовать рядомъ, не исключая взаимно другъ друга.

Въ предшествующемъ изложеніи мы обратили вниманіе на важнѣйшіе хозяйственные факторы, вызывавшіе частное и главнымъ образомъ личное прикрѣпленіе сельскаго населенія, причемъ нѣсколько остановились и на обозрѣніи тѣхъ обстоятельствъ, которыя со второй половины XVI вѣка усилили изученный нами процессъ. Личная зависимость крестьянина отъ землевладѣльца разумѣется не только порождала, но и служила основаніемъ его имущественной зависимости, на почвѣ которой она первоначально сама и возникла. Тѣмъ не менѣе обстоятельства, способствовавшія развитію «крѣпостного права», параллельно съ нимъ вызывали и имущественную зависимость крестьянина отъ землевладѣльца, имѣвшую такимъ образомъ отчасти самостоятельное происхожденіе: подмога, ссуда и тому подобныя сдѣлки давали землевладѣльцу, нѣкоторое право на крестьянское имущество, поскольку въ его возникновеніи участвовалъ самъ землевладѣлецъ; послѣднее ограниченіе, однако, должно было постепенно слабѣть, какъ потому, что нарушить его было очень не трудно, такъ и благодаря взгляду на такое имущество, какъ на цѣльную имущественную массу. Г. Дьяконовъ едва ли достаточно отмѣтилъ общее значеніе указаннаго нами явленія; онъ изучаетъ его съ довольно узкой точки зрѣнія въ томъ мѣстѣ своей книги, гдѣ ведетъ рѣчь о «сходствѣ и различіи между крестьянской ссудной записью и служилой кабалой» (стр. 125—130). Вообще авторъ, какъ намъ кажется, рѣшаетъ вопросъ довольно правильно въ томъ смыслѣ, который былъ уже указанъ его пред-

шественникомъ [1]). Замѣтимъ только, что конечный выводъ г. Дьяконова едва ли отличается достаточною ясностью. «Кому же принадлежитъ, пишетъ онъ, крестьянское имущество, крестьянину или его владѣльцу? Памятники, упоминая о крестьянскихъ животахъ, даютъ согласный отвѣтъ на нашъ вопросъ: это имущество принадлежитъ крестьянамъ. Но и владѣльцы считаютъ своимъ правомъ распоряжаться этимъ имуществомъ, какъ они распоряжаются и личностью крестьянина и не рѣдко ограничиваютъ имущественныя права своихъ крестьянъ. Крестьянамъ принадлежитъ лишь право владѣнія и пользованія безъ нарушенія хозяйскихъ интересовъ землевладѣльца» (стр. 130). Едва ли можно безусловно согласиться съ такою формулировкой. Г. Дьяконовъ какъ будто выводитъ въ ней изученное имъ совладѣніе «животами» исключительно изъ личной зависимости крестьянина отъ землевладѣльца, что, какъ указано было выше, нельзя считать вполнѣ правильнымъ. Далѣе, нашъ авторъ въ приведенномъ отрывкѣ утверждаетъ, что одно и тоже имущество и притомъ движимое, могло оказаться объектомъ владѣльческихъ правъ крестьянина, ограниченныхъ интересами землевладѣльца, и тѣмъ не менѣе въ тоже время становилось крестьянскою собственностью. Возможно, что выраженіе «принадлежитъ крестьянамъ» авторъ понималъ не въ смыслѣ права собственности, а одной принадлежности «животовъ» крестьянамъ; но въ такомъ случаѣ ему слѣдовало остановиться на выясненіи своего положенія, тѣмъ болѣе, что самая принадлежность «животовъ» получитъ разное значеніе, будемъ ли мы говорить о принадлежности ихъ крестьянамъ или крестьянскимъ хозяйствомъ. Притомъ г. Дьяконовъ не воспользовался имъ же указаннымъ взглядомъ на крестьянское имущество, какъ на цѣльную массу, въ обладаніи которой раздѣльное сосуществованіе права крестьянина и права землевладѣльца становилось едва ли возможнымъ и порождало условія, благопріятныя для всякаго рода злоупотребленій со стороны сильнѣйшаго изъ совладѣльцевъ. Наконецъ, г. Дьяконову слѣдовало обратить вниманіе еще на одну особенность, уже отмѣченную его предшественникомъ. Если согласиться съ тѣмъ, что «законъ того времени считалъ крестьянскіе животы юридически привязанными къ мѣсту, гдѣ съ нихъ шло тягло» [2]), т. е. въ сущности признавалъ ихъ принадлежностью тяглыхъ крестьянскихъ хозяйствъ, то и въ области чисто имущественныхъ отношеній можно будетъ указать на различіе въ принципахъ частнаго и государственнаго прикрѣпленій, до нѣкоторой степени обратно-противуположныхъ другъ другу.

---

1) В. Ключевскій, Происхожденіе крѣпостного права въ «Рус. Мысли» за 1885 г., кн. VIII, стр. 34—38.

2) В. Ключевскій, Op. cit., стр. 37.

Таковы, какъ намъ кажется, важнѣйшіе хозяйственные факторы частнаго прикрѣпленія крестьянъ къ землевладѣльцамъ и значеніе ихъ въ развитіи того явленія, которое г. Дьяконовъ частью затронулъ въ разныхъ мѣстахъ своей книги, причемъ высказалъ не мало цѣнныхъ замѣчаній для его выясненія, частью же оставилъ безъ вниманія; предоставивъ читателямъ своихъ очерковъ пополнить нѣкоторые изъ пробѣловъ своего сочиненія, онъ не попытался свести во едино наблюденія, придающія указанной нами сторонѣ прикрѣпленія должную рельефность.

IV.

Новымъ и своеобразнымъ факторомъ въ развитіи прикрѣпленія надо считать «старину» или «институтъ старожильства», значеніе котораго г. Дьяконовъ подвергъ обстоятельному изслѣдованію.

«Обычный институтъ старожильства, пишетъ авторъ, представляетъ одно изъ любопытныхъ, но къ сожалѣнію мало выясненныхъ явленій общественнаго быта древней Руси. Онъ обязанъ своимъ возникновеніемъ отнюдь не правительственной практикѣ Московскихъ государей. Корни его восходятъ къ глубокой старинѣ: еще [?] Псковская судная грамота упоминаетъ старыхъ изорниковъ. Не смотря однако на столь продолжительный періодъ существованія, этотъ институтъ въ своихъ основныхъ чертахъ заключаетъ много неопредѣленнаго и неяснаго. Поэтому конечно и то не многое, что сказано въ литературѣ о старожильцахъ, очень мало выясняетъ ихъ бытовыя и юридическія особенности. Кто считался старожильцемъ, и въ чемъ заключались особенности ихъ положенія среди сельскаго населенія древней Руси? Дать опредѣленный отвѣтъ на эти вопросы представляется дѣломъ чрезвычайно труднымъ» (стр. 16). Въ одномъ изъ своихъ очерковъ г. Дьяконовъ «предлагаетъ попытку представить сводъ нѣкоторыхъ чертъ этого института». Итакъ, признавая частное происхожденіе старины и не пускаясь въ изученіе причинъ, вызвавшихъ её, авторъ тѣмъ не менѣе стремится дать опредѣленіе интересующаго его «института». При такихъ условіяхъ самое опредѣленіе должно было получить въ изложеніи г. Дьяконова описательный, а не генетическій характеръ. Прежде всего, по мнѣнію автора, нельзя не отмѣтить одной общей черты старожильства, а именно извѣстной давности поселенія или жительства (стр. 19). Далѣе г. Дьяконовъ обратилъ вниманіе (кромѣ уже выше цитированнаго вывода на стр. 22 его книги) на тѣ споры владѣльцевъ «о преимущественныхъ правахъ на крестьянъ старожильцевъ», въ которыхъ стороны въ подтвержденіе своихъ правъ приводятъ ссылки не на порядныя и не на правила о крестьянскомъ выходѣ, а на оффиціальныя описи и различные документы,

санкціонированные правительствомъ: занесеніе въ такіе документы крестьянъ и является важнымъ доводомъ въ пользу ихъ старожильства у даннаго владѣльца или на данномъ мѣстѣ» (стр. 28). «При такихъ условіяхъ, разсуждаетъ г. Дьяконовъ, юридическое значеніе писцовыхъ книгъ получаетъ новое освѣщеніе: если въ подтвержденіе старожильства приводятся частныя описи и росписи разнаго рода, то рѣшающее значеніе писцовыхъ книгъ въ вопросахъ подобнаго рода явствуетъ само собою» (стр. 30). На основаніи всего выше сказаннаго г. Дьяконовъ, наконецъ, приходитъ къ слѣдующему заключенію: «во второй половинѣ XVI в. мало по малу вырабатывается правило, что крестьяне и вообще тяглые люди, занесенные въ писцовыя книги или оффиціальныя описи, считаются старожильцами и правомъ выхода не пользуются» (стр. 31), а самая «записка крестьянъ въ писцовыхъ книгахъ» [?] — оказывается «главнымъ признакомъ крестьянской старины» (стр. 39). Впрочемъ, кромѣ него г. Дьяконовъ приписываетъ аналогичное, хотя и второстепенное значеніе происхожденію отъ стариннаго крестьянина (стр. 39—45), а также способу пріобрѣтенія путемъ разнообразныхъ сдѣлокъ: данныхъ, поступныхъ, купчихъ, мѣновыхъ, рядныхъ и т. п. (стр. 45—52). Не лишена интереса и та поправка, которую авторъ вноситъ въ предшествующее изложеніе по разсмотрѣніи цѣлаго ряда случаевъ «застарѣнія» бѣглыхъ крестьянъ у новыхъ владѣльцевъ, хотя бы бѣглецы и оказались старожильцами въ тѣхъ имѣніяхъ, откуда они выбѣжали. «Можно, пишетъ г. Дьяконовъ, съ достаточною несомнѣнностью сдѣлать заключеніе, что и въ XVII вѣкѣ пришлые или схожіе крестьяне, въ томъ числѣ и бѣглые, могли по истеченіи нѣкотораго срока застарѣть и сдѣлаться изъ пришлыхъ старинными» (стр. 55). Таковы, насколько мы можемъ судить, главнѣйшіе выводы, къ которымъ приходитъ г. Дьяконовъ при разъясненіи значенія института старожильства въ процессѣ прикрѣпленія.

При оцѣнкѣ теоріи г. Дьяконова слѣдуетъ замѣтить прежде, всего что онъ нигдѣ не разъясняетъ, въ какой мѣрѣ должно считать старину первоначальнымъ или производнымъ факторомъ прикрѣпленія? Лишь довольно случайно въ числѣ основныхъ причинъ, вызвавшихъ крестьянскую старину, авторъ справедливо указываетъ на задолженность крестьянъ (стр. 74; ср. стр. 204), сопряженную съ личной зависимостью должника отъ кредитора, и, слѣдовательно, намекаетъ на то, что самая старина, по скольку она зависѣла отъ задолженности крестьянъ, не имѣла самостоятельнаго значенія въ процессѣ прикрѣпленія. Дѣйствительно, много данныхъ, какъ мы видѣли (см. гл. III) говоритъ въ пользу такого предположенія, не исключающаго впрочемъ, а только ограничивающаго роль, которую по мнѣнію г. Дьяконова старожильство играло въ ходѣ прикрѣпленія: въ самомъ дѣлѣ и въ

томъ, и въ другомъ случаяхъ старина, должно быть, повліяла на прикрѣпленіе къ тяглу, коснувшееся прежде всего старинныхъ крестьянъ; послѣднее заключеніе какъ нельзя лучше доказано г. Дьяконовымъ. Нельзя не замѣтить еще одной неясности въ изложеніи автора: утверждая, что институтъ старожильства обязанъ своимъ возникновеніемъ отнюдь не правительственной практикѣ Московскихъ государей (стр. 16), съ чѣмъ, конечно, можно согласиться, онъ, однако, «главнымъ признакомъ крестьянской старины» считаетъ «записку крестьянъ въ писцовыхъ книгахъ» (стр. 31 и 39), т. е. въ памятникѣ, чисто правительственнаго происхожденія и назначенія. Такое противорѣчіе, кажется, объясняется тѣмъ, что г. Дьяконовъ едвали не смѣшиваетъ значеніе старины въ процессѣ частнаго прикрѣпленія съ правительственнымъ ея примѣненіемъ на судѣ или признаніемъ ея государствомъ въ той мѣрѣ, въ какой онъ годился для прикрѣпленія сельскаго населенія къ тяглу. Между тѣмъ въ старинныхъ памятникахъ встрѣчаются указанія на значеніе старины независимо отъ записки въ писцовыя книги. Наши древнѣйшія постановленія о давности предполагаютъ ее бытовое происхожденіе [1]); въ древнѣйшихъ актахъ старожильцами называются люди, «которые прежъ того туто же живали» [2]). И въ позднѣйшее время въ мѣстностяхъ, гдѣ архаичныя формы отношеній, вѣроятно, долгое время оставались въ силѣ, какъ напримѣръ въ Кеврольскомъ уѣздѣ, «писцы XVII вѣка записывали земли, пріобрѣтенныя до последней переписи «по старинѣ» или «по писцовымъ книгамъ» или «по старинѣ и по писцовымъ книгамъ»; замѣчательно, что формула «по старинѣ», которую понимали, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ способъ пріобрѣтенія по наслѣдству, господствовала до 1645 г., тогда какъ въ 1686 году она попадается чаще въ связи съ писцовыми книгами, чѣмъ самостоятельно» [3]). Такая же точка зрѣнія, повидимому, обнаруживается въ нѣкоторыхъ дѣлахъ по поземельнымъ искамъ: въ 1506 году, напримѣръ, между княжескимъ слободчикомъ и Троице-Сергіевымъ монастыремъ возникъ споръ изъ-за деревень у селъ Прилука и Краснаго, Углечскаго уѣзда; на основаніи обыска, выяснившаго, что «тѣ земли исъ старины Троицкія Сергіева монастыря», деревни, починки, пожни и лѣсъ «по старинѣ» были присуждены Живоначальной Троицы Сергіеву монастырю»; рѣшеніе дѣла на основаніи «обыска» и отсутствіе ссылокъ на писцовыя книги или на выписи изъ нихъ показываютъ, что въ данномъ случаѣ «старина» понимается въ смыслѣ давностнаго обладанія вещью, доказательствомъ котораго могли

1) Псков. Суд. грам., ст. 9. И. Энгельманъ, О давности, Спб. 1868 г., стр. 16.

2) А. Э., т. I, № 44 (1449 г.).

3) П. Ивановъ, Къ исторіи крестьянскаго землевладѣнія на сѣверѣ въ XVII вѣкѣ въ Тр. Археог. Ком. при Моск. Археол. общ., т. I, стр. 413—414 и 418.

служить не однѣ писцовыя книги. Случаи подобнаго рода едва ли были особенно рѣдкими исключеніями [1]): иногда не только земельная, но и крестьянская старина имѣла бытовое происхожденіе, о чемъ свидѣтельствуютъ нѣкоторые факты даже позднѣйшаго времени. Охотникъ ловчаго пути И. Архаровъ напримѣръ, подалъ однажды искъ на Троице-Сергіевъ монастырь въ бѣглыхъ кабальныхъ своихъ людяхъ; но затѣмъ, желая мотивировать свой отказъ отъ иска какими либо благовидными причинами онъ заявилъ, что его люди, «живучи въ троецкихъ вотчинахъ, прижили дѣтей и дѣти ихъ поженилися въ троецкихъ вотчинахъ на троецкихъ крестьянскихъ дочерѣхъ», такъ что они «въ троецкихъ вотчинахъ застарѣлися» [2]). Не только частныя лица, но и само правительство высказывало подобнаго рода точку зрѣнія. Такъ, въ 1575 году возникло дѣло о выводѣ солеваровъ и дворниковъ Троице-Сергіева монастыря, жившихъ «на Холую» въ посадъ, т. е. о припискѣ ихъ въ посадское тягло (во Владимірѣ). Это дѣло было рѣшено въ пользу монастыря, ибо онъ предъявилъ царскую жалованную грамоту, «что у нихъ въ тѣ дворы не вступатись ни во что, потому что тѣ дворы на Холую ихъ ставленье изстари»... Нѣсколько позднѣе (въ 1587 г.) архимандритъ Троице-Сергіева монастыря билъ челомъ царю на царскаго ключника А. Коробова, «невѣдомо почему» взявшаго монастырскаго неводчика на Переяславскомъ озерѣ; челобитчику послана была грамота «по государеву цареву и великаго князя Федора Ивановича всеа Русіи слову отъ боярина и дворецкаго Г. В. Годунова съ приказаніемъ «про неводчика, про Левку, сыскать всякими сыски»; «да будетъ въ обыску скажютъ, читаемъ мы далѣе въ той же грамотѣ, что тотъ неводчикъ Левка истари троецкой, а Олексѣ будетъ Коробовъ взялъ его насильствомъ, и ты бы его отдалъ назадъ къ Троицѣ» [3]). Не менѣе характерно дѣло, возбужденное Троице-Сергіевымъ монастыремъ противъ боярина Б. М. Салтыкова, за котораго заложился старинный монастырскій крестьянинъ И. Лукояновъ, «покинувшій въ Троецкой вотчинѣ въ селѣ Олексинѣ свой отцовскій дворъ»: по указу святѣйшаго Филарета, патріарха Московскаго и всея Руси, онъ, И. Лукояновъ, по старинѣ былъ отданъ въ Троице-Сергіевъ монастырь въ 1623 году [4]). Въ приведенныхъ примѣрахъ стороны ограничиваются ссылками на старину, а не на писцовыя книги, причемъ правительство признаетъ такія ссылки правильными. Бывали случаи, когда оно само высказывало

---

1) Угличскіе акты, изд. подъ ред. С. Шумакова, М., 1899 г., стр. 40—41; ср. стр. 42; Акты, представл. въ Разрядъ и соб. А. Юшковымъ, стр. 45; А. Э., т. I, № 113; А. И., т. I, № 108.

2) Акты и проч., собр. М. Дьяконовымъ, вып. II, № 65.

3) Акты и проч., соб. М. Дьяконовымъ, в. II., №№ 23 и 29.

4) Акты и проч., соб. М. Дьяконовымъ, в. I, № 4; ср. № 30 и в. II, № 55.

аналогичную точку зрѣнія; когда, напримѣръ, въ 1658 году возникло дѣло между Приказомъ Большого дворца и Троице-Сергіева монастыря изъ за владѣнія крестьянами, приказные люди дворцовыхъ селъ въ силу царской грамоты должны были «допрашивать дворцовыхъ крестьянъ о томъ, почему они крестьянъ, на которыхъ монастырскіе старцы и слуги не положатъ выписей съ писцовыхъ книгъ, называютъ нашими: по старинѣ-ль или по писцовымъ и по переписнымъ книгамъ, и будетъ по старинѣ — и по какой, а будетъ по книгамъ — и сами-ль тѣ крестьяне написаны, или отцы ихъ и въ коихъ селѣхъ и въ деревняхъ?» [1]). Впрочемъ, вѣроятно, чаще бывали случаи, когда предпочитали опираться не на бытовую, а, такъ сказать, на писцовую старину, т. е. на старину, наличность которой можно было доказать при помощи писцовыхъ книгъ. Къ числу подобнаго рода дѣлъ, повидимому, относятся двѣ мировыя записи Троице-Сергіева монастыря съ П. Башмаковымъ и Б. Колтовскимъ. П. Башмаковъ уступилъ монастырю крестьянина О. Купреянова на томъ основаніи, что «тотъ крестьянинъ Окулко съ дѣтьми въ троецкой вотчинѣ застарѣлъ, изъ государевыхъ указныхъ лѣтъ вышелъ» (1620—1621 гг); Б. Колтовской разсуждалъ такимъ же образомъ: онъ отказался отъ иска по своимъ крестьянамъ, жившимъ въ одной изъ вотчинъ Троице-Сергіева монастыря на томъ основаніи, что они «изъ урочныхъ лѣтъ вышли и мнѣ до нихъ дѣла нѣтъ, что они въ троецкой вотчинѣ давно» [2]). Ссылки на урочныя лѣта, которыя можно было высчитать по писцовымъ книгамъ и на основаніи царскихъ указовъ, очевидно, признавались законными правительствомъ и во избѣжаніе ихъ владѣльцы — отвѣтчики готовы были удовлетворить истцовъ, не прибѣгая къ судебному рѣшенію. Указанное различіе между стариною и писцовыми книгами проглядываетъ и въ другихъ текстахъ, гдѣ рѣчь идетъ обыкновенно о крестьянахъ, крѣпкихъ своимъ владѣльцамъ «по старинѣ и по писцовымъ книгамъ» (а не въ силу старины по писцовымъ книгамъ и т. п.). Бывали даже случаи, когда «крѣпости на старину» противуполагали писцовымъ и переписнымъ книгамъ [3]). Слѣдуетъ замѣтить также, что стороны ссылались на писцовыя книги въ видѣ доказательства крестьянской старины (стр. 37); между тѣмъ г. Дьяконовъ, кажется, иногда склоненъ признать въ такихъ ссылкахъ указаніе на то, что внесеніе въ писцовыя книги всегда считали признакомъ старины, а не только ея доказательствомъ.

Итакъ, если выше сдѣланныя поправки могутъ быть приняты, бытовыми признаками старины окажутся «давность поселенія или жительства»,

1) Акты и проч., соб. М. Дьяконовымъ, вып. II, № 85; ср. еще ниже стб. 17.
2) Акты и проч., соб. М. Дьяконовымъ, в. II, №№ 44 и 45.
3) Акты и пр., соб. М. Дьяконовымъ, в. I, № 42; в. II, № 57 (стр. 69). М. Дьяконовъ, Op. cit., стр. 31, 37, 38, 39, 44, 47, 48, 57 и 105.

а также рожденіе за кѣмъ либо въ крестьянствѣ и переходъ во владѣніе отъ одного владѣльца къ другому на основаніи какой нибудь частной сдѣлки. Самъ г. Дьяконовъ, считая записку въ писцовыя книги главнымъ признакомъ старины, очевидно придаетъ второстепенное значеніе остальнымъ; и дѣйствительно, почти всѣ они имѣютъ производное значеніе, ибо «могли возникнуть только тогда, когда выработана была идея о вѣчной крестьянской крѣпости или вѣчности крестьянской». . . (стр. 45). Такимъ образомъ какого нибудь «главнаго признака» института старожильства, поскольку онъ былъ «обязанъ своимъ возникновеніемъ отнюдь не правительственной практикѣ Московскихъ государей», г. Дьяконовымъ не указано: значеніе старины въ процессѣ прикрѣпленія остается и послѣ изслѣдованія автора все еще довольно темнымъ.

Такой результатъ можетъ быть вызванъ тѣмъ, что г. Дьяконовъ, понимая терминъ «старина» въ смыслѣ «давности поселенія или жительства» (причемъ эти выраженія также надлежало бы выяснить), не останавливается на изученіи весьма разнообразныхъ значеній, въ которыхъ означенный терминъ встрѣчается въ старинныхъ памятникахъ XV—XVII вв. Укажемъ, хотя бы въ общихъ чертахъ, на тѣ изъ нихъ, которыя слѣдуетъ имѣть въ виду при выясненіи понятія о крестьянской старинѣ, какъ факторѣ въ процессѣ частнаго прикрѣпленія.

Въ древнѣйшее время благодаря малозначительности населенія и обилію земли право захвата ея, вѣроятно, дѣйствовало въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, на что указываетъ и выраженіе: «куда ходитъ топоръ, и коса и соха (или плугъ) по старинѣ», иногда встрѣчающееся въ грамотахъ, и прямыя указанія на «займища» въ цѣломъ рядѣ актовъ и книгъ [1]); такъ же, какъ въ древнѣйшемъ римскомъ правѣ, признаніе давности и въ старинномъ русскомъ правѣ, кажется, не нуждалось въ установленіи добросовѣстности владѣнія и его основанія (bona fides и justa causa). При такихъ условіяхъ давность должна была играть существенную роль въ числѣ способовъ пріобрѣтенія поземельнаго имущества, тѣмъ болѣе что въ лѣсной области многолѣтнее пользованіе становилось основнымъ условіемъ для самой расчистки пашни на занятомъ участкѣ [2]). Какъ сравнительно краткій срокъ давности, вѣроятно, отчасти вызванный стремленіемъ правительства содѣйствовать оккупаціи и разработкѣ пустопорожнихъ земель,

1) Заимка имѣло мѣсто, конечно, не только относительно земли, но и воды; «при мнѣ, говоритъ одинъ изъ свидѣтелей на судѣ, происходившемъ въ 1530 году, игуменъ Инокентій «посылалъ того истока заимати, Волгинскаго старца Васьяна рыбу ловить» (Сборникъ актовъ, изд. Н. Лихачевымъ, стр. 178).

2) Въ проектѣ Судебника 1589 г. есть между прочимъ новая статья, узаконяющая давность, какъ способъ пріобрѣтенія (Судебникъ царя Ѳедора Іоанновича 1589 г., М., 1900 г., ст. 151).

такъ и преемственность давностнаго владѣнія оказывались, конечно, благопріятными условіями для развитія вышеуказаннаго способа пріобрѣтенія имущества: въ самомъ дѣлѣ, по трехлѣтнемъ обладаніи заимкой частному лицу уже можно было считать её своею собственностью [1]); что же касается преемственности давностнаго владѣнія, то на признаніе ея указываютъ довольно часто встрѣчающіяся въ актахъ выраженія въ родѣ «старое отца его село» или «старое отца его помѣстье» [2]). Слѣдуетъ при этомъ обратить вниманіе на то, что существеннымъ элементомъ давности въ нашемъ старинномъ правѣ оказывалось не только безпрерывное обладаніе вещью въ теченіе извѣстнаго срока, но и приложеніе труда къ обладаемому имуществу [3]): возможно, что именно въ виду такого взгляда давность не имѣла примѣненія къ вещамъ движимымъ и дѣйствовала главнымъ образомъ примѣнительно къ землѣ, обнаружившей слѣды обработки; косвенное подтвержденіе подобнаго построенія можно видѣть и въ томъ значеніи, какое трудовое начало имѣетъ въ современномъ крестьянскомъ захватномъ землепользованіи, хотя бы трудъ и обнаруживался здѣсь въ минимальныхъ размѣрахъ [4]). Съ аналогичной точки зрѣнія, можетъ быть, и правительство готово было признавать межи частно-владѣльческихъ имѣній законными: в. кн. Рязанскій Иванъ Ивановичъ писалъ, напримѣръ въ грамотѣ 1500—1520 гг. боярину своему Ѳ. Сунбулу, чтобы онъ при отдачѣ земли Ѳ. Ромоданову велѣлъ бы ему отвесть по старинѣ деревню Горяиновскую, какъ была за Горяиномъ» [5]). Итакъ, выраженія «старинное село» или «старинная деревня» и т. п., часто встрѣчаемыя въ памятникахъ XV—XVII вѣковъ, вѣроятно, имѣли довольно опредѣленный, хотя и не всегда вполнѣ тожественный смыслъ. Давностное владѣніе землею не требовало, конечно,

---

1) Судебникъ 1497 г., ст. 63; Судебникъ 1550 г., ст. 84 и 85; ср. И. Энгельманъ, Op. cit., стр. 30—35. Составители Судебниковъ, вѣроятно имѣли въ виду не только срокъ обладанія, но и его непрерывность. Намъ извѣстны акты XVII ст., свидѣтельствующіе о томъ, что само населеніе признавало такую непрерывность условіемъ давности. При обыскѣ о владѣльческихъ правахъ Углечскаго Воскресенскаго монастыря на нѣсколько пустошей въ Городскомъ стану, крестьяне сказали, что монастырь изстари тѣми пустошами владѣетъ, а «опричѣ него тѣми пустошми нихто не влаживалъ...» (Угличскіе акты, изд. подъ ред. С. Шумакова, стр. 22). Замѣчательно, что на сѣверѣ крестьяне еще въ XVII в. не признавали въ нѣкоторыхъ случаяхъ исковой давности на землю (П. Ивановъ, Op. cit., стр. 414 и 428).

2) Акты, представленные въ Разрядъ, соб. А. Юшковымъ. №№ 52 (1501 г.), 68 (1506 г.), 91 (1514 г.), 115 (1522 г.). Акты, соб. М. Дьяконовымъ, в. II, №№ 5, 30, 59.

3) Въ только что изданномъ проектѣ Судебника 1589 г. есть между прочимъ статья, наглядно выражающая значеніе труда для образованія давности: «А въ земляхъ, читаемъ мы въ ст. 151-й, судити старожильцы, хто знаетъ межу или прежъ сего пахивалъ и живалъ»... (Судебникъ царя Ѳедора Іоанновича, ст. 151, М. 1900 г.).

4) А. Кауфманъ, Op. cit., стр. 55—58.

5) Акты, представленные въ Разрядъ, соб. А. Юшковымъ, №№ 47 и 52; ср. А. Ю., № 421.

немедленнаго укрѣпленія правъ владѣльцевъ: дѣйствительно, бывали случаи, когда вотчина принадлежала имъ «по старинѣ», но безъ грамотъ[1]). Возможно, что давность, въ качествѣ основанія поземельнаго владѣнія, могла повліять на развитіе крестьянской старины, какъ фактора частнаго прикрѣпленія: привыкши пользоваться давностью въ первомъ смыслѣ, землевладѣльцы естественно обнаружили склонность примѣнить её и во второмъ къ населенію собственныхъ своихъ имѣній, которыми они не рѣдко владѣли по старинѣ. Къ сожалѣнію, разыскать прямыя указанія, подтверждающія подобнаго рода предположеніе, въ актахъ намъ пока еще не удалось. Во всякомъ случаѣ сопоставленіе поземельной давности съ крестьянской стариной наводитъ насъ на болѣе широкое пониманіе ея, чѣмъ то, какое предлагаетъ г. Дьяконовъ; онъ толкуетъ её въ очень узкомъ смыслѣ, такъ какъ подъ стариною въ сущности разумѣетъ «давность поселенія или жительства» или давностный срокъ (стр. 19—21), который оказывается въ его построеніи единственнымъ первоначальнымъ и бытовымъ признакомъ крестьянской старины[2]). Едва ли, однако, давности поселенія или жительства было достаточно для образованія старины: однимъ изъ элементовъ ея, повидимому, оказывается и давность пользованія; по крайней мѣрѣ въ большинствѣ извѣстныхъ намъ грамотъ рѣчь идетъ о возвращеніи крестьянина на «старое ево печище», «въ старую ево деревню», на «старый ево жеребей» и т. п.[3]); такія выраженія какъ бы указываютъ на то, что при возвращеніи крестьянина на прежнее мѣстожительство ссылались не только на давность его поселенія, но и на обработку имъ покинутаго участка: старою землею называлась та, которою пользовались издавна въ противуположность новинѣ, или новой росчисти. «А въ старой бы землѣ, читаемъ мы въ одномъ актѣ 1639 г., тѣхъ крестьянъ поверстати по книгамъ; а только у крестьянъ старые земли будетъ противъ вытей сполна и тое бы розчистную землю смѣтити и положити на нее оброкъ» . . .[4]). И теперь еще, въ противуположность новинѣ стариною называютъ «запущенную пашню». Въ нѣкоторыхъ случаяхъ памятники содержатъ довольно ясные намеки на вышеуказанное пониманіе старины; крестьянамъ одного изъ дворцовыхъ селъ Суздальскаго уѣзда напримѣръ, велѣно было перевести крестьянина Анкудина «со всѣмъ назадъ за государя на старину въ другое село, на старой ево жеребей на тягло и на пашню по

1) Влад. губ. вѣд. за 1858 г., № 10: царская жалованная грамота дворянину Корякину на сельцо Михайловское близъ Владиміра (1624 г.).

2) Акты, соб. М. Дьяконовымъ, в. I, №№ 7 и 12.

3) Акты, соб. М. Дьяконовымъ, в. I, №№ 18, 30 и 40; в. II, № 49; М. Дьяконовъ, Op. cit., стр. 34, 40, 42, 59, 60, 68, 90 и 91.

4) Акты, соб. М. Дьяконовымъ, в. II, № 66.

прежнему»[1]). Такимъ образомъ при опредѣленіи крестьянской старины г. Дьяконову можетъ быть и не мѣшало бы остановиться на изученіи давности пользованія; правда, что на основаніи извѣстныхъ намъ крайне скудныхъ данныхъ мы не можемъ рѣшить вопроса о томъ, имѣлъ ли подобнаго рода признакъ первостепенное и постоянное значеніе; но во всякомъ случаѣ автору очерковъ слѣдовало обратить вниманіе на него и попытаться выяснить его роль въ образованіи старины.

Производнымъ признакомъ старины можно считать ея наслѣдственность. Г. Дьяконовъ не разъясняетъ ни того соотношенія, какое существовало между давностью, какъ первоначальнымъ признакомъ старины и наслѣдственностью, какъ производнымъ, ни тѣхъ существенныхъ разновидностей, которыя представляла старина наслѣдственная. Выше уже было указано на значеніе наслѣдованія для преемственности давностнаго владѣнія. Съ такой именно точки зрѣнія, часто примѣняемой и къ обладанію землей, владѣльцы ея, вѣроятно, называли старинными крестьянами тѣхъ людей, которыхъ они получили по наслѣдству вмѣстѣ съ унаслѣдованными ими имѣніями, причемъ противуполагали населеніе ихъ вновь призваннымъ ими самими «на то мѣсто новымъ людямъ съ иныхъ сторонъ». Духовныя, данныя (замѣнявшія иногда духовныя), рядныя и т. п. акты укрѣпляли такія сдѣлки и могли поэтому служить основаніемъ для владѣнія старинными крестьянами; хотя г. Дьяконовъ знаетъ, конечно, о существованіи подобнаго рода крѣпостей, но, не указываетъ на юридическое значеніе ихъ и смѣшиваетъ ихъ съ нѣсколько иными видами, какъ то поступными, мѣновными, купчими и т. п. Во всякомъ случаѣ не только наслѣдникъ давностнаго владѣльца, но и лицо, пріобрѣвшее по отчужденіи вещь, которая подлежала давностному владѣнію, конечно, продолжало владѣніе своего предшественника. Отъ наслѣдственности владѣльческой старины необходимо различать потомственность старины крестьянской въ узкомъ смыслѣ слова; г. Дьяконовъ выдѣлилъ её въ видѣ особаго признака, но не выяснилъ отношенія ея къ остальнымъ, хотя извѣстія о ней въ грамотахъ едва ли всегда однородны (стр. 39—45). Въ извѣстныхъ намъ актахъ рожденіе даннаго лица отъ старожильца обыкновенно считается признакомъ старины; съ указанной точки зрѣнія г. Дьяконовъ и разсматриваетъ множество извѣстій о потомственности крестьянской старины, сохранившихся въ памятникахъ XVII вѣка[2]). На ряду съ происхожденіемъ, однако, въ нихъ можно встрѣтить ссылки и на мѣсто рожденія, которому придается аналогичное значеніе. Весьма любопытенъ, напримѣръ, одинъ царскій

---

1) М. Дьяконовъ, Op. cit., стр. 59.

2) Акты, соб. М. Дьяконовымъ, в. I, №№ 4, 5, 27. М. Дьяконовъ, Op. cit., стр. 38, 39, 41, 90.

указъ 1620 г. Костромскому воеводѣ объ исключеніи изъ посадскаго тягла крестьянъ Новинскаго монастыря; «въ нынѣшнемъ де во 128 году, читаемъ мы здѣсь, ималъ де нашу грамоту старой ихъ игуменъ Іосифъ по своихъ вотчинныхъ бѣглыхъ крестьянъ... а тѣ де ихъ крестьяне породились въ ихъ вотчинѣ (т. е. монастырской), а вышли де изъ ихъ вотчины съ литовскаго разоренья... и по нашей де грамотѣ тѣхъ крестьянъ отдали имъ по прежнему»[1]). Въ данномъ случаѣ самый фактъ рожденія крестьянъ въ вотчинѣ оказывается признакомъ ихъ потомственной старины, на что авторъ «очерковъ», кажется, не обратилъ достаточнаго вниманія.

Въ виду всего выше сказаннаго мы не можемъ вполнѣ согласиться съ тою группировкою производныхъ признаковъ старины, которую предлагаетъ г. Дьяконовъ. «Кромѣ записки въ писцовыя книги, пишетъ авторъ, въ группу старинныхъ крестьянъ включаются: во 1-хъ, дѣти крестьянъ, которыя родились въ предѣлахъ даннаго имѣнія или волости и живутъ на отцовскихъ жеребьяхъ и по отцовскимъ печищамъ или же поселены въ отдѣлѣ отъ своихъ отцовъ», почему основнымъ признакомъ старины этого рода является рожденіе за кѣмъ либо въ крестьянствѣ»; во 2-хъ, — крестьяне и бобыли, перешедшіе во владѣніе отъ прежнихъ владѣльцевъ къ новымъ на основаніи самыхъ разнообразныхъ сдѣлокъ: данныхъ, поступныхъ, купчихъ, мѣновныхъ, рядныхъ и т. д., причемъ такія сдѣлки могли возникнуть только послѣ того, какъ выработана была идея о вѣчной крестьянской крѣпости или вѣчности крестьянской или, говоря иначе, право распоряженія личностью крестьянина могло возникнуть лишь при сознаніи о наслѣдственной принадлежности владѣльцу крестьянской семьи» (стр. 45). Хотя «группы» г. Дьяконова въ общихъ чертахъ и соотвѣтствуютъ тѣмъ изъ нихъ, которыя мы намѣтили выше, но соотношеніе ихъ едва ли выяснено, да и оттѣнки ихъ въ изложеніи автора не опредѣлены.

Кромѣ указанныхъ разновидностей старины существовала еще такъ сказать старина тяглая, которая вовсе не вошла въ перечисленіе г. Дьяконова; правда, она большею частью сливалась съ однимъ изъ остальныхъ видовъ, но, по всей вѣроятности, имѣла и самостоятельное значеніе въ процессѣ государственнаго прикрѣпленія, въ связи съ которымъ мы и разсмотримъ ея дѣйствіе нѣсколько ниже.

На основаніи вышеизложенныхъ соображеній мы приходимъ къ заключенію, что крестьянская старина, имѣла довольно много разнообразныхъ значеній, представляющихъ обыкновенно разнородныя комбинаціи признаковъ, детальный анализъ которыхъ не сдѣланъ г. Дьяконовымъ, что

1) Акты, соб. М. Дьяконовымъ, в. II, № 43; ср. ibid., № 80.

впрочемъ объясняется большими затрудненіями, сопряженными съ подобнаго рода изслѣдованіемъ.

Какъ бы ни возникла крестьянская старина и каковы бы ни были ея разновидности, по возникновеніи своемъ она вопреки мнѣнію г. Дьяконова (стр. 22), кажется, становилась однимъ изъ основаній частнаго прикрѣпленія, пріобрѣвшаго подъ ея вліяніемъ довольно своеобразный характеръ.

Старина, какъ явленіе бытовое, отливавшееся въ формы обычнаго права, по существу своему не требовала укрѣпленія въ письменныхъ актахъ. И дѣйствительно, наряду съ свѣдѣніями о давностномъ владѣніи поземельными имѣніями встрѣчаются извѣстія и о томъ, что лица, заключающія порядную запись, уже жили «до записки по старинѣ» въ имѣніи землевладѣльца[1]). Г. Дьяконовъ приводитъ, однако, весьма любопытныя указанія источниковъ и на иного рода явленіе: многія лица «живали во крестьянехъ безъ порядной записи»; сроки «добровольнаго житья» бывали конечно весьма разнообразны; встрѣчаются указанія, напримѣръ, на шестилѣтнее и даже семнадцатилѣтнее пребываніе крестьянина у землевладѣльца «безъ записи» (стр. 105). Такіе жильцы пользовались обыкновенно правомъ свободнаго выхода (стр. 107), даже во второй половинѣ XVII вѣка, что какъ будто противорѣчитъ самому понятію о старинѣ, возникавшей при сравнительно небольшомъ давностномъ срокѣ (стр. 18, 30). Если можно было иногда «служить» добровольно у господина подобно холопу[2]), то конечно и добровольное «житье» въ крестьянахъ естественно могло существовать рядомъ съ старожильствомъ. Остается предполагать, что при заключеніи словеснаго условія на поступленіе въ «добровольные жильцы» крестьяне просто выговаривали себѣ свободу выхода, чѣмъ и парализировали дѣйствіе старины. Понятно, что договоры подобнаго рода не могли быть пріятны землевладѣльцамъ. Г. Дьяконовъ приводитъ примѣры того, какъ частные владѣльцы старались принудить добровольныхъ жильцовъ выдать на себя крѣпости (стр. 107—108), которыя уничтожили бы предшествующія сй условія господъ съ крестьянами о добровольномъ ихъ житіи въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ.

Попытки землевладѣльцевъ замѣнить словесное условіе о добровольномъ житіи какой либо записью, вѣроятно, отчасти объясняются, стремленіемъ ихъ заручиться доказательствами старины. Въ числѣ ихъ, конечно, существовалъ «обыскъ», но его нельзя было признать всегда вѣрнымъ средствомъ для установленія давности жительства крестьянина въ частно-

---

1) Акты, соб. М. Дьяконовымъ, вып. I, № 34.

2) Записная книга Д. Алябьева въ Рус. Ист. Библ., т. XVII, №№ 421 и 502.

владѣльческомъ имѣніи и т. п. Вотъ почему «старина по крѣпостямъ» довольно часто упоминается въ памятникахъ. Третьимъ родомъ доказательства служили ссылки на запись въ писцовыя книги, чего не отрицаетъ и г. Дьяконовъ (стр. 37). Жаль только, что авторъ «очерковъ» не счелъ нужнымъ остановиться на развитіи своего положенія.

Подробное разсмотрѣніе основныхъ выводовъ г. Дьяконова о крестьянской старинѣ приводитъ насъ къ заключенію, что, хотя авторъ и не изучилъ причинъ возникновенія старины, однако онъ много сдѣлалъ для того, чтобы выяснить дѣйствіе столь мало извѣстнаго до сихъ поръ фактора въ процессѣ прикрѣпленія; взамѣнъ генетическаго опредѣленія старины мы находимъ въ «очеркахъ» г. Дьяконова лишь простое описаніе ея; группировка основныхъ разновидностей «института старожильства» и анализъ его оттѣнковъ, можетъ быть, также не отличаются опредѣленностью. За то въ «очеркахъ» много весьма существенныхъ разысканій о степени примѣненія принципа старины къ регулированію отношеній крестьянъ къ землевладѣльцамъ въ процессѣ государственнаго прикрѣпленія; страницы книги г. Дьяконова, посвященныя изученію этого явленія по полнотѣ свѣдѣній и разработкѣ частностей не оставляютъ желать ничего лучшаго. Слѣдуетъ замѣтить, наконецъ, что г. Дьяконовъ, не довольствуясь изученіемъ старины крестьянской, обратилъ вниманіе и на распространеніе ея на отношенія другихъ классовъ сельскаго населенія къ землевладѣльцамъ. Весьма поучительны, напримѣръ, наблюденія г. Дьяконова, приведшія его къ заключенію, что возраставшая зависимость половниковъ отъ землевладѣльцевъ создавала благопріятныя условія для перенесенія на половниковъ понятія о старожильствѣ, съ которымъ связано было и самое прикрѣпленіе ихъ (очеркъ IV). Выяснивъ, какимъ образомъ отсрочка и переводъ долга въ новую порядную лишь временно облегчали затруднительное положеніе несостоятельнаго порядчика, авторъ приходитъ, къ заключенію, что отношенія подобнаго рода еще болѣе связывали его съ хозяиномъ. Фактически выходъ для порядчика становился все болѣе и болѣе труднымъ. «При такихъ условіяхъ была готова почва для примѣненія къ половникамъ понятій о старожильцахъ, которые правомъ перехода не пользовались. Повидимому, и эта идея успѣла уже пустить корни въ понятіяхъ современниковъ. Монастырскія власти въ послѣдней четверти XVII вѣка настояли на различеніи «старинныхъ и половничьихъ дворовъ», которые «учинились за ними изстари во владѣньи», отъ «половничьихъ новоприбылыхъ дворовъ». Съ различіемъ ихъ былъ пока связанъ только различный порядокъ отбыванія государственнаго тягла; но на этомъ процессъ не могъ остановиться въ своемъ естественномъ ростѣ и долженъ былъ бы дойти до тѣхъ же или весьма сходныхъ съ ними явленій, какими характе-

рязуется крѣпостное право на владѣльческихъ крестьянъ центральныхъ уѣздовъ Московскаго государства (стр. 198—204). Г. Дьяконову слѣдовало бы отмѣтить, что землевладѣльцы примѣняли принципъ старины и къ бобылямъ, постепенно смѣшиваемымъ съ крестьянами [1]); «старинные бобыли» довольно часто упоминаются по крайней мѣрѣ въ актахъ XVII в. [2]); и на нихъ, какъ видно, распространялся тотъ порядокъ отношеній, существенныя черты котораго отмѣчены были въ предшествующемъ изложеніи.

Съ теченіемъ времени свобода сельскаго населенія Московскаго государства XVI—XVII вв., кажется, подверглась новымъ стѣсненіямъ подъ вліяніемъ особаго рода фикціи, значеніе которой еще очень мало выяснено въ нашей литературѣ.

При обиліи пустопорожней земли поземельное имѣніе пріобрѣтало цѣну и смыслъ главнымъ образомъ лишь тогда, когда оно было снабжено рабочими, чему на первыхъ порахъ, вѣроятно, въ особенности способствовало развитіе холопства: села съ челядью упоминаются уже въ древнѣйшихъ изъ извѣстныхъ намъ духовныхъ завѣщаній и другихъ актахъ; владѣльцы завѣщаемаго или отчуждаемаго имущества иногда распоряжались своими имѣніями вмѣстѣ съ «людьми», въ нихъ поселенными [3]). Не безъ вліянія такой идеи относительно сельской челяди, землевладѣльцы, можетъ быть, стали смотрѣть и на крестьянъ съ той же точки зрѣнія; надо замѣтить, однако, что холопы уже съ X вѣка служили предметами гражданскаго оборота независимо отъ земли и, значитъ, не могли получить значеніе принадлежностей того или другого имѣнія. Тѣмъ не менѣе со времени появленія холоповъ-страдниковъ, «какъ бы прикрѣпленныхъ къ владѣльческимъ селеніямъ, въ которыхъ они жили», то же понятіе могло получить дальнѣйшее развитіе: намъ извѣстны случаи, когда при переходѣ имѣнія отъ стараго владѣльца къ новымъ и при дѣлежѣ его, страдники составляли постоянную хозяйственную принадлежность ихъ хозяйства и не отрывались отъ него, какъ отрывались дворовые люди [4]). Фикція подобнаго рода, впрочемъ, могла въ извѣстной мѣрѣ примѣняться къ крестьянамъ и самостоятельно, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда они сидѣли въ дворахъ,

---

1) Акты и проч., соб. М. Дьяконовымъ, в. I, №№ 12, 34 и 51.

2) Акты и проч., соб. М. Дьяконовымъ, в. I, №№ 7, 12, 13 и 33; в. II, № 68.

3) Лѣт. по Ипат. сп., 1158 г.: рѣчь идетъ о княгинѣ, вдовѣ Глѣба Всеславича, которая «по своемъ животѣ вда (въ Печерскій монастырь) пять селъ и съ челядью». Такіе же примѣры см. въ вкладной грамотѣ Варлаама Хутынскому монастырю (1192 г.) и въ Уставной грамотѣ Смоленскаго кн. Ростислава и епископа Мануила (1150 г.) въ Доп. къ А. И., т. I, №№ 4 и 5. А. Ю., № 409, 1, а также въ данной князя Володиміра Васильковича женѣ въ 1287 г.; см. Ипат. сп., 6795 г. Въ 1513—1514 гг. Е. Крескій завѣщалъ свою бѣжецкую вотчину женѣ «и с людьми своими со всѣми и полными и докладными (Румянцев. и Публ. Муз., Собраніе И. Бѣляева, № 183).

4) В. Ключевскій, Op. cit. въ Рус. Мысли за 1886 г., кн. IX, стр. 81.

принадлежавшихъ землевладѣльцамъ, и состояли должниками лицъ, владѣвшихъ такими постройками на правахъ собственности. Какъ бы то ни было, мы считаемъ не лишнимъ нѣсколько остановиться на выясненіи указаннаго явленія, такъ какъ до сихъ поръ оно обращало на себя очень мало вниманія въ нашей исторической литературѣ, чѣмъ можетъ быть и объясняется то, что г. Дьяконовъ вовсе упустилъ его изъ виду.

Замѣтимъ прежде всего, что въ старинныхъ завѣщаніяхъ и другихъ актахъ собственникъ довольно часто распоряжается «селами и деревнями», а не только землями и пустошами[1]). Въ одномъ дѣлѣ конца XV вѣка, напримѣръ, упоминается о томъ, какъ А. и И. Корякины, «поставивши» деревню Михаиловскую на пустоши, полученной ими отъ отца, продали повидимому часть своего имѣнія Ө. Глотову, въ свою очередь устроившаго въ ней деревню Близнину; въ 1495 году прежніе владѣльцы земли снова купили у Ө. Глотова «деревню Близнино... со всѣмъ съ тѣмъ, что къ той деревнѣ потягло изъ старины» [2]). Нельзя утверждать, чтобы терминами подобнаго рода всегда означали населенныя имѣнія; бывали однако случаи, когда подъ такими наименованіями, можетъ быть, разумѣли не одно только имущество, но и крестьянъ. Вотчинники вкладывали иногда свои деревни «съ серебромъ» въ монастыри. Однимъ изъ древнѣйшихъ случаевъ подобнаго рода можно считать вкладъ, сдѣланный нѣкоей черницей Мариной въ Васильевскій монастырь въ Суздалѣ; въ 1253 году она «дала ему свое село Мининское со всѣмъ, что къ нему потягло, съ серебромъ и съ животомъ» [3]). Характерны также распоряженія князя Юрія Васильевича: онъ въ 1472 г. роздалъ тринадцати монастырямъ значительное количество деревень между прочимъ на томъ условіи, что половина числившагося на нихъ серебра становилась собственностью монастыря, «а другая половина — тѣмъ христіаномъ, на коихъ то серебро» [4]). Такія же свѣдѣнія можно встрѣтить и въ духовныхъ «памятяхъ» не титулованныхъ лицъ. Въ одной данной XV вѣка, напримѣръ, мы читаемъ слѣдующее: «Се язъ Оксинья Иванова жена Андрѣевича... дала есьми монастырю Святѣи Троицы по души мужа своего и по своей село Прилучьское съ деревнями и съ серебромъ, а серебра въ немъ 7 рублей [5]). «А что въ моемъ селѣ серебро, на Водозѣ въ спаскомъ, да и въ деревняхъ, писалъ И. Салтыковъ въ 1483 г., и то серебро при-

1) А. Ю., №№ 411 (1473 г.), 414 и 418; А. о. до Ю. Б., т. I, № 63 и т. II, № 156; А. Э., т. I, №№ 160, 162 и 165 (1515—1518 гг.); Доп. къ А. И., т. I, № 18 (1481 г.); Р. И. Б., т. III, № 35 (1530 г.) и т. д. Множество такихъ примѣровъ можно подыскать и въ актахъ позднѣйшаго времени.

2) Акты, представленные въ Разрядъ и изд. А. Юшковымъ, № 43.

3) А. о. до Ю. Б., т. I, стб. 439.

4) С. Г. Г. и Д., ч. I, № 96.

5) Угличскіе акты, изд. подъ ред. С. Шумакова, стр. 71; ср. А. Э., т. I, № 74; А. И., т. I, № 163 (стр. 300); А. о. до Ю. Б., т. I, стб. 441.

кащики сберутъ да дадутъ женѣ моей; а село Спасское и съ деревнями къ Троицѣ, а прикащики мои возьмутъ съ того села да и съ деревень у Троецкихъ старцовъ у Сергіевскихъ шестьдесятъ рублевъ, какъ писано въ духовной отца моего, да то серебро дадутъ женѣ моей»[1]). Во всѣхъ выше приведенныхъ случаяхъ права на имѣнія передаются однимъ лицомъ другому вмѣстѣ съ правами его, какъ кредитора, на долги сельскихъ жителей отчуждаемаго имѣнія. Сдѣлки подобнаго рода, кажется, должны были благопріятствовать, по крайней мѣрѣ, возникновенію взгляда землевладѣльцевъ на крестьянъ — серебрениковъ, какъ на принадлежность имѣній, въ которыхъ они задолжали. Иногда въ качествѣ такой же принадлежности упоминаются, повидимому, пашенные люди, безъ указаній на ихъ задолженность, но съ ссылками на отправляемыя ими обязанности въ пользу землевладѣльца. Кн. И. Ѳ. Судцкій передъ смертью завѣщалъ «женѣ своей Ограѳенѣ сельцо Романовское з деревнями с Высотцкими да сельцо Чистая Дуброва съ тѣми деревнями, которые въ томъ селце пашню на него пахали»[2]). Уже отъ XV-го вѣка сохранились извѣстія о томъ, что деревни съ ихъ населеніемъ служили объектами и другихъ сдѣлокъ: «а что мое село на Москвѣ, писалъ И. Салтыкъ въ своей духовной, и то село прикащики мои чѣмъ обложатъ, и братъ мой Михайло Шарапъ серебро дастъ, а прикащики мои тѣмъ серебромъ долгъ мой оплатятъ, а село Шерепово Михайлу и съ деревнями». Облагать село можно было, очевидно, лишь въ томъ случаѣ, если оно было населено, а указанная операція по смыслу духовной должна была предшествовать сдѣлкѣ между «братьями» Иваномъ Салтыкомъ и Михаиломъ Шарапомъ, равносильной куплѣ продажѣ[3]).

Итакъ въ понятіе «села» или «деревни» при заключеніи разнаго рода сдѣлокъ надъ ними контрагенты чуть ли не включали (по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ) и понятіе о крестьянскомъ ихъ населеніи. Такая связь, должно быть, окрѣпла подъ вліяніемъ крестьянской старины въ широкомъ смыслѣ слова (т. е. старины не только бытовой, но и писцовой съ тяглой); сама по себѣ взятая, она едва ли имѣла большое юридическое значеніе въ интенсивномъ развитіи личной зависимости крестьянина отъ даннаго землевладѣльца, но, помимо явленій указанныхъ въ предшествующей главѣ, могла оказаться однимъ изъ существенныхъ основаній новой фикціи о крестьянахъ, какъ о своего рода живомъ инвентарѣ частновладѣльческихъ имѣній, который можетъ быть пріобрѣталъ оттѣнокъ принадлеж-

1) А. Ю., № 413.

2) Сборникъ актовъ, изд. Н. Лихачевымъ, № 5 (1545—1546 гг.). А. Ю., № 425 (1626 г.); ср. Акты, представленные въ Разрядъ и соб. А. Юшковымъ, № 12; ср. № 130.

3) А. Ю., № 413; ср. Акты, представленные въ Разрядъ, изд. А. Юшковымъ, № 43.

ности ихъ. Послѣднее предположеніе естественно возникаетъ у насъ при мысли, что крестьяне не будучи еще вещами своихъ господъ, тѣмъ не менѣе служили предметами гражданскаго оборота главнымъ образомъ постольку, поскольку ему были подвергнуты заселенныя ими имѣнія; въ позднѣйшее время указанная нами фикція могла играть своеобразную роль въ дѣлѣ прикрѣпленія.

Возможно, что дальнѣйшему развитію зародышей такого порядка отношеній способствовали и нѣкоторыя обстоятельства, связанныя съ правительственной политикой. Однимъ изъ нихъ должно признать раздачу правительствомъ населенныхъ имѣній. Въ 1434 г. «князь великій Василій Васильевичъ пожаловалъ Гридку Свиньина въ Переяславлѣ (Залѣсскомъ) своимъ сельцомъ Романовскимъ и з деревнями... и съ хлѣбомъ и з серебромъ и з животиною — со всѣмъ съ тѣмъ, что въ немъ есть и что къ нему по тяглу [по-тягло?] изстарины и судомъ»; въ данномъ случаѣ князь, повидимому, подарилъ имѣніе одному изъ своихъ слугъ вмѣстѣ съ правами кредитора на бывшихъ княжескихъ «серебрениковъ» [1]). Отъ времени не позднѣе XV вѣка сохранились также прямыя указанія на раздачу великими князьями селъ и деревень «со крестьяны и съ земомъ и съ угодьи» не только служилымъ людямъ, но и монастырямъ. Примѣромъ перваго рода можетъ служить фактъ сообщаемый въ «родовомъ письмѣ» XV-го вѣка фамиліи рязанскихъ помѣщиковъ Шиловскихъ, если только признавать его достовѣрность [2]); образцики вгорого рода операціи также извѣстны не позднѣе какъ съ XV-го вѣка: въ 1441 году, напримѣръ, Кіевскій князь Александръ Владиміровичъ «отдалъ господину отцу своему Сидору митрополиту кіевскому и всеа руси села церковьная и земли и съ всѣми доходы и съ людми...; или въ 1499 году Өедоръ Борисовичъ, князь Волоцкій пожаловалъ Симоновъ монастырь селищомъ Опкундиновымъ въ Ржевской своей отчинѣ и лѣсомъ; «да и тѣ есми люди, прибавляетъ князь, далъ имъ старожильцовъ, которые живутъ на той землѣ»... [3]). Къ раздачѣ вотчинъ въ XVI вѣкѣ присоединилась раздача помѣстій, также иногда населенныхъ, о чемъ свидѣтельствуютъ многія послушныя, ввозныя и отказныя грамоты того времени, а также отдѣльныя распоряженія правительства. Раздача имъ имѣній «со крестьяны» должна была способствовать укрѣпленію взгляда среди землевладѣльцевъ на тѣсную связь крестьянъ съ земельными имуществами, полученными ими изъ казны.

1) Акты, представленные въ Разрядъ и изд. А. Юшковымъ, № 9; А. И., т. I, №№ 38 и 54.

2) Акты, представл. въ Разрядъ и собр. А. Юшковымъ, № 12.

3) А. И., т. I, №№ 108 и 259. Въ грамотѣ в. кн. рязанскаго Олега Ивановича (1356—1387) написано, что онъ далъ Ольгову монастырю столько-то погостовъ, «а въ нихъ» столько-то семей, но нѣтъ опредѣленныхъ указаній на то, какъ понимать такое словоупотребленіе (А. И., т. I, № 2).

Далѣе развитію того же процесса способствовали переписи населенія, служившія доказательствомъ крестьянской старины и составленныя правительствомъ главнымъ образомъ въ виду тяглыхъ цѣлей, которыя также легче было достигнуть опираясь на ту же фикцію. Наконецъ, возможно, что и мобилизація поземельной собственности, которую во второй половинѣ XVI вѣка отчасти вызвало само правительство, а также помѣстная система имѣли положительное вліяніе на указанное нами явленіе: часть населенія въ имѣніяхъ при быстрой смѣнѣ ихъ владѣльцевъ, вѣроятно, остававшаяся на мѣстѣ, въ большей мѣрѣ чѣмъ прежде могло быть сочтено ими своего рода принадлежностью землевладѣльческихъ хозяйствъ въ особенности помѣстій, не принадлежавшихъ ихъ владѣльцамъ на полномъ правѣ собственности [1]). И дѣйствительно, въ цѣломъ рядѣ актовъ второй половины XVI-го вѣка мы встрѣчаемъ указанія на сдѣлки, совершаемыя надъ имѣніями «со крестьяны». Такъ напримѣръ, въ 1566 г. Д. Иелединскій пишетъ закладную М. Годунову на свое бѣжецкое сельцо Башарово съ деревнями; подъ условіемъ «владѣть ему, М. Годунову, тою вотчиною за ростъ два года со крестьяны». Далѣе, въ 1585 г. Л. Рыкуновъ заложилъ прикащику князя П. И. Хворостинина «полъ-деревни своей вотчинной: крестьянскихъ два двора, а въ нихъ двѣ избы и прочее строенье» [2]). Въ 1580-хъ годахъ въ Ярославскомъ уѣздѣ возникъ споръ между Спасскимъ монастыремъ и прикащикомъ одного изъ дворцовыхъ селъ, собиравшимся вывозить монастырскихъ крестьянъ въ царскую вотчину. Архимандригъ съ братьею билъ челомъ по этому поводу государю, ссылаясь на то, что «крестьяне въ монастырскихъ селахъ и въ деревняхъ — старожильцы и за монастырь достались тѣ села и деревни съ тѣми крестьянами». Грамота, къ сожалѣнію, не содержитъ указаній на то, какимъ образомъ рѣшено было дѣло; но судя по тону ея, правительство готово было признать справедливость монастырскихъ притязаній, если ссылка ихъ будетъ подтверждена обыскомъ, который оно и поручило сдѣлать дворцовому прикащику [3]). Указаній на разнаго рода сдѣлки надъ имѣніями съ крестьянами сохранилось также не мало въ актахъ конца XVI и начала XVII вѣка; переписи 1592—1593 гг., и слѣдующихъ годовъ, а также извѣстные указы, опредѣлившіе сроки давности исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ, вѣроятно, во многихъ случаяхъ облегчили совершеніе ихъ. Въ одной духовной, напримѣръ, 1630 года завѣщатель, оставляя свои

1) Усиленіе процесса мобилизаціи земельныхъ имуществъ во второй половинѣ XVI вѣка уже обратило на себя вниманіе въ нашей литературѣ; см. главнымъ образомъ соч. С. Рождественскаго: Служилое землевладѣніе и проч., стр. 147, 189, 211 и 346; соч. Н. Рожкова, стр. 447—451.

2) С. Шумаковъ, Обзоръ бѣжецкихъ грамотъ коллегіи экономіи, М., 1900 г., стр. 32 и 34.

3) Акты и проч., соб. М. Дьяконовымъ, вып. I, № 27; ср. № 61.

вотчины женѣ, пишетъ: «и тѣ мои вотчины послѣ живота моего женѣ моей Ографенѣ съ людьми съ моими съ полными и съ докладными и со крестьяны и съ лошадьми и со всякою мелкою животиною...»; однородныя формулы встрѣчаются и во многихъ другихъ духовныхъ завѣщаніяхъ того времени [1]). Сонаслѣдники-родственники иногда дѣлили между собою имѣніе по земельнымъ участкамъ съ жившими на нихъ крестьянами; землевладѣльцы предоставляли свои земельные участки во временное владѣніе постороннимъ лицамъ, которыя были обязаны «въ той деревнѣ крестьянъ не разогнати»; часто вкладывали въ монастырь свои имѣнія «со крестьяны и со всѣми угодьи» и «отдавали другъ другу» деревни, причемъ добавляли иногда условіе, состоявшее въ томъ, чтобы «въ нихъ крестьянъ отдати такихъ-то (слѣдуютъ имена) и со всѣми ихъ животы и съ ихъ крестьянскимъ хлѣбомъ съ пашнею и съ лѣсы и съ луги и со всякимъ угодьемъ» [2]). Слѣдуетъ, наконецъ, обратить вниманіе и на сдѣлки надъ имѣніями, въ силу которыхъ поземельная собственность переходила отъ одного владѣльца къ другому съ любопытными для насъ оговорками. Такъ напр. Н. Провоселковъ продалъ Л. Зубареву свою вотчину въ Сарапскомъ уѣздѣ «безъ крестьянъ» [3]); надо полагать, что въ данномъ случаѣ Н. Провоселковъ хотѣлъ заявить Л. Зубареву, что въ сдѣлку онъ не включаетъ крестьянъ; самая оговорка показываетъ, однако, что продавецъ, повидимому, опасался въ случаѣ ея отсутствія претензіи со стороны покупщика, и что сдѣлки обратнаго свойства были явленіями обыкновенными. Такіе же взгляды иногда встрѣчаются и въ позднѣйшихъ документахъ [4]), не смотря на то, что при постепенномъ усиленіи личной зависимости крестьянъ отъ своихъ господъ, послѣдніе легко пріучались смотрѣть на нихъ, какъ на свою собственность, не зависимо отъ принадлежности ихъ тому или другому имѣнію: поступныя записи на крестьянъ безъ земли уже извѣстны отъ 1598 г., не говоря о позднѣйшихъ [5]).



На основаніи вышеприведенныхъ фактовъ все еще довольно малочисленныхъ и едва ли достаточно опредѣленныхъ мы тѣмъ не менѣе никакъ не можемъ прійти къ заключенію, что крестьяне «въ оффиціальныхъ актахъ

1) Моск. Арх. Мин. Юст., Грам. Кол. экон.; Арх. 402, Хрон. 9126.

2) Акты и пр., соб. М Дьяконовымъ, в. II, №№ 31, 32, 35 и 72; Акты соб. А. Өедотовымъ-Чеховскимъ, т. II, № 122 (стр. 217). Вкладная и Кормовая книга Ростовскаго Борисоглѣбскаго монастыря въ XV—XVIII ст., изд. А. Титова, стр. 52—53 (1635 г.) А. Ю., № 425. М Дьяконовъ, Op. cit., стр. 45—46. А. И., т. II, № 87; Доп. къ А. И., т. II, № 56; С. Шумаковъ, Op. cit., стр. 18, 26, 77, 79, 80 и 94.

3) А. о. до Ю. Б., т. II, стб. 435.

4) Сборникъ актовъ, изд. Н. Лихачевымъ, в. I, № 29. Тверскіе акты, изд. подъ ред. С. Шумакова, вып. II, стр. 87, 163 и 174; Угличскіе акты, изд. подъ ред. С. Шумакова, стр. 55, 82 и 182.

5) Акты, и проч., соб. М. Дьяконовымъ, в. II, № 33.

послѣдней четверти XVI в. начинаютъ упоминаться, какъ *составная* часть имѣній»[1]); мы не рѣшаемся даже утверждать безъ ограниченій, что въ то время на крестьянъ смотрѣли, какъ на принадлежность ихъ, хотя нѣчто близкое къ ней, кажется, складывалось въ XVI—XVII вв. Во всякомъ случаѣ и въ такомъ условномъ значеніи фикція принадлежности повліяла на изучаемый нами процессъ прикрѣпленія: она, можетъ быть, нѣсколько задержала развитіе личной крѣпости, такъ какъ, очевидно, не была вполнѣ согласована съ нею впрочемъ, сама она едва ли успѣла пріобрѣсти большую силу.

Въ началѣ старины и въ фикціи принадлежности крестьянъ къ частновладѣльческимъ имѣніямъ нельзя не усмотрѣть переходнаго момента въ развитіи крѣпостного состоянія: и въ той и въ другой были уже черты сближавшія крестьянина съ холопомъ, но еще рѣзко не обозначившіяся; производные виды старины (см. выше стр. 66), имѣли примѣненіе къ холопамъ, а не только къ крестьянамъ и едва ли въ первомъ случаѣ не были болѣе древняго происхожденія, чѣмъ во второмъ; тоже самое можно сказать и относительно фикціи принадлежности. Перемѣны происшедшія въ положеніи холоповъ главнымъ образомъ съ конца XVI вѣка и дальнѣйшее паденіе крестьянской свободы ускорили развитіе частнаго прикрѣпленія и вызвали усиленную реакцію со стороны московскаго правительства.

V.

Дальнѣйшее стѣсненіе прежнихъ правъ крестьянскаго населенія и постепенное расширеніе объема правъ холоповъ, наблюдаемыя въ теченіе XVI-го и особенно XVII вѣка, естественно приводили къ смѣшенію одного класса съ другимъ. Указанный процессъ, какъ видно, долженъ былъ сыграть важную роль въ ходѣ развитія частнаго прикрѣпленія и недавно еще подвергнутъ былъ изученію въ нашей литературѣ[2]). Г. Дьяконовъ, однако, уклонился отъ изслѣдованія, которое въ общихъ чертахъ уже было намѣчено ближайшимъ его предшественникомъ, хотя и затронулъ ту же тему частью въ очеркахъ, посвященныхъ исторія кабальныхъ людей, частью и на тѣхъ страницахъ своей книги, гдѣ онъ нѣсколько останавливается на судьбѣ задворныхъ холоповъ и монастырскихъ дѣтеньшей. Дѣйствительно кабальное холопство, конечно, представляло изъ знакомыхъ намъ видовъ ограниченной зависимости наиболѣе характерное переходное состояніе отъ крестьянства къ холопству, а задворные люди въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ свѣтскихъ лицъ и однородные съ ними дѣтеньши въ монастыр-

1) М. Дьяконовъ, Op. cit., стр. 45; курсивъ — нашъ; ср. выше стр. 75.

2) В. Ключевскій, Происхожденіе крѣпостного права въ Рус. Мысли за 1885 и Подушная подать и отмѣна холопства, тамъ же за 1886 г.

скихъ имѣніяхъ по положенію своему ближе всего подходили къ крестьянству. Первый изъ указанныхъ нами процессовъ въ существенныхъ своихъ чертахъ уже опредѣлился въ XVI вѣкѣ, второй хотя и замѣтенъ въ тоже время, однако, вполнѣ рельефно обнаружился главнымъ образомъ въ XVII столѣтіи.

Г. Дьяконовъ отводитъ второстепенное мѣсто въ своей книгѣ изученію кабальнаго холопства (стр. 130—143), а между тѣмъ имъ, можетъ быть, не менѣе чѣмъ какими бы то ни было другими процессами частнаго прикрѣпленія вызвана была правительственная реакція, сказавшаяся въ прикрѣпленіи сельскаго населенія къ тяглу. Однимъ изъ существенныхъ признаковъ, отличавшихъ кабальную крѣпость отъ крестьянской, авторъ «очерковъ» усматриваетъ въ томъ, что кабальная неволя является срочной и личной: со смертью господина она прекращается, тогда какъ «крестьянинъ былъ крѣпокъ владѣльцу потомственно [наслѣдственно?] и съ потомствомъ». Въ связи съ указаннымъ различіемъ стояло и другое: права господина надъ крестьяниномъ и государя надъ кабальнымъ холопомъ нельзя считать тождественными. Строго личный характеръ кабальной неволи не допускалъ свободнаго распоряженія кабальнымъ человѣкомъ. Хотя такого права законъ не предоставилъ и землевладѣльцамъ надъ своими крестьянами, но потомственная крѣпость надъ ними чрезвычайно быстро развила широкую практику разнообразныхъ сдѣлокъ на крестьянъ, которыя отчасти были утверждены Уложеніемъ, полнѣе — въ новоуказныхъ статьяхъ. Права господина надъ крестьяниномъ оказались шире правъ государя надъ кабальнымъ» (стр. 138). Не говоря о томъ, что кабальный человѣкъ былъ лично крѣпокъ своему владѣльцу, а крестьянинъ сталъ принадлежностью его имѣнія прежде чѣмъ обратился въ предметъ собственности самъ по себѣ, и въ правахъ распоряженія личностью кабальныхъ людей и крестьянъ едва ли можно провести такую рѣзкую границу, какую старается установить авторъ. «Отдѣльные случаи распоряженія кабальными» извѣстны намъ не съ 1640 г., какъ полагаетъ г. Дьяконовъ (стр. 139), а относятся къ болѣе раннему періоду времени и безъ сомнѣнія вызваны были стремленіемъ господъ вполнѣ «охолопить» своихъ кабальныхъ людей. Въ актахъ, относящихся къ XVI вѣку, не трудно разыскать примѣры подобнаго рода. Такъ, браки, повидимому, довольно часто заключаемые между полными и даже старинными холопами или рабами съ кабальными возникали, вѣроятно, подъ вліяніемъ ихъ владѣльцевъ, которымъ выгодно было ссылаться на извѣстный законъ о томъ, что «по холопу — раба» и по «рабѣ — холопъ»[1]). Наслѣдники иногда предъявляли служилыя кабалы дьякамъ къ

1) Любопытна, напримѣръ, челобитная И. Гундурова 1631 г. на суздальскаго сына боярскаго Д. Челищева въ томъ, что онъ насильно женилъ бобыля И. Гундурова на своей

записи. Самое предъявленіе такихъ актовъ, которые въ сущности послѣ законовъ 1586 и 1597 гг. не должны были имѣть силы по смерти господина и которые обыкновенно выдавали кабальнымъ людямъ при отпускѣ ихъ на волю, обнаруживаютъ тенденцію рабовладѣльцевъ превратить кабальную неволю, ограниченную смертью господина, въ потомственную. Слѣдуетъ отмѣтить также, что въ служилыхъ кабалахъ не рѣдко въ качествѣ заимодавца являются: отецъ съ дѣтьми; это, вѣроятно, бывало въ тѣхъ случаяхъ, когда они хозяйничали вмѣстѣ, причемъ нѣкоторые изъ нихъ, можетъ быть, намѣренно составляли подобнаго рода акты. Во всякомъ случаѣ кабалы указаннаго типа какъ бы укрѣпляли права не одного господина, но и его наслѣдниковъ на кабальныхъ людей чѣмъ, вѣроятно, и способствовали водворенію потомственной ихъ зависимости отъ своихъ господъ. Подобное же значеніе могли имѣть кабалы, заключаемыя между нѣсколькими братьями, заимодавцами съ людьми, поступавшими къ нимъ на службу: въ случаѣ дѣлежа имущества ихъ кабальные люди легко становились объектами разнаго рода сдѣлокъ, существованіе которыхъ засвидѣтельствовано «дѣловыми». Наконецъ, выдача кабалъ на родителей съ дѣтьми, возрастъ которыхъ не обозначенъ, во многихъ случаяхъ была равносильна фактическому превращенію пожизненнаго холопства въ наслѣдственное, тѣмъ болѣе, что дѣти кабальныхъ холоповъ по смерти своихъ господъ или родителей иногда продолжали служить въ томъ же дворѣ «безкабально», пока не давали на себя служилыхъ кабалъ его наслѣдникамъ. Дѣйствительно, въ числѣ холоповъ, завѣщанныхъ наслѣдникамъ, встрѣчаются и кабальные, причемъ наслѣдодатель иногда ограничивалъ срокъ ихъ дальнѣйшей службы [1]); вообще уже въ духовныхъ XVI-го вѣка можно разыскать указанія на то, что наслѣдодатели

дворовой дѣвкѣ; «его взяли на дорогѣ, поймали, связали и связана женили» пишетъ Н. Гундуровъ (Влад. губ. вѣд., за 1868 г., № 2). Правило, приведенное въ текстѣ, допускало, однако, исключенія. Весьма замѣчательна, напримѣръ, ст. 137 проекта судебника 1589 года: «а по государеву указу, читаемъ мы здѣсь, по робе холопъ, а по холопе робы нетъ» (Судебникъ 1589 г., М., 1900 г., стр. 37). Во всякомъ случаѣ, обратное правило: «по робе-холопъ» не имѣло безусловной силы съ половины XVII в., о чемъ, кромѣ Уложенія, свидѣтельствуетъ, напр., слѣдующая жилая запись дворцовой Ярапольской волости гулящаго человѣка Г. Игнатьева, прозвище Лукина, на жительство во дворѣ у Ѳ. И. Суворова за занятые у него 50 руб. на 10 лѣтъ, заключенная 10 Янв. 1676 г. Г. Лукинъ обязуется въ случаѣ женитьбы на крѣпостной дѣвкѣ или на вдовѣ Ѳ. Суворова, «сверхъ тѣхъ десяти лѣтъ жить у него во дворѣ съ женою и съ дѣтьми за свадьбу и за дворовую его дѣвку и за всякіе его харчи пять лѣтъ», послѣ чего Ѳ. Суворовъ въ свою очередь былъ обязанъ дать ему съ женою и дѣтьми волю и одеждою его и жену его съ дѣтьми надѣлить (Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Книга по Нижнему Новгороду № 41).

1) Моск. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, книга по Нижнему Новгороду № 41. Акты, собр. Н. Лихачевымъ, в. I, № 2. А. Ю., № 420 (1548 г.). Впрочемъ оба акта относятся еще ко времени, предшествовавшему изданію извѣстныхъ законовъ 1586 и 1597 гг; А. Ю., т. II, № 40; А. И., т. II, №№ 63 и 85.

вмѣстѣ съ прочими людьми, завѣщали своимъ наслѣдникамъ и кабальныхъ холоповъ. Въ однихъ случаяхъ, объектомъ такихъ сдѣлокъ могли быть служилыя кабалы, а не кабальные слуги, въ другихъ, однако, кабальные слуги, а не служилыя кабалы, причемъ духовныя, не опротестованныя кабальными людьми и безъ оговорокъ внесенныя въ «людскую крѣпостную книгу» становились, какъ видно, источникомъ полной ихъ зависимости отъ господъ. Въ числѣ «вопчихъ людей», вѣроятно, полученныхъ по наслѣдству, изрѣдка въ тѣхъ же актахъ упоминаются и «кабальные люди, которые у тѣхъ людей дѣти ихъ въ холопствѣ у нихъ живучи порожались». Далѣе изъ числа извѣстныхъ намъ дѣловыхъ замѣчателенъ актъ 7096 года, закрѣпляющій полюбовный раздѣлъ между братьями Ѳедоромъ, Игнатьемъ и Антоніемъ Чертовыми не только полныхъ, но и кабальныхъ холоповъ, въ числѣ которыхъ встрѣчаются «дѣловые люди» («кабальные деловые»), записанные въ особую группу. Каждый изъ братьевъ получилъ по нѣскольку «головъ» людей каждой изъ этихъ категорій. Возможно, что при подобнаго рода раздѣлахъ не всегда точно выполняли распоряженія завѣщателя: не даромъ въ большинствѣ завѣщаній того времени помѣщена оговорка о томъ, чтобы родственники наслѣдодателя не нарушали бы его распоряженій объ отпускѣ на волю крѣпостныхъ. Въ силу указовъ 7 января 1608 г. и 21 мая 1609 г. правительству также приходилось требовать отпуска на волю тѣхъ людей, которыхъ «дворяне и дѣти боярскіе и всякіе люди держали у себя по отцовъ своихъ крѣпостямъ, по кабаламъ и докладнымъ, а отцовъ ихъ не стало, «причемъ такія крѣпости запрещено было записывать въ книги». Противъ того же обычая, существовавшаго также въ позднѣйшее время, какъ извѣстно, впослѣдствіи были направлены и нѣкоторыя изъ статей Уложенія [1]). Нѣсколько служилыхъ кабалъ недавно изданнаго сборника крѣпостныхъ актовъ XVI-го вѣка на людей свидѣтельствуютъ о сближеніи, какое совершалось между полнымъ и кабальнымъ холопствомъ уже во второй половинѣ XVI вѣка. Слѣдуетъ замѣтить прежде всего, что сами должники иногда занимали деньги у постороннихъ лицъ для того, чтобы откупившись отъ одного владѣльца поступить въ работу къ другому. Практика подобнаго рода, вѣроятно, очень древняго происхожденія: она уже утверждается докладными грамотами 1515 и слѣдующихъ годовъ [2]). Такіе случаи, вѣроятно, бывали и съ кабальными холопами. Первоначально по своей волѣ имѣя возможность перемѣнить стараго гос-

1) Сборникъ актовъ, изд. Н. Лихачевымъ, стр. 8 и 57; А. И., т. II, №№ 63 и 85. Указная кн. приказа холопьяго суда, ст. IV и VIII въ Христ. М. Владимірскаго-Буданова, ч. III, стр. 105 и 112, Уложеніе, XX, 47, 48, 52 и 61, 13, 81.



2) Акты, представленные въ Разрядъ и собр. А. Юшковымъ, №№ 93 (1515 г.), 98 (1515—1517 гг.), 102 (1517 г.) и 107 (1519 г.).

подпна на новаго, кабальные люди, съ теченіемъ времени, однако, стали подвергаться мѣнѣ или куплѣ-продажѣ и по желанію своихъ господъ. Кабальные холопы, напримѣръ, въ бѣгахъ иногда давали на себя «кабалу» новому владѣльцу, почему у него и возникало дѣло съ прежнимъ ихъ господиномъ. Въ однихъ случаяхъ, вѣроятно, бѣглецъ возвращался къ законному своему владѣльцу по полюбовной сдѣлкѣ или въ силу судебнаго приговора, но въ другихъ, во избѣжаніе «судебной волокиты» старый владѣлецъ соглашался даже «выкупить» кабалу, которую далъ на себя «бѣгавшій отъ него» человѣкъ; кабальный оказывался такимъ образомъ объектомъ сдѣлки, возникшей въ силу бытовыхъ особенностей, въ какія поставлено было дѣйствіе закона. Нѣкоторыя изъ извѣстныхъ намъ грамотъ подъ наименованіемъ кабалъ скрываютъ другого рода сдѣлки на кабальныхъ людей: одна изъ нихъ (7099 года) свидѣтельствуетъ, напримѣръ, о томъ, что Богданъ Липевъ «поступился» брату своему Василію кабальнымъ человѣкомъ, занявшимъ у нихъ три рубля денегъ; другая содержитъ указаніе на какую то сдѣлку В. М. Воронина съ П. Борковымъ (7105 года): В. М. Воронинъ «отдалъ» И. Третьяка, взявшаго у него пять рублей, Петру Боркову съ тѣмъ, что ему, В. М. Воронину, впредь до того человѣка дѣла нѣтъ; наконецъ третья кабала 7097 г., какъ оказывается, продана была Ѳ. Корытковымъ Шавруку Муравьеву, къ которому, разумѣется, перешли и права на нѣкоего Кирюка Андрѣева съ семьей [1]). Наблюденія, сдѣланныя нами выше, показываютъ, что тенденція рабовладѣльцевъ превратить кабальную неволю въ потомственную сложилась задолго до Уложенія, воспретившаго господамъ укрѣплять кабальныхъ людей «у дѣтей своихъ въ холопствѣ», а старинные акты XVI вѣка даютъ намъ возможность указать на «отдѣльные случаи распоряженія кабальными людьми» задолго до 1640 года [2]). Бывали случаи, когда лица, поступавшіе въ кабальные холопы, сами пытались оградить себя отъ такихъ послѣдствій; сохранилась, напримѣръ, любопытная запись, заключенная въ 1681 г. между вольнымъ человѣкомъ И. Юрьевымъ и землевладѣльцемъ «псковитинымъ» Л. Бедринскимъ. И. Юрьевъ, принимая на себя обязательство «добровольно работать всякую работу и жить у Л. Бедринскаго до своей или до его смерти, что, очевидно, было равносильно служилой кабалѣ позднѣйшаго типа, взялъ, однако, съ землевладѣльца еще одну запись, въ силу

1) Ср. также поступную на кабальныхъ людей 1630—1631 гг. въ Матеріалахъ историческаго и юридич. района бывшаго Казанскаго дворца, изд. П. Загоскинымъ, т. I, Каз., 1882 г., № 151.

2) В. Ключевскій, Происхожденіе крѣпостного права въ Рус. Мыс. за 1885 г., кн. VIII, стр. 23. А. Лаппо-Данилевскій, Введеніе къ записной книгѣ крѣпостнымъ актамъ, явленнымъ въ Новгородѣ дьяку Д. Алябьеву въ Рус. Ист. Библ., т. XVII, стр. XVII, XXII—XXIV; здѣсь же можно найти и документировку замѣчаній, сдѣланныхъ нами въ текстѣ.

которой Л. Бедринскій обязался въ томъ, что его наслѣдники «не обневолютъ» И. Юрьева, а предоставятъ ему жить, «гдѣ онъ похочетъ». Последнюю запись И. Юрьевъ предъявилъ Псковскому воеводѣ въ 1685 году; онъ «принялъ» её и, слѣдовательно, призналъ её законность [1]). Документы подобнаго рода, впрочемъ, встрѣчаются крайне рѣдко и едва ли были достаточны для огражденія кабальныхъ людей отъ возраставшихъ злоупотребленій ихъ владѣльцевъ.

Не слѣдуетъ упускать изъ виду, однако, что кабальная зависимость стала приближаться къ холопству въ то время, когда оно уже распалось на весьма различные разряды; между ними были и такіе, которые оказывались въ свою очередь довольно сходными съ положеніемъ крестьянъ, потерявшихъ прежнюю свободу. При такихъ условіяхъ кабальное холопство могло сблизиться и съ крестьянствомъ. Самъ г. Дьяконовъ приходитъ къ заключенію, что «нельзя установить той существенной разницы между крестьяниномъ и кабальнымъ холопомъ, какая указана въ ученой литературѣ. Прежде всего нельзя утверждать, что «кабала — всегда процентный долгъ, какъ ни уплачивается этотъ процентъ — деньгами или службой». Таковою была служилая кабала до указовъ 1586 и 1597 годовъ; а позднѣе въ службѣ кабальнаго человѣка нельзя отличить, какая ея часть идетъ на уплату долга, какая на уплату процентовъ; съ 1680 года служилая кабала не упоминаетъ и о долгѣ, хотя трудно допустить, чтобы вольные люди совершенно безвозмездно поступали въ холопство» (стр. 136). Съ своей стороны мы можемъ лишь подкрѣпить выводъ, сдѣланный авторомъ, ссылкой на болѣе древнія свидѣтельства, чѣмъ тѣ, какими онъ пользуется въ своей аргументаціи. Намъ извѣстны, напримѣръ, кабалы, писанныя въ 7072, 7091 и 7093 годахъ, т. е. до указовъ 1586 и 1597 гг., и тѣмъ не менѣе уже не содержащія никакихъ указаній на долгъ; на ихъ существованіе намекаетъ также указъ 1608 г. Такимъ образомъ первые примѣры подобнаго рода служилыхъ кабалъ восходятъ задолго до того времени, когда въ 1680 г. исчезаютъ кабалы стараго образца [2]). Далѣе г. Дьяконовъ не соглашается принять и второго отличительнаго признака служилой кабалы, будто «она всегда соединяется со службою во дворѣ господина» (стр. 136). «Люди страдные кабальные» упоминаются уже въ актахъ половины XVI-го вѣка [3]). Справедливо указывая на существованіе «кабальныхъ въ деревняхъ» уже въ концѣ того же вѣка, авторъ могъ бы еще воспользоваться не менѣе любопытными, хотя и нѣсколько позднѣйшими извѣстіями. Землевладѣлецъ П. Жеребятичевъ, вручая въ 1627 году властямъ Троице-Сергіева мона-

1) М. Дьяконовъ, Op. cit., приложеніе № 13.
2) А. Лаппо-Данилевскій, Op cit., стр. XVI.
3) Сборникъ актовъ, собр. Н. Лихачевымъ, № 10; г. Дьяконовъ упустилъ его изъ виду.

стыря актъ объ отдачѣ своей помѣстной пустоши, оказавшейся монастырской вотчинной, обратно монастырю, выговорилъ себѣ между прочимъ, слѣдующее условіе: «А которыхъ крестьянъ я, Петръ, въ тое троецкую вотчину .... изъ юрьевскаго своего помѣстья... перевезъ и своихъ дворовыхъ кабальныхъ — и старинныхъ людей и, съ стороны призвавъ во крестьяне, посадилъ и ссуду давалъ и тѣхъ моихъ помѣстныхъ крестьянъ и людей, которыхъ я во крестьяне сажалъ, властемъ... при тое троецкие вотчины велѣти мнѣ вывезти со всѣми ихъ животы крестьянскими и [съ] земляныимъ хлѣбомъ, гдѣ [куда] я, Петръ, похочу...» [1]). Кабальные, какъ видно, не только могли сдѣлаться деревенскими, но и оказаться «посаженными во крестьяне». Наконецъ, третью особенность, будто бы отличавшую служилую кабалу отъ крестьянской, и состоявшую въ томъ, что по первой можно было судомъ возвратить бѣжавшаго холопа, чего нельзя было сдѣлать по порядной съ крестьяниномъ, г. Дьяконовъ хотя и признаетъ для XVI-го вѣка, однако оспариваетъ ея значеніе въ XVII-мъ. Въ виду сдѣланныхъ имъ наблюденій надъ санкціей порядныхъ XVII-го вѣка, авторъ не безъ основанія считаетъ излишнимъ сомнѣваться въ томъ, что «и по служилымъ кабаламъ, и по порядныимъ записямъ можно было въ XVII вѣкѣ возвращать судомъ бѣглыхъ холоповъ и крестьянъ» (стр. 137) [2]).

Такимъ образомъ, отсутствіе рѣзкой грани между положеніемъ кабальныхъ людей и крестьянъ, едва ли не способствовало сближенію ихъ между собою.

Благодаря образованію цѣлаго ряда переходныхъ состояній между полнымъ холопствомъ и крестьянствомъ, разнообразные виды холопской зависимости распространялись на все большій контингентъ крестьянскаго населенія. Помимо, однако, прямого вліянія холопство оказало воздѣйствіе и на нѣкоторыя изъ отношеній крестьянъ къ землевладѣльцамъ. Не возвращаясь болѣе къ мнѣнію о томъ, что принадлежность людей данному имѣнію могла развиться первоначально на почвѣ рабовладѣнія, а вслѣдъ затѣмъ и примѣнительно къ крестьянамъ, остановимся нѣсколько на вопросѣ объ отношеніи старины холопьей къ старинѣ крестьянской въ широкомъ смыслѣ слова. Г. Дьяконовъ, повидимому, склоненъ отрицать вліяніе первой на вторую. «Если и возможно усматривать сходство между ними, пишетъ онъ, то не въ смыслѣ возникновенія крестьянской старины по образцу старины кабальной, а развѣ лишь въ томъ смыслѣ, что обѣ онѣ возникли изъ одной общей идеи о правѣ господина и землевладѣльца на потомство зависимыхъ отъ него крестьянъ и людей» (стр. 44 и 74). Не знаемъ, можно ли безусловно отрицать такое вліяніе. Старинными назывались тѣ холопы,

1) Акты и пр., соб. М. Дьяконовымъ, вып. II, № 53.
2) Акты и пр., собр. М. Дьяконовымъ, в. I, № 13.

которые были унаслѣдованы владѣльцами отъ предковъ или оказались потомками прежнихъ людей полныхъ и докладныхъ; они уже извѣстны намъ по актамъ не позднѣе половины XV столѣтія и довольно часто встрѣчаются въ «людскихъ холопьихъ» книгахъ [1]). Въ какомъ отношеніи находилась холопская старина къ крестьянской, до сихъ поръ остается не выясненнымъ, почему мы и не можемъ утверждать, что первая осталась безъ вліянія на вторую: въ одномъ изъ актовъ 1511—1512 гг., напримѣръ, упоминается «старинная кабальная» раба; нѣсколько указаній на такихъ «старинныхъ кабальныхъ людей» встрѣчаются въ актахъ конца XVI вѣка; кромѣ того, самъ авторъ обратилъ вниманіе на сходство между сыскомъ о старинномъ холопствѣ и сыскомъ о крестьянской старинѣ (стр. 72); во всякомъ случаѣ принципу давности, лежавшему въ основаніи понятія о старинѣ, гораздо легче было развиться въ области вещнаго права, подъ которое подходили отношенія господъ къ своимъ холопамъ, чѣмъ въ отношеніяхъ землевладѣльцевъ къ крестьянамъ-земледѣльцамъ, что можетъ быть еще болѣе подкрѣпляетъ предположеніе о вліяніи холопской старины на крестьянскую [2]). Косвенное вліяніе холопской зависимости на крестьянскую крѣпость могло обнаружиться и въ другихъ направленіяхъ. Существеннымъ признакомъ служилой кабалы послѣ обнародованія законовъ 1586 и 1597 годовъ, какъ извѣстно, было условіе служить господину по его смерть, получая свободу вслѣдъ за его кончиной. Между тѣмъ, среди крестьянскихъ порядныхъ XVII-го вѣка есть видъ записей, «заключенныхъ срочно, по смерть землевладѣльца, съ правомъ выхода послѣ его смерти куда угодно» [3]). Составители такихъ записей имѣли готовые образцы передъ глазами въ видѣ служилыхъ кабалъ, весьма извѣстныхъ и распространенныхъ въ то время: возможно, что они отсюда и почерпнули приведенную формулу, не сочиняя её заново для порядныхъ. Нѣкоторое сходство обнаруживается также между служилой кабалой и крестьянскою ссудною записью, типомъ, который намъ извѣстенъ по документамъ не позднѣе 1620-хъ годовъ. Самъ г. Дьяконовъ обратилъ вниманіе на то, что «въ судной записи объ арендѣ земли (упоминаемой обыкновенно въ порядныхъ) совсѣмъ и рѣчи нѣтъ: порядчикъ по судной записи вовсе не съемщикъ участка земли, а прежде всего заемщикъ». Дѣйствительно, первымъ и основнымъ

---

1) А. о. до Ю. Б., т. I, № 84, 1 (1459 г.).

2) Рус. Ист. Библ., т. XVII, Записн. кн. Д. Алябьева, №№ 97—98, 110, 116, 121, 173, 247, 257, 266, 301, 312, 421, 427, 428, 429, 479, 484, 488 и 550. П. Бѣляевъ, Op. cit., стр. 41, 76—77.

3) В. Ключевскій, Происхожденіе крѣпостного права въ Русск. Мыс. за 1885 г., № 10, стр. 38—39. А. Лаппо-Данилевскій, Op cit., стр. XIV—XV.

4) Акты и пр., соб. М. Дьяконовымъ, в. I, №№ 24 и 48; ср. М. Дьяконовъ, Op. cit., стр. 99.

условіемъ записей подобнаго рода надо считать «взятіе у государя своего на ссуду столькихъ то рублей денегъ». Естественнымъ слѣдствіемъ такого займа является второе необходимое условіе крестьянской ссудной записи; «а за тое ссуду (или: «и съ тое ссудою») жити за тѣмъ то во крестьянѣхъ или въ бобылѣхъ на такой то деревни или гдѣ (господинъ) посадитъ» [1]. Итакъ, крестьянство по ссудной записи, согласно справедливому мнѣнію автора. возникаетъ изъ займа и, слѣдовательно, «самымъ тѣснымъ образомъ примыкаетъ къ кабалѣ» по крайней мѣрѣ до того времени, пока въ ней упоминается о займѣ, имѣющемъ въ древнѣйшихъ изъ актовъ подобнаго рода столь же существенное значеніе, какъ и въ ссудныхъ записяхъ. Смѣшеніе служилой кабалы съ ссудной записью внѣшнимъ образомъ обнаружилось въ «книгахъ кабаламъ и ссуднымъ записямъ», куда приказные люди вносили акты того и другого рода безразлично [2]. Наконецъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что сыскъ, возможный по служилой кабалѣ, былъ предусмотрѣнъ и въ нѣкоторыхъ изъ извѣстныхъ намъ ссудныхъ записей; по такимъ крѣпостямъ можно было порядчика «изъ бѣговъ имать» [3]. Впрочемъ, не мѣшаетъ замѣтить, что и служилымъ кабаламъ, не содержащимъ условія на счетъ займа, соотвѣтствуютъ жилыя записи въ крестьянство, по которымъ порядчикъ обязывался жить въ крестьянахъ «вѣчно» и гдѣ также нѣтъ упоминаній о ссудѣ [4].

Всѣ вышеуказанныя точки соприкосновенія между нѣкоторыми видами холопской и крестьянской зависимости едва ли можно объяснять простымъ совпаденіемъ между двумя процессами, развитіе которыхъ шло совершенно независимо другъ отъ друга. Во всякомъ случаѣ явленія подобнаго рода нуждались бы въ болѣе обстоятельномъ изученіи, чѣмъ то, какое посвящаетъ имъ г. Дьяконовъ, затронувшій ихъ мимоходомъ въ разныхъ частяхъ своей книги.

Служилая кабала, стѣснявшая крестьянскую свободу, и безъ того уже ограниченную старинной и фикціей принадлежности, въ существенныхъ своихъ чертахъ, какъ мы видѣли, сложилась уже къ концу XVI-го вѣка. Нѣсколько позднѣе «движеніе крестьянства въ сторону холопства», затронутое нами въ предшествующемъ изложеніи встрѣтилось съ новымъ процессомъ, а именно «движеніемъ холопства въ сторону крестьянства», особенно замѣтнымъ въ XVII столѣтіи.

---

1) Акты и пр., собр. М. Дьяконовымъ, в. I, №№ 53 и 70.

2) Тверскіе акты изд. подъ ред. С. Шумакова, в. II, стр. 23—24.

3) Акты и пр., собр. М. Дьяконовымъ, в. I, № 70.

4) Москвитянинъ за 1846 г., ч. I, стр. 157. Любопытно, что этотъ актъ относится къ позднѣйшему времени (1696 г.), какъ и слѣдовало ожидать, если усматривать въ нихъ вліяніе холопства.

Дворовая челядь, какъ извѣстно, еще въ XVI в. разбилась на нѣсколько разрядовъ въ зависимости отъ ихъ хозяйственнаго назначенія: важное значеніе между ними имѣли дѣловые и страдные люди; позднѣе появляются и задворные холопы. Не объяснивъ происхожденія перечисленныхъ нами состояній, г. Дьяконовъ не усматриваетъ различія между дѣловыми и задворными людьми. Хотя мы дѣйствительно не можемъ провести рѣзкой грани между тѣми и другими, но едва ли вѣрно и обратное утвержденіе автора: увлекаясь новымъ, большею частью имъ самимъ открытымъ матеріаломъ, онъ настаиваетъ на полномъ смѣшеніи терминологіи въ памятникахъ XVII вѣка. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что если и существовало различіе между дѣловыми и задворными людьми, то оно во всякомъ случаѣ не могло имѣть всеобщаго значенія: уже въ актахъ XV в. встрѣчаются указанія на какія-то дѣловыя деревни [1]); въ писцовыхъ книгахъ XVI ст. иногда попадаются дворы крестьянскіе, въ которыхъ живутъ дѣловые люди [2]), а отъ XVII в. есть свѣдѣнія объ ихъ дворахъ; тѣмъ не менѣе едва ли убѣдительны приводимыя авторомъ отдѣльныя и довольно рѣдкія упоминанія въ источникахъ объ особыхъ дворахъ дѣловыхъ людей. Судя по писцовымъ книгамъ первой половины XVII вѣка «дѣловые» люди все еще обыкновенно живутъ на господскихъ дворахъ, напримѣръ въ уѣздахъ Кашинскомъ или Тверскомъ [3]). Въ южныхъ уѣздахъ, напримѣръ Болховскомъ замѣчается то же самое, а въ Воротынскомъ при исчисленіи населенія указанный нами признакъ считается очевидно характернымъ для той группы холоповъ, которая носила наименованіе «дѣловыхъ». Такъ, въ итогахъ по помянутому уѣзду мы читаемъ: «въ Воротынскомъ уѣздѣ въ станахъ Крашенскомъ и Говѣнискомъ 42 двора помѣщиковыхъ, а во дворѣхъ живутъ 2 прикащика, 35 человѣкъ дѣловыхъ людей; да съ ними жъ 2 бобыля, 1 дворъ прикащиковъ; 15 дворовъ людскихъ, а людей въ нихъ 19 чел. . . . . . да 27 дворовъ вотчинниковъ, въ нихъ 15 человѣкъ дѣловыхъ да прикащикъ; да съ ними жъ живетъ крестьянинъ; а у него 2 захребетника; да 5 дворовъ прикащиковыхъ да 24 двора людскихъ, а людей въ нихъ 25 человѣкъ» . . . [4]). Даже въ переписныхъ книгахъ позд-

1) С. Г. Г. и Д., т. I, № 121.

2) Писц. кн. изд. подъ ред. Н. Калачева, I, 247.

3) Писц. кн. Кашинскаго уѣзда 7136—7137 гг. въ Арх. Мин. Юстиц. кн. 173, № 622: У кн. Пріимкова село Турово; въ немъ дворъ вотчинниковъ; въ немъ дѣловой человѣкъ . . .; ср. №№ 775, 778 и др. Писц. кн. Тверского уѣзда 7135—7136 гг. въ Арх. Мин. Юстиц., кн. 871—875; № 487: дв. вотчинниковъ, въ немъ живутъ 4 дѣловыхъ человѣка; № 489: село Степурино; въ немъ дв. вотчинниковъ; въ немъ его приказной человѣкъ и дѣловые люди . . .; ср. № 444, 492 и др. Рѣже встрѣчаются дѣловые люди въ особыхъ дворахъ; см. напр. Влад. губ. вѣд. за 1852 г. № 11 (1626—1658 гг.).

4) Писц. кн. Болховского уѣзда 7123 г. въ Имп. Публ. Библ., F IV, № 375. Писц. кн. Воротынскаго уѣзда 7134—7135 г. въ Имп. Публ. Библ., Древлехран. М. Погодина, № 1530, л. 76 об. и слѣд.

нѣйшаго времени число дворовъ дѣловыхъ людей было иногда весьма малымъ; такъ напримѣръ, въ нѣсколькихъ станахъ Ярославскаго уѣзда, оно составляло всего лишь 1,2% всего количества холопьихъ дворовъ, которыми обыкновенно пользовались задворные люди[1]). Въ приведенныхъ случаяхъ, какъ видно, характернымъ признакомъ дѣловыхъ людей оказывается жительство ихъ на господскихъ дворахъ, въ противуположность задворнымъ холопамъ, самое наименованіе которыхъ указываетъ, что они обыкновенно были поселены за дворами своихъ господъ: нѣкоторые изъ людскихъ дворовъ при ближайшемъ изслѣдованіи дѣйствительно оказываются заселенными задворными людьми[2]).

Доказательствомъ въ пользу полнаго смѣшенія дѣловыхъ съ задворными г. Дьяконовъ считаетъ также не разъ встрѣчающіяся въ переписныхъ книгахъ упоминанія о «дѣловыхъ задворныхъ людяхъ». Едва ли можно, однако, придавать существенное значеніе такой терминологіи по крайней мѣрѣ для первой половины XVII-го вѣка. Выраженія, сходныя съ вышеупомянутыми, можетъ быть, свидѣтельствуютъ лишь о томъ, что землевладѣльцы превращали дѣловыхъ людей въ задворныхъ, причемъ въ первомъ наименованіи сохранился намекъ на происхожденіе ихъ; вѣроятно въ такомъ же смыслѣ должно толковать и другія выраженія, встрѣчаемыя въ памятникахъ, какъ напримѣръ, «дѣловой задворный кабальный человѣкъ»; въ противномъ случаѣ, слѣдуя аргументаціи автора, примѣры подобнаго рода пришлось бы считать доказательствомъ смѣшенія задворнаго холопства съ кабальнымъ, что нельзя признать правильнымъ безъ дальнѣйшихъ доказательствъ. Переходы изъ состоянія дѣловыхъ людей въ задворные и обратно, конечно, могли имѣть мѣсто, не уничтожая извѣстнаго различія въ ихъ положеніяхъ. Въ имѣніяхъ XVI и первой половины XVII вѣка дѣловые люди замѣняли главнымъ образомъ сельскихъ рабочихъ, тогда какъ задворные люди замѣщали фермеровъ.

Едва ли также основательно отрицать вмѣстѣ съ г. Дьяконовымъ, что дѣловые люди преимущественно отправляли барщину и получали жалованье, иногда называемое мѣсячиной. Въ рѣдкихъ случаяхъ дѣловые люди оказывались домашними ремесленниками[3]); въ значительномъ большинствѣ извѣстныхъ намъ примѣровъ они обыкновенно становились принадлежностью сельскихъ хозяйствъ. Въ старинныхъ памятникахъ самое слово «дѣлати» въ одномъ изъ своихъ спеціальныхъ значеній употребляется въ

1) Переп. кн. Ярославскаго уѣзда 7186 г. въ Арх. Мин. Юст., кн. 7780 и 7781.

2) Писц. кн. Тульскаго уѣзда 7135—7137 гг. въ Имп. Пуб. Библ. F IV, №№ 507 и 508. Здѣсь встрѣчаются указанія на людскіе дворы, въ каждомъ изъ которыхъ упомянуто по одному холопу; см. лл. 56 обл.; л. 170; л. 177; л. 186; л. 206; л. 246. Ср. Акты, соб. М. Дьяконовымъ, в. I, № 55 и ниже.

3) Акты и проч., соб. М. Дьяконовымъ, в. II, № 2.

смыслѣ обработки или воздѣлыванья земли[1]). Уже въ житіи Ѳеодосія сохранился разсказъ о томъ, какъ онъ будучи тринадцатилѣтнимъ отрокомъ «начатъ на труды паче подвиженъ бывати, якоже исходити ему съ рабы на село и дѣлати съ великимъ смиреніемъ». Въ актахъ XVI вѣка дѣловые люди прямо называются «страдными»[2]). Въ писцовыхъ книгахъ довольно часто встрѣчаются извѣстія въ родѣ слѣдующаго: «за Остаоьемъ Кувшиновымъ часть сельца Шепелева; въ немъ дворъ прикащиковъ Івашка Толстого да крестьянскихъ 9 дворовъ и 1 пустой; пашни паханые помѣщиковы, пашутъ дѣловые люди, 20 чети, да крестьянскіе пашни 24 чети да наѣздные пашни 11 чети и пр.»[3]). Въ вотчинахъ бывало, разумѣется, то же самое; такъ напримѣръ, въ селѣ Хвиляхъ, принадлежавшемъ И. М. Мстиславской, «дѣловыхъ вотчинницыныхъ людей пахоты было ужато на 16 десятинахъ 43 сотницы 50 сноповъ»[4]). Нельзя, какъ видно, отрицать того, что дѣловые люди, повидимому, часто отправляли сельскія работы въ пользу своихъ господъ. Естественно, что при такихъ условіяхъ они могли получать и содержаніе или жалованье. Уже въ данной грамотѣ новгородской 1437—1462 упоминается о мѣсячинѣ, выдаваемой «одерноватымъ»[5]). Въ наказѣ О. Елизарову да дьяку Н. Насонову о заводѣ на Скопинѣ и на Романовѣ пашни имъ велѣно было «разсмотрѣть въ обоихъ городахъ бобылей, будетъ въ нихъ дѣла и прибыли нѣтъ и ихъ бы учинить дѣловыми и дать имъ денегъ и хлѣба, какъ дается дѣловымъ»[6]). Бывали, разумѣется, случаи, когда они получали не мѣсячное, а годовое жалованье: въ силу духовной княжны Ир. Мстиславской «людямъ» ея велѣно было дать жалованья «вдвое»; въ числѣ «людей» встрѣчаются: огородникъ, мельникъ, конюхи, сторожи конюшенные и скотники; жалованье, выданное имъ въ удвоенномъ размѣрѣ, колебалось отъ 1 р. до 4 руб. 25 алтынъ; кромѣ того въ имѣніи Хвиляхъ, принадлежавшемъ той же кн. И. Мстиславской, жили 16 человѣкъ, въ томъ числѣ: 1 тонкопрядица, 1 пономарь, 10 паробковъ, 1 скотникъ и 2 водовоза; по поводу означенныхъ лицъ согласно тому же завѣщанію правительство сдѣлало слѣдующее распоряженіе: «и всего Хвильскихъ тонкопрядицъ и дѣловыхъ людей, опричь водовозовъ, 15 человѣкъ, а дано имъ

---

1) И. Срезневскій, Матеріалы, т. I, стр. 785.

2) Акты, изд. Н. Лихачевымъ, в. I, №№ 15 и 13.

3) Выпись изъ писцовыхъ книгъ Нижегородскаго уѣзда Д. Ладыгина съ товарищами 7129—7131 гг. (изъ бумагъ А. А. Куника).

4) Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Пр. дѣла ст. лѣтъ, св. 125, № 62: Отписки, росписки и пр. о селахъ и деревняхъ старицы Ирины Михайловны Мстиславской 7148 г. 1639 г. Дек.).

5) А. Э., т. I, № 32. Г. Дьяконовъ почему то не приводитъ этого текста.

6) Зап. Отд. Слав. и Рус. Арх., т. II, стр. 780—786. О жалованьи холопамъ см. еще Акты, собр. А. Өедотовымъ-Чеховскимъ, т. II, № 122 (стр. 218—219); Акты, изд. Н. Лихачевымъ, в. I, №№ 12, 19 и 25. П. Бѣляевъ, Op. cit., стр. 22.

жалованья (также въ удвоенномъ размѣрѣ) по рублю человѣку, итого 15 рублевъ»[1]). Въ духовномъ завѣщаніи О. И. Волынской, составленнаго въ 1651—1652 гг., мы между прочимъ читаемъ слѣдующее: «да людямъ моимъ дать надѣлку въ помнѣ душе моей денежное годовое жалованье вдвое.., а которымъ малымъ робятамъ не шло моего годоваго жалованья, а ноели казенное, и тѣмъ дать надѣлку — денежныя дачи», особая «роспись того, что людемъ которому денежнаго годового жалованья», содержитъ свѣдѣнія о его размѣрѣ: четыре изъ нихъ получали по 6 р. 60 к., шесть — по 6 р. 10 к., одинъ («приспѣшникъ») по 5 р. 75 к., одинъ — по 4 р. 25 к. и остальные три по 5, 3 и 2 рубля ежегодно[2]).

Г. Дьяконовъ приводитъ нѣсколько примѣровъ выдачи мѣсячины дѣловымъ людямъ (стр. 291, 293), хотя и не упоминаетъ о годовомъ, причемъ самъ готовъ согласиться съ тѣмъ, что такое жалованье, можетъ быть, рѣдко выдавали задворнымъ людямъ (стр. 293).

Гораздо прочнѣе обосновано, какъ намъ кажется, положеніе г. Дьяконова о смѣшеніи дѣловыхъ людей съ задворными въ послѣдней четверти XVII вѣка послѣ переписи и указа 1677—1679 гг. Дѣйствительно, свидѣтельства памятниковъ, относящихся къ 1686 и 1690 годамъ доказываютъ, что въ положеніи «дѣловыхъ людей, проживавшихъ особыми дворами и задворными людьми трудно провести какую бы то ни было разницу»[3]); возможно, что «дѣловые, жившіе особыми дворами» послѣ указа 1679 г., въ силу котораго задворные люди были привлечены къ прямому обложенію, стали въ частно-владѣльческихъ хозяйствахъ замѣнять (въ качествѣ лицъ не тяглыхъ) прежнихъ задворныхъ людей. Слѣды такого перехода встрѣчаются въ актахъ не позднѣе конца XVII столѣтія; въ отпускной А. Борисовой своему дворовому человѣку 1690 г. она дѣлаетъ между прочимъ слѣдующее распоряженіе: «а которая земля дана ему въ удѣлъ вмѣсто годовой мѣсячины, то ему отдать безпятинно»[4]). Впрочемъ «со второй половины 80-хъ годовъ» и «дѣловые задворные люди», наравнѣ съ задворными, поступаютъ въ ряды тяглецовъ, что, вѣроятно, какъ справедливо полагаетъ г. Дьяконовъ, и способствовало окончательному смѣшенію обоихъ разрядовъ[5]). Подъ вліяніемъ такого смѣшенія дѣловые люди вступали со своими господами въ сдѣлки, напримѣръ, по образцу ссудныхъ записей, съ соотвѣтствующими видоизмѣненіями. Въ извѣстномъ намъ документѣ подобнаго рода нѣкій Григорей Ларіоновъ сынъ по прозванію дѣда и отца сво-

1) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 1639 г. Дск. Отписки, росписки и пр. о селахъ и деревняхъ старицы Ирины Михайловны Мстиславской.

2) Моск. Арх. Мин. Юст., Грам. Кол. экон., Арх. 34, Хрон. 6344 (Коломенскаго уѣзда).

3) М. Дьяконовъ, Op. cit., стр. 329—330.

4) М. Дьяконовъ, Op. cit., приложеніе № 15; ср. № 16.

5) Тверскіе акты, изд. подъ ред. С. Шумакова, в. II, стр. 43—44.

его Водопьяновъ, старинной (человѣкъ) Е. И. Мостинина, родившійся у него во дворѣ, далъ на себя «ссудную запись» въ Нижнемъ-Новгородѣ сыну его (которому онъ, Гр. Ларіоновъ, отданъ былъ самимъ Е. И. Мостининымъ) стряпчему П. Е. Мостинину: «въ нынѣшнемъ во 195 г. Дек. 24, писалъ Г. Ларіоновъ, взялъ я Г. съ женою своею и съ дѣтьми у него государя своего у П. Е. на ссуду себѣ на всякой домовой заводъ пять рублевъ денегъ да лошадь. И мнѣ Г. и женѣ моей и дѣтямъ моимъ съ тою его ссудою жити у него П. Е. и у дѣтей его во дворѣ въ дѣловыхъ людяхъ, гдѣ они укажутъ, и живучи всякую работу на него П. Е. и на дѣтей его работать по вся дни и тягло имъ всякое платить безъ ослушанія. [И] изъ за него государя своего П. Е. [и] изъ за дѣтей его не бѣжать и бѣжавъ ни за кого не задолжиться и отъ него П. Е. и отъ дѣтей его ни въ чемъ не отпираться. А буде я, Г., или жена моя и дѣти мои не учнемъ у него государя своего П. Е. и у дѣтей его жить или изъ за него и изъ за дѣтей его бѣжать и за кого заложимся и ему, П. Е. и дѣтямъ его, П. Е., по сей судной записи взять меня, Г., и жену мою и дѣтей моихъ по прежнему въ дѣловые люди и свою ссуду [т. е. взять-же?]». Далѣе (на оборотѣ подлинника) слѣдовали рукоприкладства самого Г. Ларіонова и послуховъ, а также указаніе на площаднаго подъячего писавшаго запись. Въ вышеприведенномъ документѣ, какъ видно, очень много сходнаго съ содержаніемъ ссудныхъ записей задворныхъ людей и крестьянъ, за исключеніемъ развѣ того, что въ послѣднихъ вмѣсто «вѣчнаго» жительства во дворѣ господина въ дѣловыхъ людяхъ рѣчь идетъ о такомъ же жительствѣ въ задворныхъ холопахъ и крестьянахъ; въ записи Г. Ларіонова есть даже упоминаніе объ уплатѣ имъ «всякого тягла» хотя и не прибавлено условія о томъ, чтобы платить подати «со своею братьею съ дѣловыми людьми». Тѣмъ не менѣе запись Г. Ларіонова едва ли составлена безъ вліянія на нее аналогичныхъ актовъ, скрѣплявшихъ отношенія задворныхъ людей или еще чаще крестьянъ къ своимъ землевладѣльцамъ; если признавать такой фактъ, то и позволительно будетъ утверждать, что «смѣшеніе» дѣловыхъ людей съ задворными повело къ нѣкоторымъ юридическимъ послѣдствіямъ.

Какъ бы то ни было, задворные люди ближе всѣхъ остальныхъ разрядовъ холоповъ, стояли къ крестьянамъ, почему г. Дьяконовъ на нихъ главнымъ образомъ и устремляетъ свое вниманіе.

Терминъ «люди за дворомъ» или «задворные люди», по мнѣнію автора, не былъ еще извѣстенъ въ XVI вѣкѣ: ни оффиціальные документы, ни частные акты того времени не знаютъ его. Только памятники первой половины XVII вѣка, и то довольно рѣдко, начинаютъ упоминать о задворныхъ людяхъ» (стр. 242). Ни съ тою, ни съ другою половиною только что приведеннаго заключенія нельзя согласиться. Уже въ писцовыхъ книгахъ конца

XV-го вѣка мы встрѣчаемъ примѣры въ родѣ слѣдующаго: «Въ Наволочскомъ погостѣ (Деревской пятины) за кн. Д. А. Пѣнкомъ село Студенецъ: дв. княжъ Даниловъ человѣкъ Нестерикъ Павловъ, сѣетъ ржи 3 коробьи, а сѣна коситъ 30 копенъ; обжа, старого дохода изъ хлѣба половье»; далѣе идетъ описаніе «христьянскихъ дворовъ»[1]). Въ памятникахъ первой половины XVI в. уже можно разыскать указанія не только на «дворныхъ и дѣловыхъ людей», но и на отличаемыхъ отъ нихъ «людей деревенскихъ»[2]). Въ теченіе XVI-го вѣка, повидимому, постепенно устанавливается опредѣленный терминъ для зарождающагося состоянія задворнаго холопства. При описаніи Тверского уѣзда въ 1539—1540 гг. хотя фактъ жительства «людей» въ особыхъ дворахъ уже существуетъ, но въ довольно слабой степени; писцы обыкновенно описываютъ его такъ: «деревня такая то, въ ней... одинъ или нѣсколько дворовъ, въ нихъ живутъ люди землевладѣльца»; наряду съ такими дворами упоминаются и крестьянскіе[3]). Болѣе опредѣленныя указанія объ этомъ разрядѣ населенія относятся ко второй половинѣ того же вѣка. Такъ напримѣръ, въ писцовой книгѣ Шелонской пятины 1571—1572 гг. сохранились свѣдѣнія о томъ, что у множества помѣщиковъ были «за дворомъ люди»; рѣже употребляется формула: «дворъ землевладѣльца такого-то, а людскихъ дворовъ столько то», или «а на задворку живутъ люди его такіе то»; наконецъ при описаніи помѣстья Аоанасья Еремѣева между прочимъ сказано: задворныхъ людей Ооанасьевыхъ: в. Опшко Яковлевъ; в. Ѳетко Ивановъ; в. Яшко Немчинъ»[4]) Едва ли можно считать подобнаго рода указанія не заслуживающими вниманія: они свидѣтельствуютъ о томъ, что изучаемый нами терминъ сталъ повидимому входить въ употребленіе въ послѣдней трети XVI столѣтія. Во всякомъ случаѣ, судя по извѣстіямъ первой трети XVII вѣка, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ изъ уѣздовъ Московскаго государства, задворные люди можетъ быть и не представляютъ такой рѣдкости, какъ думаетъ г. Дьяконовъ. Въ извѣстныхъ намъ писцовыхъ книгахъ разрядъ задворныхъ людей, правда, не выдѣленъ изъ состава людскихъ дворовъ, но изъ того, что правительству пока еще не было нужды зачислять ихъ въ особую группу при регистраціи, нельзя еще заключать, что и самого разряда не существовало: судя по нѣкоторымъ признакамъ можно даже прійти къ обратному выводу. При описаніи отдѣльныхъ имѣній, напримѣръ, упомянуты

---

1) Новгород. Писц. кн., т. II, стр. 458.

2) Сборникъ актовъ, изд. Н. Лихачевымъ, в. I, № 5 (1545—1546 гг.).

3) Писц. кн. XVI в., т. II, стр. 42—47, 49, 54, 56, 120, 126—127, 129, 132; ср. т. I, стр. 220 и 744.

4) Моск. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, книга по Новгороду, № 8, лл. 74, 116 об.—119, 122, 215; А. Ю., № 109; извѣстіе о помѣстьѣ А. Еремѣева уже было указано г. Рожковымъ.

и «задворные люди»; но въ перечняхъ (итогахъ), подводимыхъ подъ каждымъ изъ такихъ описаній, а слѣдовательно и въ общемъ итогѣ указано лишь общее число «людскихъ дворовъ»; такіе случаи можно встрѣтить въ писцовыхъ книгахъ различныхъ уѣздовъ, напримѣръ: Углицкаго, Кашинскаго, Воротынскаго и Бѣлевскаго[1]). Въ нѣкоторыхъ-же переписныхъ книгахъ 7154 г., задворные люди уже выдѣлены въ особую группу и составляютъ извѣстный процентъ всего сельскаго населенія[2]). Такъ какъ цѣлый разрядъ населенія не могъ сложиться внезапно, то и остается предполагать, что уже въ первой половинѣ XVII в. численность «задворныхъ холоповъ» постепенно увеличивалась.

Не останавливаясь на выясненіи причинъ, которыя породили такое явленіе, вѣроятно вызванное главнымъ образомъ развитіемъ барской запашки съ послѣдней трети XVI-го вѣка особенно на югѣ, а также финансовой реформой 1630—1631 гг., Г. Дьяконовъ довольствуется тѣмъ, что констатируетъ количественный ростъ задворныхъ холоповъ во второй половинѣ XVII-го вѣка. Нельзя не замѣтить, что выводъ автора основанъ на весьма случайномъ матеріалѣ. Во 1-хъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что возрастаніе численности изучаемой нами группы населенія, повидимому, не всюду имѣло мѣсто: такъ напримѣръ, въ Московской половинѣ Ярославскаго уѣзда въ 1646 г. на 8868 населенныхъ дворовъ приходилось 457 дв. задворныхъ холоповъ, тогда какъ въ 1678 г. на 14062 крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ въ нѣсколькихъ станахъ того же уѣзда оказалось всего лишь 431 задворныхъ; такимъ образомъ число дворовъ задворныхъ людей первоначально превосходившее 5%, въ 1678 г. упало до 3%; отношенія-же между соотвѣтствующими величинами въ южныхъ уѣздахъ, кажется, въ большой мѣрѣ подходитъ подъ общее положеніе г. Дьяконова[3]). Во 2-хъ, хотя онъ и считаетъ «нагляднымъ подтверж-

---

1) Писц. кн. Кашинскаго уѣзда 7136—7137 гг. въ Арх. Мин. Юстиц., кн. 173, № 622. Писц. кн. Воротынскаго уѣзда въ Имп. Пуб. Библ. Древлехран. М. Погодина, № 1530, №№ 30, 34 и 42. Бѣлевская Вивліоѳика, изд. Елагинымъ, М. 1858 г., т. 1 и 2. Углицкія писцовыя книги, изд. Липинскимъ въ Временникѣ Демидовскаго лицея. Послѣдніе факты уже отмѣчены и самимъ г. Дьяконовымъ на стр. 288; въ переписной книгѣ Ярославскаго уѣзда 7186 г. въ текстѣ также иногда записаны задворные люди, а въ перечняхъ рѣчь идетъ о «задворныхъ дворахъ людскихъ»; Арх. Мин. Юст., кк. 7780—7781, № 789.

2) Писц. кн. Ярославскаго уѣзда 7154 г. въ Арх. Мин. Юстиціи, кн. 551. Въ Московской половинѣ этого уѣзда числилось напримѣръ: крестьянъ — 6514 дв., въ нихъ 21925 чел.; бобылей — 1897 дв., въ нихъ — 4728 человѣкъ; задворныхъ людей — 457 дв., въ нихъ 1236 чел.; что составитъ около 5% дворовъ задворныхъ людей на общее ихъ количество (8868).

3) Писц. кн. по Ярославскому уѣзду 7154 г. въ Арх. Мин. Юст., кн. 551. Надо имѣть въ виду, впрочемъ, что средняя населенность двора въ 1678 вообще была значительнѣе прежней; едва ли правильно поэтому дѣлаетъ г. Дьяконовъ, приводя численность однихъ дворовъ въ своей таблицѣ; ср. стр. 99—103.

деніемъ своего вывода» прилагаемую имъ таблицу 14 уѣздовъ [? въ таблицѣ ихъ 16] съ показаніемъ числа дворовъ задворныхъ людей по переписнымъ книгамъ 1646—1647 и 1677—1678 гг. сравнительно съ числомъ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ» (стр. 268), однако изъ приведенныхъ авторомъ примѣровъ лишь одинъ можно считать убѣдительнымъ (итоги по Мещовскому уѣзду); по всѣмъ остальнымъ уѣздамъ имѣются или данныя переписи 7154 или итоги переписи 7186 г., такъ что матеріаловъ для сравненія относительнаго прироста числа задворныхъ людей въ распоряженіи автора почти вовсе не оказывается, а при такихъ условіяхъ едва ли онъ въ правѣ говорить о томъ, что выводъ его «подтверждается» таблицей; во всякомъ случаѣ, судя по свѣдѣніямъ приведеннымъ выше (стр. 54), можно предполагать, что численность задворныхъ людей начала XVII в. значительно возрасла къ концу его, особенно въ нѣкоторыхъ уѣздахъ южной окраины Московскаго государства.

Въ самомъ пониманіи термина «задворный холопъ» г. Дьяконовъ дѣлаетъ два ограниченія, не лишенныхъ значенія. «Первый выводъ, пишетъ авторъ, къ какому мы приходимъ, заключается въ томъ, что терминъ «задворный» примѣнялся не только къ опредѣленному разряду холоповъ; онъ обнимаетъ самые разнородные классы жителей въ Московскомъ государствѣ, прилагаясь одинаково и къ чиновнымъ особымъ, и къ нѣкоторымъ разрядамъ тяглаго населенія, и къ господскимъ крѣпостнымъ, и даже къ монастырскимъ людямъ» (стр. 246). Второй выводъ г. Дьяконова важнѣе перваго; онъ состоитъ въ томъ, что занятіе земледѣліемъ вовсе не исключительная профессія задворныхъ людей. Надо думать, что всякое дѣло въ хозяйствѣ того времени могло быть поручено задворному человѣку, какъ и бобылю или дворовому холопу. Конечно, въ помѣстьяхъ и вотчинахъ XVI—XVII вв. земледѣльческое хозяйство и его интересы занимали первенствующее положеніе, и, вѣроятно, задворные люди по большей части были пріурочены къ различнымъ видамъ сельско-хозяйственной эксплуатаціи. «Важно однако отмѣтить, что это вовсе не считалось безусловно необходимымъ. Такое наблюденіе, какъ оно ни кажется маловажно съ перваго взгляда, имѣетъ, однако, важное значеніе: оно предостерегаетъ отъ неправильной постановки вопроса при разъясненіи происхожденія и особенностей задворной крѣпости» (стр. 248).

Дѣйствительно, съ указанной точки зрѣнія г. Дьяконову удается опредѣлить составъ задворнаго холопства, который оказывается гораздо болѣе разнообразнымъ, чѣмъ это принято было въ нашей литературѣ. «Полное холопство, напримѣръ, какъ элементъ въ составѣ задворныхъ людей, удостовѣряется переписными книгами не только въ формѣ стариннаго холопства: книги отмѣчаютъ самыя разнообразныя сдѣлки на задворныхъ людей,

какія не могли бы относиться къ кабальнымъ холопамъ, по скольку намъ извѣстна юридическая природа кабальной неволи въ той формѣ, какъ она выяснилась по указамъ конца XVI вѣка». (стр. 254); мы видѣли, однако, что уже во второй половинѣ XVI вѣка сдѣлки подобнаго рода могли совершаться и по отношенію къ кабальнымъ людямъ, присутствіе которыхъ въ числѣ задворныхъ людей, впрочемъ, не отрицаетъ и самъ авторъ (стр. 249—250). Кромѣ того «элементомъ въ составѣ задворнаго холопства, по справедливому мнѣнію г. Дьяконова, являются разные иноземцы—выходцы и полоняники, которыми во второй половинѣ XVII вѣка весьма усиленно пополнялся также контингентъ крестьянъ и бобылей» (стр. 256). Наконецъ, въ задворные холопы «попадали люди по записямъ въ приказныхъ избахъ, а чаще и безъ всякихъ крѣпостей»; даже «чужіе холопы, временно уступленные по частному соглашенію ихъ господъ съ помѣщиками, нуждающимися въ рабочихъ рукахъ», могли оказаться въ числѣ задворныхъ людей (стр. 289).

Задворное холопство ближе всего стояло къ крестьянству. Естественно, что между тѣмъ и другимъ должно было установиться своего рода взаимодѣйствіе. «Если группа задворныхъ холоповъ, пишетъ г. Дьяконовъ, не представляла изъ себя юридически обособленной и замкнутой среды, то фактическое сближеніе ея съ массой тяглаго крестьянства могло тѣмъ удобнѣе развиться на почвѣ хозяйственныхъ землевладѣльческихъ интересовъ путемъ перевода задворныхъ людей въ среду крестьянства, вызваннаго «насущными экономическими и тяглыми потребностями» (стр. 261). И дѣйствительно, въ памятникахъ XVII в. мы встрѣчаемъ любопытныя указанія на превращеніе холоповъ въ половниковъ и крестьянъ. Такъ напримѣръ, въ одной изъ сибирскихъ дозорныхъ книгъ 1622—1623 гг. описано хозяйство половника Б. Мошеника, сказавшаго писцамъ, что «отпустилъ ево подъячей Якимъ Денисовъ отъ себя изъ холопства во 126 году и посадилъ ево у себя на пашни въ половники на шесть лѣтъ» [1]). Не задолго до 1680 года Е. Черницовъ владѣлъ пустошью Астраганскаго монастыря; на ней онъ поселилъ «дворовыхъ своихъ старинныхъ крѣпостныхъ людей»; вслѣдъ затѣмъ, вкладывая ихъ въ монастырь, тотъ же помѣщикъ писалъ: «а тѣ крестьяне никому не проданы и не заложены...» [2]) Извѣстна также, благодаря разысканіямъ, г. Дьяконова, любопытная вкладная запись К. Немтинова Сосновскому монастырю на задворнаго человѣка «вѣчно во крестьянство», написанная въ 1669 году [3]). Наконецъ, съ 1498 года можно указать въ

1) Г. Шмелевъ, Новая работа по соціальной исторіи Россіи въ Труд. Археогр. Ком. при Моск. Археол. Общ., т. I, стб. 562.

2) Тверскіе акты, изд. подъ ред. С. Шумакова, вып. II, стр. 164—165.

3) Акты и проч., собр. М. Дьяконовымъ, вып. II, № 89.

теченіе одного XVI-го вѣка на нѣсколько случаевъ превращенія холоповъ, особенно благодаря духовнымъ завѣщаніямъ ихъ владѣльцевъ, не только въ свободныхъ людей, но и землевладѣльцевъ, напоминавшихъ, вѣроятно, прежнихъ крестьянъ-своеземцевъ, хотя и стоявшихъ въ то время ближе къ низшимъ разрядамъ служилыхъ людей [1]). Г. Дьяконовъ, имѣя въ виду однихъ задворныхъ холоповъ, какъ извѣстное общественное состояніе, слишкомъ мало останавливается на изученіи развитія имущественныхъ правъ холоповъ вообще, какъ важнаго момента въ исторіи крѣпостного права, что, однако, тѣсно связано съ «главною» темой его труда.

Всѣ вышеприведенные выводы г. Дьяконова, основанные на внимательномъ изученіи имъ матеріала, даютъ намъ, конечно, болѣе точное понятіе о составѣ одного изъ разрядовъ холопства, ближе всего стоявшаго къ крестьянству, чѣмъ тѣ, какіе до сихъ поръ были высказаны въ ученой литературѣ; но къ сожалѣнію они ничего новаго не сообщаютъ намъ о сущности задворнаго холопства, о юридическихъ его признакахъ и о степени его вліянія на отношенія крестьянъ къ землевладѣльцамъ; авторъ останавливается лишь на изученіи процесса прикрѣпленія задворныхъ людей къ государственному тяглу. Впрочемъ, мы дѣйствительно располагаемъ слишкомъ бѣднымъ матеріаломъ для того, чтобы выяснить юридическое (а не только фактическое) положеніе задворныхъ холоповъ; предположеніе о существованіи спеціальной задворной крѣпости до сихъ поръ нельзя считать достаточно обоснованнымъ [2]). Правда намъ теперь извѣстна запись, данная не позднѣе 1661 года П. Ивановымъ княгинѣ А. Т. Нерымовой (?), и кажется, не обратившая на себя должное вниманіе со стороны г. Дьяконова, хотя она нѣсколько подходитъ къ такому типу крѣпостныхъ документовъ. Въ силу названнаго договора П. Ивановъ обязуется «жить у государыни своей за дворомъ себѣ избою, потому что онъ взялъ у государыни своей ссуду», за которую «ему у государыни своей служити и всякую работу работать» [3]). Едва-ли, однако, сдѣлки подобнаго рода были распространены; напротивъ, въ переписныхъ книгахъ 1678 года встрѣчаются указанія въ однихъ случаяхъ на задворныхъ людей, «живущихъ по служилымъ кабаламъ», въ другихъ — на то, что землевладѣльцы, не смотря на требованія переписчиковъ, никакихъ крѣпостей имъ не предъявили, причемъ иногда называли

---

1) С. Г. Г. и Д., ч. I, № 130. Сборникъ актовъ, изд. Н. Лихачевымъ, стр. 46, 55 и 66. В. Ключевскій, Op. cit. въ Рус. Мысли за 1886 г., кн. IX. стр. 80—86. Извѣстная духовная И. Г. Нагого 1598 г., кромѣ Сб. Троице-Сергіевой лавры, см. въ копіи, вѣроятно конца XVII-го вѣка, въ Моск. Арх. Мин. Юст., Грам. Кол. Экон., Арх. 3, Хрон. 14553.

2) В. Ключевскій, Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи въ Рус. Мысли за 1886 г., октябрь, стр. 5.

3) Акты, собр. М. Дьяконовымъ, в. I, № 55.

своихъ задворныхъ холоповъ — «старинными»[1]). Долговременныя разысканія г. Дьяконова остались безуспѣшными: ему удалось отмѣтить только одну «ссудную запись въ задворные люди», совершенно сходную съ крестьянскими (стр. 285) и можетъ быть даже сложившуюся подъ ихъ вліяніемъ. За отсутствіемъ какихъ либо точныхъ указаній въ источникахъ и незнаніемъ спеціальныхъ крѣпостей въ задворное холопство, намъ приходится воздерживаться отъ дальнѣйшихъ обобщеній; можно только замѣтить, что извѣстныя намъ задворныя крѣпости выданы на себя «отпущенниками», т. е. такими людьми, отношенія которыхъ къ своимъ новымъ господамъ еще не были укрѣплены какими либо другими актами.

Вліяніе дѣлового и задворнаго холопства на положеніе крестьянъ въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ XVII-го вѣка также мало изучено г. Дьяконовымъ, а между тѣмъ оно имѣло, вѣроятно, довольно существенное значеніе въ исторіи частнаго прикрѣпленія сельскаго населенія Московскаго государства. Уже Судебникъ 1550 года предусматриваетъ случай, когда «крестьянинъ съ пашни продастся кому въ полную въ холопи», о чемъ упоминаютъ и позднѣйшіе акты, какъ о практикѣ, очевидно получившей въ то время нѣкоторое распространеніе[2]). Такой участи чаще всего подвергались, конечно, бѣднѣйшіе сельскіе жители, каковыми обыкновенно оказывались бобыли[3]). Въ писцовыхъ книгахъ Ярославскаго уѣзда 7135—7138 г. описано было, напримѣръ, между прочимъ сельцо Микусское (?), въ которомъ при дворѣ землевладѣльца числилось нѣсколько «людскихъ» дворовъ; въ одномъ изъ нихъ вмѣстѣ съ холопомъ жилъ «бобыль»[4]). Въ томъ же уѣздѣ, судя по переписной книгѣ 7186 года, писцы насчитали довольно много такихъ лицъ: «да въ монастырскихъ же вотчинахъ, читаемъ мы въ итогѣ, и у помѣщиковъ и у вотчинниковъ взяты изъ крестьянъ въ ихъ помѣщиковы и вотчинниковы дворы для работы 128 крестьянъ съ дѣтьми, да недорослей и срослыхъ крестьянскихъ дѣтей 75 чел.»[5]). Подобные же примѣры можно встрѣтить и въ южныхъ уѣздахъ, напримѣръ, въ Бѣлевскомъ[6]). Иногда точнѣе указаны тѣ мотивы, которыми землевладѣльцы руководствовались при «взя-

1) Переписн. кн., изд. Е. Замысловскимъ, стр. 230, 231 и 239; въ Жарской волости, напримѣръ, за М. Жоховымъ было село Бабурино, въ немъ: дворъ вотчинника да задворныхъ людей, «служатъ по кабальному холопству», всего 6 дворовъ людей 14 человѣкъ. (Переп. кн. Ярославскаго уѣзда за 7186 г. въ Арх. Мин. Юст., кн. 7791, л. 5 об.).

2) Судебникъ 1550 г., ст 88. Доп. къ А. И., т. II, № 35; Р. И. Б., т. II. стб. 426.

3) Переписн. кн., изд. Е. Замысловскимъ, стр. 209: «бобыльскія дѣти взяты въ помѣщиковъ дворъ за скудостью».

4) Писц. кн. Ярославскаго уѣзда 7135—7138 гг. въ Имп. Публ. Библ. F IV, № 527, ст. 79.

5) Писц. кн. Ярославскаго уѣзда 7186 г. въ Арх. Мин Юст., кн. 7781, л. 788 об.

6) Переписн. кн., изд. Е. Замысловскимъ, стр. 209, 211, 212.

тіп» своихъ крестьянъ во дворъ или тотъ срокъ ихъ работы, по минованіи котораго они, вѣроятно, снова возвращались въ свои дворы. Въ Андожской волости, напримѣръ, (Бѣлозерскаго уѣзда) была описана между прочимъ деревня Никоновская: «въ ней дворъ стольника кн. Андрея Хованскаго, а на дворѣ живутъ ево люди приказные по перемѣнамъ и для пашни бобыль ево»[1]). Въ томъ же уѣздѣ въ селѣ Колкачѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря стоялъ «дворъ скотный, а въ немъ живутъ крестьяни той же вотчины понедѣльно». Въ другомъ мѣстѣ того же уѣзда, въ деревнѣ Ирковѣ, принадлежавшей Өедору Өедотову, также построенъ былъ «дворъ помѣщиковъ скотной, а въ немъ живутъ ево Өедоровы дворовые люди и крестьяне и бобыли изъ разныхъ деревень помесечно»[2]). Въ большинствѣ случаевъ, однако, сроки жительства такихъ лицъ не означены и весьма вѣроятно, что положеніе ихъ мало разнилось отъ положенія дѣловыхъ людей, съ которыми они жили въ однихъ и тѣхъ же дворахъ и отправляли однѣ и тѣ же обязанности. Иногда встрѣчаются прямыя указанія на то, что «дѣловые люди» такого то землевладѣльца взяты изъ крестьянъ[3]). Еще ближе конечно должны были соприкасаться задворные люди и крестьяне однихъ и тѣхъ же имѣній, что доказывается многими случаями «перевода задворныхъ людей въ среду крестьянства и пополненія задворнаго населенія оторвавшимися и отбившимися отъ крестьянства элементами тяглой среды», причемъ участь подобнаго рода постигала въ особенности крестьянскихъ и бобыльскихъ дѣтей (стр. 265—267). Существовали даже записи, «по которымъ челобитчики поступали въ дворовые люди и въ крестьяне послѣдовательно или альтернативно». Первая изъ извѣстныхъ намъ записей вышеуказаннаго типа относится къ 1642 г.: ее далъ Н. Ивановъ С. И. Волкову въ крестьяне. Будучи «человѣкомъ» его, Н. Ивановъ вслѣдъ за тѣмъ записался къ нему же въ крестьяне съ женою и дѣтьми въ Ярославскомъ уѣздѣ въ Сельцѣ Головковѣ; взявъ ссуду въ 5 рублей онъ обязался жити въ крестьянехъ, отправлять издѣлье и платить «барскій доходъ, а также государевы подати». Въ случаѣ выхода С. И. Волковъ по записи получилъ право «взять на немъ ссуду и крестьянство»[4]). При такихъ условіяхъ становилось возможнымъ и смѣшеніе одного состоянія съ другимъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ готово было признать даже само правительство; въ Брянскомъ уѣздѣ, напримѣръ, писцы описывали въ 1676—1682 г. имѣніе Е. Г. Толбузина, причемъ перечисливъ его задворныхъ людей, внесли

1) Переписн. кн., изд. Е. Замысловскимъ, стр. 228.

2) Переписн. кн., изд. Е. Замысловскимъ, стр. 271.

3) Переписн. кн., изд. Е. Замысловскимъ, стр. 152.

4) Влад. губ. вѣд. за 1858 г., № 7. М. Дьяконовъ (Op. cit., стр. 142), утверждаетъ, что такія записи «еще неизвѣстны въ исторической литературѣ».

слѣдующую запись: «а тѣ задворные люди крѣпки ему по прежнимъ переписнымъ книгамъ, потому что отцы ихъ написаны въ прежнихъ переписныхъ книгахъ бобылями» [1]). Въ XVII в. перечисленные нами виды холопской зависимости безъ сомнѣнія довольно быстро стали распространяться на крестьянское населеніе и, слѣдовательно, имѣли существенное значеніе въ процессѣ частнаго прикрѣпленія; съ такой именно точки зрѣнія г. Дьяконову, какъ намъ кажется, и слѣдовало подольше остановиться на изученіи означенныхъ явленій; между тѣмъ въ изложеніи автора отношеніе ихъ къ главной темѣ его труда выяснено односторонне, что лишаетъ и самыя явленія должнаго освѣщенія.

Въ имѣніяхъ духовенства, по мнѣнію г. Дьяконова, положеніе аналогичное съ задворнымъ холопствомъ занимали такъ называемые «монастырскіе дѣтеныши, замѣнявшіе здѣсь холопскій трудъ» (стр. 307). Нельзя не замѣтить, однако, что монастырскія власти продолжали пользоваться имъ въ теченіе XVI вѣка, причемъ иногда вовсе не прибѣгали къ услугамъ дѣтенышей. Такъ напримѣръ, за «Левкѣевымъ» монастыремъ въ Московскомъ уѣздѣ (Сурожскомъ стану) былъ дворъ монастырскій, да 4 двора людскихъ, пашни паханые середніе земли 25 четьи»; за Чудовымъ и Богоявленскимъ монастырями въ томъ же уѣздѣ (въ станахъ Монатьинѣ, Быковомъ и Коровьинѣ) писцы также описали въ 1585—1586 гг. «сверхъ монастырскихъ дворовъ по одному двору челядинному» за каждымъ, не считая крестьянъ и бобылей [2]). Такимъ образомъ, въ вышепомянутыхъ монастырскихъ хозяйствахъ батраческій трудъ выполнялся «людьми» иногда при отсутствіи крестьянъ и бобылей. Бывали случаи, однако, когда на ряду съ «челядью» уже работали слуги и дѣтеныши. Такъ, за Троице Сергіевымъ монастыремъ, судя по писцовымъ книгамъ 1592—1594 гг., въ селахъ, сельцахъ и деревняхъ числилось: въ Костромскомъ уѣздѣ — 6 холопскихъ дворовъ, въ Московскомъ 7 дворовъ дѣтенышей и 6 холопскихъ, далѣе въ Ростовскомъ 1 дворъ служень и 2 двора холопскихъ, наконецъ въ Переяславскомъ уѣздѣ: 23 двора монастырскихъ, да 8 дворовъ коровейныхъ да дворъ дѣтенышевъ да 14 дворовъ служнихъ да 10 дворовъ людскихъ»... и т. д. За Ипатьевскимъ монастыремъ въ Костромскомъ уѣздѣ также числилось въ 1597—1600 гг. 36 дворовъ служнихъ, 16 дворовъ дѣтенышей и 5 холопскихъ [3]). Нельзя какъ видно, пренебрегать количествомъ холоп-

---

1) Переписн. кн. Е. Замысловскимъ, стр. 140.

2) Писц. кн. Московск. госуд., изд. Н. Калачевымъ, т. I, стр. 113, 193, 197 и 220.

3) Писц. кн. Москов. госуд., изд. Н. Калачевымъ, т. I, стр. 850. Н. Рожковъ, Op. cit., стр. 142—143. Существованіе подобнаго рода хозяйствъ, можетъ быть, объясняется ихъ происхожденіемъ: въ имѣніяхъ, вложенныхъ въ монастыря по душѣ вмѣстѣ съ людьми и крестьянами, прежній порядокъ отношеній могъ сохраниться.

скихъ дворовъ, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ монастырскихъ имѣніяхъ конца XVI в., гдѣ они занимаютъ довольно видное мѣсто на ряду съ дѣтенышевыми и служними дворами; слѣдовательно, «замѣна» одного труда другимъ произошла далеко не такъ быстро и всецѣло, какъ склоненъ предполагать г. Дьяконовъ. Приведенные нами тексты любопытны и въ другомъ отношеніи: наряду съ дѣтенышами въ нихъ упомянуты слуги; самъ авторъ признаетъ, что въ монастырскихъ хозяйствахъ замѣною холопскаго труда явился крѣпостной батраческій трудъ: главнымъ образомъ дѣтенышей, а отчасти служебниковъ и служекъ.

Названіе «монастырскіе дѣтеныши», по мнѣнію г. Дьяконова, обнимало не однородную группу населенія монастырскихъ вотчинъ. Въ нее входили: 1) осиротѣвшія крестьянскія и бобыльскія дѣти; 2) обѣднѣвшіе крестьяне и бобыли и 3) наемные люди. Эти разряды существенно различались между собой. Первые два составляли крѣпостное населеніе, послѣдній слагался изъ вольныхъ людей и изъ крѣпостныхъ крестьянъ и бобылей (своихъ и чужихъ). Такое различіе въ значительной мѣрѣ соотвѣтствуетъ расчлененію дѣтенышей на старинныхъ и наймитовъ по оффиціальнымъ памятникамъ» (стр. 303)[1]).

«Дѣтеныши, пишетъ далѣе авторъ, жили или въ монастырскихъ или въ своихъ дворахъ» (стр. 306). При просмотрѣ писцовыхъ книгъ мы выносимъ впечатлѣніе, что численность ихъ, насколько можно судить по отрывочнымъ примѣрамъ, вѣроятно подъ вліяніемъ причинъ, уже указанныхъ нами выше при упоминаніи о подобномъ же явленіи въ исторіи задворныхъ холоповъ, нѣсколько возрастаетъ къ XVII-му вѣку. Такимъ образомъ вышеприведенное утвержденіе автора, вѣроятно, нуждается въ поправкѣ, которую теперь, впрочемъ, при почти полномъ отсутствіи изданныхъ писцовыхъ книгъ XVII в. по уѣздамъ, сдѣлать едва ли возможно[2]). Другая особенность въ положеніи дѣтенышей, по мнѣнію г. Дьяконова, состояла въ томъ, что

---

1) Къ вышеуказаннымъ тремъ группамъ г. Дьяконовъ присоединяетъ на стр. 305 еще четвертую, а именно «дѣтенышей по записямъ или дѣтенышей-порядчиковъ» едва-ли впрочемъ, на достаточно прочныхъ основаніяхъ; о дѣтенышахъ-наймитахъ см. въ Р. И. Б., т. II, № 259.

2) Въ писцовыхъ книгахъ XVI в., изданныхъ Н. Калачевымъ, число дѣтенышевыхъ дворовъ въ отдѣльныхъ имѣніяхъ, даже самыхъ богатыхъ монастырей, какъ напримѣръ, Троице-Сергіевой лавры, если не ошибаемся, крайне рѣдко доходитъ до 20; въ извѣстныхъ намъ уѣздныхъ писцовыхъ книгахъ второй четверти XVII в. дѣтеныши въ особыхъ дворахъ упоминаются гораздо чаще. Въ 1592 - 1593 гг. въ Переяславль-Залѣсскомъ уѣздѣ на 872 двора крестьянскихъ, бобыльскихъ и дѣтенышевыхъ, принадлежавшихъ Троице-Сергіеву монастырю, приходился 1 дв. дѣтенышей, т. е. 0,1%; а въ ближайшемъ съ Переяславскимъ Кашинскомъ уѣздѣ, судя по писцовой книгѣ 7136—7137 гг., въ числѣ 1702 монастырскихъ дворовъ было 67 дѣтенышевыхъ, т. е. около 4% (Писц. кн., изд. Н. Калачевымъ, т. 1, стр. 850 и Писц. кн. Кашинскаго уѣзда въ Арх. Мин. Юст., кн. 173); ср. М. Дьяконовъ, Op. cit., стр. 307.

они отправляли сельскія работы на монастырь за жалованье, мѣсячное или годовое (стр. 305). Указанными чертами дѣтеныши напоминаютъ намъ дѣловыхъ людей въ мірскихъ имѣніяхъ, на что г. Дьяконовъ не обратилъ должнаго вниманія, хотя онъ же и приводитъ текстъ, въ которомъ, повидимому, дѣтеныши названы «дѣтьми дѣловыми» (стр. 306).

Дѣтеныши или «дѣти монастырскіе» обыкновенно «пахали пашню на монастырь». Изрѣдка встрѣчаются однако упоминанія иного рода; г. Дьяконову слѣдовало-бы припомнить, напримѣръ, что въ вотчинѣ Троице-Сергіева монастыря въ станахъ Радонежскомъ и Корзеневѣ въ 1593—1594 гг. было между прочимъ село Клементьевское; въ немъ кромѣ тяглыхъ крестьянъ, оказалось 26 дворовъ непашенныхъ, населеніе которыхъ, вѣроятно, занималось отчасти промыслами и мелкой торговлей, происходившей въ селѣ по воскресеньямъ; въ числѣ не пашенныхъ писцы описали и три двора дѣтенышей [1]).

Кромѣ дѣтенышей въ монастырскихъ хозяйствахъ того времени работали еще служебники, уже извѣстные по актамъ XVI вѣка [2]). Г. Дьяконовъ не попытался выяснить ихъ общественное положеніе, что, впрочемъ, объясняется отчасти скудостью свѣдѣній о немъ. Во всякомъ случаѣ между дѣтенышами и служебниками существовало нѣкоторое сходство. Послѣдніе также набирались, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ изъ крестьянъ; въ Ярославскомъ уѣздѣ, напримѣръ, въ 1670-хъ годахъ, за монастырями числилось «старинныхъ служебниковъ 24 двора, людей 57 человѣкъ, да служебниковъ, которые взяты изъ крестьянъ 24 двора, людей въ нихъ 61 человѣкъ» [3]). Служебники иногда жили на господскомъ дворѣ, иногда и отдѣльно; они повидимому причислялись къ «работнымъ людямъ»; въ числѣ ихъ упоминаются и монастырскіе дворники, и «трудники, сидящіе на пашнѣ»; подобно дѣтенышамъ они получали жалованье, и едва ли не представляли переходнаго состоянія къ служкамъ, такъ какъ въ отличіе отъ дѣтенышей пользовались собственною запашкой [4]).

Между дѣтенышами, служебниками и служками какъ справедливо замѣчаетъ самъ г. Дьяконовъ, «можно указать рядъ сходныхъ чертъ какъ по происхожденію, такъ и по роду занятій» (стр. 305). Дѣйстви-

---

1) Писц. кн. Моск. госуд., т. I, стр. 286.

2) Рус. Ист. Библ., т. V, № 1; ср. Опись Корнильева монастыря въ Спасоприлуцкій 7 Апрѣля 1620 г. о крестьянскихъ повинностяхъ и платежахъ въ Вологодск. губ. вѣд. за 1864 г., № 4.

3) Моск. Арх. Мин. Юст., Писц. кн. Ярославск. уѣзда 7186 г., кн. 7791, лл. 246—247.

4) Переписн. кн., изд. Е. Замысловскимъ, стр. 261, 280, 299. В. Сторожевъ, Къ исторіи сельско-хозяйственнаго быта Костромскихъ монастырей Ипатьевскаго и Богоявленскаго, М. 1894. Отрывокъ изъ книгъ Ипатьевскаго мон., изд. Н. Лихачевымъ; Акты Нижегород. Печ. В. мон., изд. г. Титовымъ, стр. 360 и 361. Вологод. губ. вѣд., за 1864 г., № 4; Н. Рожковъ, Op. cit., стр. 169.

тельно составъ служекъ также пополнялся изъ крестьянъ. Судя по Ярославской писцовой книгѣ 7186 г., напримѣръ, «въ городѣ, въ слободахъ съ посадскими людьми» числилось «монастырскихъ старинныхъ слугъ 29 дворовъ, людей 73 человѣка, да служнихъ же, которые взяты изъ крестьянъ, 14 дворовъ, людей въ нихъ 38 человѣкъ и 4 двора вдовыхъ, людей 5 человѣкъ»[1]); на основаніи приведенной записи можно сказать, что въ служки попадали не одни только дѣти крестьянъ и бобылей, что слѣдуетъ изъ текстовъ, извѣстныхъ г. Дьяконову[2]). Любопытно также указаніе на наемныхъ служекъ, разысканное авторомъ. Несмотря на нѣкоторую общность происхожденія дѣтенышей и служекъ, положеніе ихъ, какъ справедливо выясняетъ г. Дьяконовъ, имѣло свои характерныя особенности. Правда, что и служки иногда живали въ монастырскихъ дворахъ[3]); но такіе случаи, не отмѣченные авторомъ, были повидимому весьма рѣдки; служки обыкновенно занимали особые дворы, которые и упоминаются въ итогахъ писцовыхъ книгъ[4]); отправляя сельскія работы, о которыхъ свидѣтельствуютъ уже писцовыя книги XVI в., а не только приводимыя авторомъ переписныя 7186 г.[5]), служки иногда имѣли собственную запашку взамѣнъ жалованья, когда таковое имъ полагалось. Не мѣшаетъ еще замѣтить, что въ одномъ текстѣ, при упоминаніи о «служней пашнѣ», прибавлено: «а съ тое пашни служатъ они государеву службу и монастырскую»[6]). Во всякомъ случаѣ возможно, что работники, сидѣвшіе въ особыхъ дворахъ на пашнѣ, особенно при размноженіи ихъ въ XVII в., стали замѣнять въ монастыр-

1) Писц. кн. Ярославскаго уѣзда 7186 г. въ Арх. Мин. Юстиціи, кн. 7791 (Опис. № 2956), лл. 246—247. Старинные рабочіе въ данномъ случаѣ, какъ видно, отличаются отъ новоприборныхъ.

2) Переписн. кн., изд. Е. Замысловскимъ, стр. 185, 213, 279 и 280.

3) Писц. кн. Москов. госуд., изд. Н. Калачевымъ, т. II, стр. 418.

4) Писц. кн. Москов. госуд., изд. Н. Калачевымъ, т. I, стр. 193, 221, 265, 808, 872 и 892; т. II, стр. 33, 1431, 1479 и 1488; примѣры перечисленія дворовъ дѣтенышей и слугъ (каждаго разряда отдѣльно) см. ibid., т. I, стр. 850 и 854; т. II, стр. 1210 и 1524.

5) Писц. кн. Москов. госуд., изд. Н. Калачевымъ, т. I, стр. 146 и 198; т. II, стр. 34 и 418. Здѣсь упоминается о «служней пашнѣ». Въ переписной книгѣ всѣхъ селъ и деревень въ вотчинахъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря 1600—1601 гг. было исчислено $2176^1/_2$ чети пустыхъ земель, оставшихся за монастыремъ; «и съ того числа, читаемъ мы далѣе въ той же книгѣ, слугъ монастырскихъ устроено на той пустой землѣ 34 человѣка, а дано по 20 чети человѣку, и того 680 чети; а имъ съ тое пашни служить монастырская служба на своихъ лошадехъ» (Библ. Спб. Дух. Акад. Кир., № 70/1309, лл. 154—156).

6) Укажемъ примѣръ болѣе ранняго происхожденія, чѣмъ тѣ, которые приводитъ авторъ. Въ Талицкой волости Владимірскаго уѣзда въ 1617—1618 гг. за Покровскимъ дѣвичьимъ Суздальскимъ монастыремъ въ вотчинѣ числилось: пашни паханной монастырской земли $8^1/_3$ четв., перелогу $50^2/_3$ четв., служни земли паханной $3^1/_4$ четв., перелогу и пр. $11^7/_8$ четв., крестьянской паханной 16 четв. перелогу $170^7/_8$ четв. (Румянцев. и Публичн. Музей, № 1593: Дозорныя и отказныя книги по Владимірскому уѣзду 1600—1625 гг.). Судя по грамотѣ патріарха Іоакима игумену Николаевскаго Пѣсношскаго монастыря 1688 г. служки получаютъ на ряду съ денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ сѣнные покосы, но не пашню (Акты, собр. М. Дьяконовымъ, в. II, № 94). Углиц. писц. кн., стр. 182.

скихъ имѣніяхъ холоповъ, жившихъ за дворомъ у мірянъ-землевладѣльцевъ; не даромъ въ итогахъ переписныхъ книгъ задворные люди иногда попадали въ одну и ту же статью съ дѣтеньшами и служками [1]).

Хотя положеніе дѣтеньшей, служебниковъ и служекъ нельзя отожествлять съ холопскимъ, однако, едва ли можно считать его и вполнѣ свободнымъ; если припомнить, что въ составъ указанныхъ разрядовъ входило не мало крестьянъ, то и не трудно будетъ высказать предположеніе, что нѣкоторыя изъ явленій, разсмотрѣнныхъ нами выше и происходившихъ въ имѣніяхъ духовенства, были аналогичны съ частнымъ прикрѣпленіемъ.

Слѣдовательно, въ частныхъ имѣніяхъ XVII вѣка вообще происходилъ въ извѣстной мѣрѣ одинъ и тотъ же процессъ взаимнаго сліянія: съ одной стороны холопы постепенно сближались съ крестьянами, съ другой последнихъ легче было переводить въ холопы: привлекая крестьянъ и бобылей, въ особенности лишенныхъ самостоятельныхъ хозяйствъ, въ составъ задворныхъ холоповъ, дѣтеньшей и тому подобныхъ состояній, землевладѣльцы, очевидно, распространяли дѣйствіе хотя бы и смягченнаго холопскаго права на населеніе, первоначально далеко отстоявшее отъ него.

Несомнѣнно, при этомъ, что такому сліянію благопріятствовало и то давленіе землевладѣльцевъ, подъ которое попадали какъ холопы, такъ мало по малу и крестьяне владѣльческихъ имѣній. Г. Дьяконовъ почти вовсе не касается ихъ дѣятельности, хотя она и имѣла важное значеніе не только въ процессѣ частнаго прикрѣпленія, но и въ исторіи прикрѣпленія къ государственному тяглу. Извѣстіе Вассіана Патрикѣева объ «истязаніи бичемъ христіанъ братій нашихъ», въ сущности довольно туманное, авторъ относитъ лишь «къ безнадежнымъ должникамъ» (стр. 78). Г. Дьяконовъ, въ данномъ случаѣ, упустилъ изъ виду нѣсколько позднѣйшее свидѣтельство, гораздо болѣе опредѣленное, чѣмъ слова В. Патрикѣева или даже Максима Грека. П. Соловцовъ, землевладѣлецъ, кажется, Нижегородскаго уѣзда, въ 1627 году составилъ свою духовную, въ которой, между прочимъ, писалъ слѣдующее: «и сиротъ моихъ, которые мнѣ служили, мужей ихъ и женъ и вдовъ и дѣтей, чѣмъ будетъ оскорбилъ, во своей кручинѣ, боемъ по винѣ и не по винѣ и къ женамъ ихъ и ко вдовамъ насильствомъ, дѣвственнымъ растлѣньемъ, а иныхъ еми грѣхомъ своимъ и смерти предалъ, согрѣшилъ во всемъ и предъ ними виноватъ: простите меня грѣшнаго и благословите и разрѣшите мою грѣшную душу въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ...»; и далѣе: «также крестьянъ моихъ и крестьянокъ, чѣмъ кого оскорбилъ въ своей кручинѣ, ласю и ударомъ и продажею по винѣ и не по винѣ, во всемъ передъ ними виноватъ: простите меня и благословите и разрѣшите мою

1) Переписн. кн., изд. Е. Замысловскимъ, стр. 161.

грѣшную душу въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ...» [1]). Подъ давленіемъ землевладѣльцевъ, находившемъ отчасти опору въ ихъ правахъ и полномочіяхъ [2]), указанные процессы, вѣроятно, происходили быстрѣе обыкновеннаго: землевладѣльцы насильно принуждали вольныхъ людей поступать въ холопы [3]) и произвольно сажали холоповъ во крестьяне. Развитіе служилаго землевладѣнія со второй половины XVI-го вѣка также должно было содѣйствовать ухудшенію фактическаго положенія крестьянъ, отражавшагося, конечно, и на юридическомъ ихъ состояніи. Изрѣдка крестьяне, повидимому, пытались оградить себя отъ злоупотребленій помѣщиковъ: порядчики въ поморскихъ уѣздахъ иногда включали въ свои порядныя условіе о томъ, чтобы владѣлецъ снимаемаго ими участка не «выслалъ ихъ вонъ» изъ своей деревни до истеченія срока порядной, въ противномъ случаѣ обязывая его уплатой пени [4]). Кромѣ того, сохранилась запись новгородскаго помѣщика И. Панова данная имъ своему крестьянину въ 1647 году; «и мнѣ, Ивану Панову, читаемъ мы въ ней, ево Ивашка не изгонить и никому ево не продать и не промѣнить и въ заставу не заложить и никакова дурна надъ нимъ не учинить и держати ево мнѣ, Ивану, во крестьянехъ, какъ протчіе дворяне крестьянъ у собя держатъ»; въ противномъ случаѣ «Ивашко» получалъ право «прочь отойти на всѣ четыре стороны» [5]). Сдѣлки подобнаго рода, кажется, были чрезвычайно рѣдки и не могли оградить громадное большинство крестьянскаго населенія отъ угрожавшаго ему рабства. Къ сожалѣнію, г. Дьяконовъ не выяснилъ значеніе отмѣченнаго нами фактора въ исторіи прикрѣпленія, ограничившись указаніями на тѣ сдѣлки на крестьянъ первоначально съ землею, а потомъ и безъ земли, которыя были уже въ полномъ ходу въ первой половинѣ XVII вѣка [6]). Вѣроятно, на основаніи собранныхъ имъ извѣстій и сложилось у автора мнѣніе, что вторая половина XVII вѣка — время «полнаго господства крѣпостныхъ порядковъ» (стр. 14, 15); мы думаемъ, однако, что о «полномъ господствѣ» можно говорить только съ того времени, когда произошло окончательное сліяніе холоповъ съ крестьянами, признанное и утвержденное указами первой четверти XVIII-го вѣка.

---

1) А. о. до Ю. Б., т. I, № 86, 1.

2) Акты и проч., собр М. Дьяконовымъ, в. I, прил. № 2.

3) Доп. къ А. И., т. II, № 35; Влад. губ. вѣд. 1858 г., № 7. Челобитная кабальнаго человѣка А. Изотова, принадлежавшаго покойному И. С. Давыдову, на его жену и дѣтей, не желающихъ выдать отпускной А. Изотову: челобитчикъ жаловался на то, что они его удерживаютъ насильно и, оковавъ, на морозъ въ оnбары мечутъ и, всякими непретерпимыми побои побивъ, замертво покидаютъ, «а велятъ ему неволею на себя служилую кабалу дати».

4) Р. И. Б., т. XIV, стб. 101, 103 и 356.

5) Акты и пр., собр. М. Дьяконовымъ, в. I, № 40.

6) Акты и пр., собр. М. Дьяконовымъ, в. I, № 49; в. II, №№ 33, 50, 52, 60, 73 и 91.

Такимъ образомъ, «отрывочность» изложенія, которую г. Дьяконовъ самъ признаетъ въ своей книгѣ, кажется, особенно сильно обнаруживается при изображеніи имъ того фактора прикрѣпленія, который можно назвать «охолопленіемъ» крестьянства. Тѣмъ не менѣе и въ этой области авторъ сообщаетъ много новаго и свѣжаго матеріала (напр., ссудную запись въ задворные люди, записи въ дворовые и крестьяне «послѣдовательно или альтернативно», поступную на крестьянъ безъ земли 1598 г. и т. п.) и, не формулируя новыхъ общихъ выводовъ, во многомъ однако исправляетъ мнѣнія уже высказанныя въ литературѣ, дополняя ихъ частными заключеніями, большинство которыхъ, вѣроятно, не замедлитъ войти въ научный оборотъ.

VI.

Ни причины, вызывавшія частное прикрѣпленіе владѣльческихъ крестьянъ (гл. III), ни обстоятельства способствовавшія его усиленію и распространенію (гл. V), не могли, конечно, послужить основаніемъ государственнаго прикрѣпленія сельскаго населенія къ тяглу, хотя и вызвали его, какъ реакцію противъ процесса, наносившаго существенный ущербъ казнѣ: московское правительство не замедлило обратить вниманіе на то, какъ благодаря развитію частнаго прикрѣпленія множество крестьянъ выбывало изъ числа плательщиковъ и противъ него направило прикрѣпленіе къ государственному тяглу, по крайней мѣрѣ въ тотъ періодъ времени, который изучилъ г. Дьяконовъ (XVI—XVII вв.). Съ иной точки зрѣнія правительство смотрѣло на старину и фикцію принадлежности: оно содѣйствовало ихъ развитію, поскольку пользовалось ими, какъ основаніями государственнаго прикрѣпленія сельскаго населенія къ тяглу. Авторъ разбираемаго нами труда не опредѣлилъ, въ какомъ отношеніи частное прикрѣпленіе стояло къ государственному, но онъ не мало потрудился надъ выясненіемъ послѣдняго процесса; въ силу принятаго имъ плана онъ разсматриваетъ его, однако, порознь примѣнительно къ исторіи отдѣльныхъ слоевъ тяглаго населенія. При такихъ условіяхъ г. Дьяконовъ не даетъ цѣльнаго изображенія въ своихъ очеркахъ изучаемаго имъ явленія; онъ не указываетъ также и тѣхъ основныхъ моментовъ, на которые естественно распадается его эволюція.

Первоначально московское правительство стремилось удержать наличныя платежныя силы въ тяглѣ; такую именно цѣль и имѣли мѣры государственнаго прикрѣпленія крестьянъ, половниковъ и бобылей; замѣтивъ, однако, что несмотря на указанныя мѣропріятія многіе тяглецы продолжаютъ ускользать изъ тягла, попадая въ составъ того сельскаго населенія, ко-

торое до XVII в. не было налогоспособнымъ, т. е. въ ряды задворныхъ людей и монастырскихъ дѣтенышей, оно постаралось и ихъ привлечь къ обложенію. Разсмотримъ съ указанныхъ нами точекъ зрѣнія тѣ выводы, къ которымъ пришелъ авторъ при изученіи прикрѣпленія сельскаго населенія Московскаго государства, сидѣвшаго на частновладѣльческихъ земляхъ, къ тяглу и привлеченія его къ обложенію [1]).

Къ сожалѣнію, г. Дьяконовъ нигдѣ опредѣленно не указываетъ, въ какихъ процессахъ, по его мнѣнію, главнымъ образомъ, обнаружилось государственное прикрѣпленіе къ тяглу. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что таковыми являются: 1) постепенное ограниченіе вольнаго перехода и 2) превращеніе оброчниковъ въ тяглецовъ.

Постепенное ограниченіе вольнаго перехода коснулось прежде всего крестьянъ старожильцевъ, а затѣмъ новопорядчиковъ; мало по малу захватывая все большее число населенія, оно вскорѣ распространилось и на остальные классы сельскихъ тяглецовъ, сидѣвшихъ на частновладѣльческихъ земляхъ.

Старинные крестьяне были въ XV—XVI вв. тяглецами по преимуществу, во первыхъ, вѣроятно, въ виду особаго положенія ихъ въ тяглой общинѣ; во вторыхъ, потому, что сама старина отчасти складывалась подъ вліяніемъ тягла. Г. Дьяконову слѣдовало обратить вниманіе на эти обстоятельства, ибо ими, какъ намъ кажется, объясняется и подкрѣпляется одинъ изъ главнѣйшихъ его выводовъ о податномъ положеніи старожильцевъ. Въ самомъ дѣлѣ можно предполагать, что старожильцы были обыкновенно и самыми состоятельными членами общины; не даромъ бѣднѣйшіе изъ нихъ назывались «молодшими», а терминъ «обмолодалъ», часто замѣняли въ старинныхъ актахъ однозначущимъ выраженіемъ: «оскудалъ» [2]). Ясно, что первые поселенцы, превращавшіеся въ старожильцевъ, занимали лучшія земли и угодья въ округѣ, предоставляя худшіе участки новоприходцамъ. Наблюдатели современной крестьянской общины въ наиболѣе первичныхъ ея формахъ обратили вниманіе на то, что «старожительскія души имѣютъ право оставлять за собой любую часть своей старины, лучшія полосы въ каждомъ сортѣ земли; причемъ имѣютъ обыкновенно землю каждаго сорта въ одной полосѣ, а иногда — и всѣ сорта въ одномъ участкѣ (а не разбросанно)» [3]).

---

1) Въ виду краткости мы будемъ называть первый изъ указанныхъ нами процессовъ — прикрѣпленіемъ къ тяглу, а второй — привлеченіемъ къ обложенію. Г. Дьяконовъ касается мимоходомъ прикрѣпленія въ черныхъ волостяхъ (въ 3-мъ очеркѣ); но такъ какъ главная его тема иного рода (см. выше), то мы и не будемъ выходить изъ ея предѣловъ въ предлагаемой рецензіи.

2) Отдѣльные примѣры можно найти въ актахъ, приводимыхъ самимъ г. Дьяконовымъ, Op. cit., стр. 216 и 300.

3) А. Кауфманъ, Op. cit., стр. 143.

Нѣчто подобное могло происходить въ древнее время и въ центральной области Московскаго государства даже при отсутствіи земельныхъ передѣловъ, а тѣмъ паче предполагая постепенное развитіе ихъ уже въ позднѣйшій періодъ нашей исторіи. Во всякомъ случаѣ старожильцы, будучи «семьянистыми крестьянами», вѣроятно, находили и другіе способы сохранить за собою преимущества сравнительно съ «безсемейными», на что последніе иногда били челомъ государю [1]). Г. Дьяконовъ не попытался выяснить особенности въ положеніи старожильцевъ, какъ членовъ тяглой общины, хотя оно, очевидно, оказывало вліяніе и на прикрѣпленіе ихъ къ тяглу. Авторомъ также почти не затронуто значеніе его въ образованіи самой старины. Было время, когда Московское правительство не придавало большого значенія началу старины. Такъ напримѣръ, въ 1423 году великій князь Василій Дмитріевичъ предоставилъ «тѣмъ людемъ, кого Спасско-Благовѣщенскій монастырь къ себѣ на тѣ пустоши перезоветъ и тутошнихъ старожильцевъ», свободу отъ разнаго рода податей; подобныя же указанія встрѣчаются и въ другихъ актахъ первой половины XV в. [2]); иногда свѣдѣнія менѣе опредѣленны: «а хто будетъ старожильцовъ моихъ людей, читаемъ мы въ жалованной грамотѣ великаго князя Василія Васильевича 1451 года на два села Гороховской волости, данныя Спасо-Евфимьеву монастырю, — и съ тѣхъ деревень розошлись, а придутъ опять на свои мѣста ино имъ не надобѣ [прежній] оброкъ на два года, а уйдутъ два года и они даютъ по старому...» [3]). Въ данномъ случаѣ, какъ видно, переходъ старожильцевъ не вызываетъ противъ себя какихъ либо спеціальныхъ мѣропріятій можетъ быть потому, что дѣло идетъ не о дворцовыхъ, а о монастырскихъ вотчинахъ. Какъ бы то ни было, позднѣе само Московское правительство, разумѣется, стало признавать дѣйствіе писцовой старины. «Лѣта 177-го, читаемъ мы, напримѣръ, въ одномъ актѣ, отдалъ по старинѣ во крестьянство Родка... пусторжевцу К. Беклемишеву, потому что отецъ его, Родкинъ, написанъ въ писцовой книгѣ за дѣдомъ его за Андреемъ Беклемишевымъ, а помѣстье его Андреево отдано ему К. Беклемишеву» [4]). Въ приведенной записи понятіе о старинѣ, кажется, переплетается съ фикціей принадлежности, причемъ и тѣмъ и другимъ мотивируется «отдача Родьки». Кромѣ того, въ памятникахъ мы постоянно встрѣчаемъ выраженія въ родѣ слѣдующаго: «село такое то и съ деревнями, кои деревни изстари къ нему потягли» [5]). Стариннымъ крестьяниномъ съ финан-

1) Акты и пр., собр. М. Дьяконовымъ, в. II, № 66.

2) А. Э., т. I, №№ 21, 23, 39 и 51.

3) Сборникъ актовъ, изд. Н. Лихачевымъ, стр. 163.

4) М. Дьяконовъ, Op. cit., приложеніе № 3.

5) Акты, представленные въ Разрядъ и собр. А. Юшковымъ, №№ 3, 9 и др. Акты и пр., собр. А. Ѳедотовымъ-Чеховскимъ, т. I, № 94 (стр. 270).

совой точки зрѣнія можно было назвать такого сельскаго жителя, который издавна сидѣлъ на тягломъ участкѣ или возвращался на прежній тяглый жеребей, хотя бы онъ и не сразу оказывался способнымъ продолжать выплачивать лежавшія на немъ подати. Сами крестьяне писали иногда въ порядныхъ, что «они крѣпки своимъ государямъ по своимъ тяглымъ участкамъ» [1]). Записка въ писцовыя книги, которая имѣла такое значеніе для доказательства старины, въ сущности одновременно свидѣтельствовала о припискѣ даннаго лица къ тяглу (или къ данному тяглому обществу), въ виду чего и составлялись самыя книги. Сыскъ крестьянъ въ старинныхъ дѣлахъ иногда мотивированъ въ такомъ же смыслѣ: напримѣръ, въ 1631 году велѣно было крестьянина А. Сергѣева съ семьей «перевести назадъ за государя на старину... на старый его жеребей на тягло (и на пашню) по прежнему» [2]). Наблюденія подобнаго рода, кажется, свидѣтельствуютъ, что частью съ владѣльческой, а главнымъ образомъ съ правительственной точки зрѣнія старожильцемъ оказывался тотъ, кто не только издавна сидѣлъ на данномъ участкѣ, но и изстари тянулъ тягло со своего жеребья. Указанная точка зрѣнія можетъ быть повліяла и на то различіе, которое проводится между старожильцами и «инокняжцами» въ великокняжескихъ грамотахъ. «А тутошнихъ людей становыхъ, читаемъ мы въ одной изъ нихъ, данной нижегородскимъ княземъ Александромъ Ивановичемъ Благовѣщенскому монастырю (1410—1417 гг.), игуменъ въ монастырь не приметъ; а кого къ себѣ игуменъ призоветъ людей изъ иного княженія, а не изъ моее отчины и тѣмъ людемъ пришлымъ не надобѣ моа дань... ни иныа никотораа пошлина на десять лѣтъ; а уживутъ десять лѣтъ и они потянутъ съ старожильцы по силѣ...» [3]). Старожильцы, какъ видно, въ данномъ случаѣ отличаются отъ инокняжцевъ тѣмъ, что, будучи «тутошними» людьми, оказываются старинными тяглецами въ противуположность пришлымъ людямъ, перезваннымъ на льготу изъ «иныхъ княженій» [4]).

Если вышеприведенныя соображенія правильны, то и выводы г. Дьяконова относительно тяглаго значенія старожильцевъ станутъ понятными. Между тѣмъ авторъ, не останавливаясь на объясненіи причинъ такого явленія, лишь констатируетъ его существованіе. Внимательное изученіе древнѣйшихъ извѣстій о старожильцахъ приводитъ его къ двумъ заключеніямъ, кажется, вполнѣ прочно имъ установленнымъ: во 1-хъ, автору удалось доказать, что податное положеніе старожильцевъ было менѣе выгоднымъ, чѣмъ положеніе новоприходцевъ, ибо въ силу болѣе или менѣе общаго пра-

1) Акты и пр., собр. М. Дьяконовымъ, в. I, № 43.
2) М. Дьяконовъ, Op. cit., стр. 59; ср. стр. 72.
3) А. Э., т. I, № 17.
4) Акты, представленные въ Разрядъ и собр. А. Юшковымъ, №№ 8, 12, 15 и 27.

вила, послѣдніе бывали обложены легче первыхъ; во 2-хъ, согласно ранѣе уже сдѣланнымъ наблюденіямъ [1]) онъ указалъ и на то, что старожильцы стали терять право перехода (уже въ силу первыхъ извѣстныхъ намъ грамотъ 1455—1462 гг., содержащихъ свѣдѣнія о немъ) раньше другихъ разрядовъ крестьянъ, причемъ такая норма была признана и цѣлымъ рядомъ послѣдующихъ правительственныхъ указовъ (стр. 22—31). Нельзя не замѣтить, однако, что порядокъ, указанный г. Дьяконовымъ едва ли дѣйствовалъ вполнѣ однообразно во всѣхъ русскихъ княжествахъ XV-го и начала XVI-го вѣка. Въ жалованныхъ грамотахъ князей Бѣлозерскихъ, Вологодскихъ, Угличскихъ и Волоцкихъ встрѣчается формула, кажется, нѣсколько отличная отъ той, которой обыкновенно держались московскіе князья: запрещая грамотчикамъ принимать людей изъ своихъ отчинъ, князья вышеназванныхъ княжествъ прибавляли: «и кого онъ (грамотчикъ) изъ иныхъ княженій или кого окупивъ посадитъ, и тѣмъ людемъ, старожильцомъ, и пришлымъ и окупленнымъ не надобѣ моя дань и проч.»; о какихъ старожильцахъ здѣсь идетъ рѣчь, не ясно, а между тѣмъ г. Дьяконовъ не останавливается на выясненіи значенія подобныхъ формулъ, какъ будто уравнивающихъ «старожильцовъ» съ людьми «пришлыми и окупленными» [2]). Въ одной изъ жалованныхъ грамотъ того времени (1451 года), отличающейся тою же формулировкой, въ концѣ прибавлено: «а отсѣдятъ старожильци три годы, а пришлые десятъ лѣтъ, ино даютъ въ казну оброку князю — столько то» [3]); но въ началѣ грамоты не было точно указано срока льготы отъ дани и прочихъ «пошлинъ», такъ что князь не различалъ старожильцевъ отъ пришлыхъ настолько, насколько и тѣ и другіе были освобождены отъ тягла, и, вообще такого добавленія въ вышеприведенныхъ актахъ не имѣется. Г. Дьяконову слѣдовало также обратить вниманіе и на то, что князья разныхъ княжествъ различно относились къ праву перехода: Московскіе князья уже въ XV в. запрещали перезывать «издѣшнихъ людей» не только «письменныхъ», но и «не письменныхъ», тогда какъ въ жалованныхъ грамотахъ князей Рязанскихъ (1497—1519 гг.) землевладѣльцамъ все еще разрѣшается «призывать къ себѣ» «издѣшнихъ людей не письменныхъ» [4]). Вѣроятно, старожильцы были по преимуществу «письменными людьми», тогда какъ новоприходцы чаще всего входили въ составъ «неписьменныхъ», если только не разумѣть подъ этими категоріями спеціальные разряды населенія, что кажется намъ

---

1) В. Ключевскій, Op. cit., стр. 38—39.

2) А. Э., т. I, № 374; А. И., т. I, №№ 74 и 108; Доп. къ А. И., т. I, № 17.

3) Доп. къ А. И., т. I, № 193.

4) Акты, представленные въ Разрядъ и собр. А. Юшковымъ, № 15 (грамота в. к. Василія II, 1461 г.) и №№ 40, 53, 54, 57 и 111 (грамоты в. к. Рязанскихъ 1497—1519 гг.).

менѣе вѣроятнымъ [1]). Въ такомъ случаѣ, принимая первое изъ высказанныхъ нами предположеній, мы придемъ къ заключенію, что собственно въ великомъ княжествѣ Московскомъ право вольнаго перехода было ограничено строже, чѣмъ въ другихъ княжескихъ территоріяхъ (Рязанской) XV в. и, можетъ быть, касалось не однихъ старожильцевъ. Впрочемъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что свобода ихъ передвиженія далеко еще не была стѣснена окончательно: сохранилось множество грамотъ XV и первой половины XVI-го вѣка, въ силу которыхъ землевладѣльцы имѣли право «призывать къ себѣ жить всякихъ людей», причемъ о старожильцахъ ничего не сказано [2]). Обратное правило было выражено лишь въ позднѣйшее время; оно ясно изложено въ одномъ наказѣ 1612 года дворцовому прикащику Обонежскихъ волостей. «Старыхъ крестьянъ, читаемъ мы здѣсь изъ тѣхъ погостовъ никуда не выпущати и возити ихъ изъ за государя никому не давати, а за государя въ тѣ погосты крестьянъ до государева указу ни изъ за кого не возити жъ, опроче вольныхъ людей; а будетъ которые крестьяне, отъ отцовъ дѣти и отъ братьи братья и отъ дядь племянники и бобыли и иные какіе вольные люди похотятъ взяти пустые выти въ жило и на лготу: и ему (прикащику) тѣхъ людей на пустые выти на пашню въ жило и на лготу сажати...» [3]). Однородныхъ принциповъ правительство держалось и относительно старожильцевъ въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ. Замѣчанія, сдѣланныя нами выше, какъ видно, однако, не мѣняютъ по существу заключеній, высказанныхъ г. Дьяконовымъ, если относить ихъ преимущественно къ позднѣйшему времени (XVI—XVII вв.), тѣмъ болѣе, что самъ онъ не увлекаясь своими обобщеніями въ одномъ изъ своихъ очерковъ вноситъ нѣсколько ограниченій касательно ихъ примѣненія. Благодаря внимательному наблюденію надъ жизненною практикою того времени, авторъ приходитъ къ заключенію, что старинные крестьяне, бѣжавшіе отъ одного господина, могли «застарѣть» у дру-

1) Въ жалованной грамотѣ в. к. Василія III Троицкому Сергіеву монастырю 1533 г. мы читаемъ: «И азъ, князь великій, игумена съ братіею пожаловалъ: призывати имъ въ то сельцо и въ деревни тѣхъ же людей, которые изъ того сельца и изъ деревень разошлись, да и не письменныхъ и не тяглыхъ; а письменныхъ людей и тяглыхъ изъ иныхъ волостей не звати и не пріимати»... «а какъ [вновь призванные] отсидятъ свои лѣта урочные [т. е. срокъ льготы] и они потянутъ въ мою великаго князя дань и во всякіе потуги съ тяглыми людьми, съ черными, по письму по сохамъ» (Акты и пр., собр. М. Дьяконовымъ, в. II, № 7). Оброчники, напротивъ, кажется, отличались отъ людей «письменныхъ»; освобождая въ 1448—1449 гг. крестьянъ села Шухобалова отъ тягла, великій князь Василій Васильевичъ предоставилъ игумену Троице-Сергіева монастыря взамѣнъ его платить «з году на годъ оброкомъ...» «а писцы мои и даньщики, читаемъ мы далѣе въ той же грамотѣ, тѣхъ людей въ мою дань не пишутъ» (Моск. Арх. Мин. Юст., Грам. Кол. Экон., Арх. 3, Хрон. 14553).

2) А. Э., т. I, №№ 75, 88, 135, 136, 149, 152, 154, 158, 164, 166, 171, 215, 218, 300 и 371; А. И., т. I, №№ 13, 83, 87 и 115; Р. И. Б., т. II, №№ 6, 7, 8 и 9.

3) Доп. къ А. И., т. I, № 167.

гого (стр. 52—57); обычай такого рода нисколько не исключалъ, однако, появленія строгихъ мѣръ, направленныхъ вообще противъ бѣглыхъ крестьянъ уже въ первой половинѣ XVII вѣка, не говоря о второй (стр. 57—63); тѣмъ не менѣе, отодвигая репрессивныя мѣры противъ крестьянскихъ переходовъ до времени изданія Уложенія, авторъ не забываетъ отмѣтить, что и послѣ него въ правительственной практикѣ «урочные годы» все еще находили себѣ признаніе (стр. 63—66).

Мѣры, стѣснявшія право вольнаго перехода, не замедлили, конечно, распространиться и на крестьянъ-новопорядчиковъ (а также бобылей). Въ изученіи этого процесса нельзя не замѣтить существеннаго пробѣла въ изложеніи г. Дьяконова: онъ почти вовсе не подвергаетъ изслѣдованію мотивовъ и цѣлей государственнаго прикрѣпленія, охватившаго мало по малу всѣхъ совершеннолѣтнихъ крестьянъ, не останавливается и на обсужденіи указа 1597 года, его ближайшихъ поводовъ и послѣдствій. Г. Дьяконовъ прямо переходитъ къ изученію крестьянскаго прикрѣпленія въ началѣ XVII в., когда самое его существованіе «не оставляетъ, кажется, никакихъ сомнѣній у изслѣдователей». «Отразился ли этотъ фактъ на условіяхъ крестьянскаго поряда? — таковъ основной вопросъ, продолжаетъ авторъ, съ котораго мы должны начать нашъ обзоръ». (стр. 82). Формально «господствующій до Уложенія порядокъ составленія записей въ крестьянство остался, по мнѣнію автора, вопреки Уложенію (и противуположнымъ мнѣніямъ нѣкоторыхъ изъ современныхъ намъ изслѣдователей) въ полной силѣ до конца XVII вѣка и вовсе не былъ измѣненъ Уложеніемъ» (стр. 84—85). Содержаніе записей, однако, потерпѣло довольно существенныя измѣненія: въ порядныхъ XVII в., напримѣръ, уже есть новое условіе о «невыходѣ изъ-за землевладѣльца вообще» (стр. 96), причемъ встрѣчаются указанія и на обезпеченіе его; въ нѣкоторыхъ записяхъ изложенъ даже порядокъ судебнаго преслѣдованія ушедшаго порядчика. Кромѣ того, благодаря смѣшенію подмоги съ ссудой, приводившей къ постепенной замѣнѣ одной другою (см. выше), крестьянскія порядныя мало по малу уступали мѣсто ссуднымъ. «Только распространенностью ссуды, замѣчаетъ г. Дьяконовъ, обыденностью такого явленія и можно объяснить, почему крестьянскія порядныя записи въ XVII вѣкѣ все чаще и чаще стали называться ссудными записями, пока, наконецъ, это послѣднее названіе не сдѣлалось господствующимъ» (стр. 124). Подобнаго рода практика не исключала, впрочемъ, переживанія порядныхъ стараго типа, иногда довольно сильно сказывавшагося въ нѣкоторыхъ областяхъ (стр. 133); тѣмъ не менѣе новый родъ договоровъ, очевидно, развивался, и подобно порядньмъ, содержалъ санкцію о невыходѣ: крестьяне становились «крѣпкими за своими землевладѣльцами по ссуднымъ записямъ» и правительство на основа-

нія такихъ документовъ «отдавало» ихъ прежнимъ господамъ, изъ за которыхъ они или дѣти ихъ вышли на волю[1]). Весьма любопытны также выводы, къ которымъ приходитъ г. Дьяконовъ благодаря своимъ наблюденіямъ надъ примѣненіемъ законодательныхъ нормъ XVII-го вѣка объ урочныхъ лѣтахъ или объ отмѣнѣ ихъ. На основаніи извѣстнаго намъ матеріала мы можемъ иной разъ прослѣдить, какимъ образомъ складывались нѣкоторыя изъ подобнаго рода нормъ. Такъ напримѣръ, изъ одной грамоты, данной Троицкому Сергіеву монастырю видно, что въ 1613—1614 гг. велѣно было сыскивать и вывозить Троицкихъ крестьянъ за девять лѣтъ. Вслѣдъ за тѣмъ дворяне и дѣти боярскіе украинныхъ и замосковныхъ городовъ били челомъ государю «о бѣглыхъ крестьянѣхъ въ урочныхъ лѣтѣхъ, что бѣглымъ крестьянамъ указано было урочныхъ — пять лѣтъ». Государь пожаловалъ челобитчиковъ и въ 1638 г. «указалъ урочныя лѣта противъ Троице-Сергіева монастыря». Вскорѣ по примѣру дворянъ и дѣтей боярскихъ и иноземцы (нѣмцы и поляки) подали государю челобитье о томъ же. Въ 1639 году состоялся указъ, въ силу котораго было разрѣшено «судъ давать иноземцамъ на бѣглыхъ крестьянъ во крестьянствѣ противъ того, какъ указано дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ изъ городовъ за 9 лѣтъ». Наконецъ, въ 1640—1641 году послѣдовалъ указъ и болѣе общаго содержанія объ установленіи, по примѣру частнаго указа 1629 г., одной общей исковой давности въ 10 лѣтъ для всякихъ бѣглыхъ крестьянъ[2]). Въ исторіи возникновенія приведенной нормы мы усматриваемъ, такимъ образомъ, любопытное примѣненіе правительственнаго распоряженія казуистическаго характера къ новымъ случаямъ и окончательное обобщеніе его въ указѣ 1640—1641 гг. Факты подобнаго рода хорошо извѣстны и г. Дьяконову; но онъ не воспользовался ими для того, чтобы выяснить указанный нами ростъ Московскаго законодательства по вопросу объ ограниченіи права вольнаго перехода до обнародованія Уложенія. Гораздо обстоятельнѣе изучаетъ авторъ то отношеніе, въ которомъ стояли правительственныя распоряженія о бѣглыхъ до и послѣ 1649 г. къ извѣстнымъ статьямъ Уложенія. «Практикѣ первой половины XVII вѣка,—пишетъ онъ, хорошо были извѣстны не только взысканіе владѣнія за бѣглыхъ крестьянъ, но и пени за держаніе бѣглыхъ». Такая практика была признаваема самимъ правительствомъ и едва ли не возникла по его собственному почину.

1) А. Ю., № 203, II; Тверскіе акты, изд. подъ ред. С. Шумакова, вып. II, стр. 18—19; Акты и пр., собр., М. Дьяконовымъ, вып. I, № 70.

2) А. Э., т. III, № 66 и А. И., т. III, №№ 58 и 160. Г. Дьяконовъ утверждаетъ, что указъ 1638 г. извѣстенъ намъ лишь по ссылкѣ на него въ челобитьи иноземцевъ (Акты Моск. госуд., т. II, № 160; А. Э., т. IV, № 14); но онъ давно уже въ извлеченіи напечатанъ въ сборникѣ Л. Максимовича (Л. Максимовичъ, Указатель Россійскихъ Законовъ, т. I, стр. 150), гдѣ помѣченъ 1640 г., янв. 15-мъ. — Указъ 1640—1641 см. въ А. И., т. III, № 92 XXXIII.

Такъ какъ въ исторической литературѣ на ея существованіе до обнародованія Уложенія не было обращено надлежащаго вниманія изслѣдователями, то факты, отмѣченные г. Дьяконовымъ, слѣдуетъ признать цѣнною новинкой въ исторіи прикрѣпленія (стр. 57). Не менѣе самостоятельно отнесся авторъ и къ «отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ» въ Уложеніи. По общему признанію самою крупною новостью Уложенія въ исторіи крестьянскаго прикрѣпленія, на ряду съ закрѣпленіемъ всѣхъ членовъ крестьянской семьи, является полная и безусловная отмѣна урочныхъ лѣтъ. Благодаря разысканіямъ г. Дьяконова, оказывается, что такое нововведеніе было отнюдь не столь рѣшительно, какъ обыкновенно думаютъ. «Вслѣдъ за статьею, оповѣстившей объ отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ, замѣчаетъ г. Дьяконовъ, въ Уложеніи стоитъ статья, въ силу которой было запрещено давать судъ на бѣглыхъ крестьянъ и бобылей, если въ писцовыхъ книгахъ они записаны бѣглыми, а челобитья о нихъ по то время ни на кого не бывало. Этотъ отказъ въ судѣ мотивированъ тѣмъ, что владѣльцы «во многіе годы о тѣхъ своихъ крестьянѣхъ ни на кого государю не бивали челомъ» (XI, 5). Помимо своей практической важности, таже статья представляетъ большой интересъ съ другой стороны: изъ нея явствуетъ, что Московское правительство и съ отмѣной урочныхъ лѣтъ вовсе не отказалось отъ примѣненія начала давности къ искамъ о бѣглыхъ крестьянахъ. Законодательная политика московскаго правительства послѣ Уложенія даетъ тому нѣсколько подтвержденій, которыя и приводятся авторомъ in extenso (стр. 63 и сл.). Въ правительственныхъ распоряженіяхъ послѣ Уложенія касательно бѣглыхъ крестьянъ, г. Дьяконовъ усматриваетъ, однако, существенныя отличія отъ предшествующихъ мѣропріятій. Правда «урочные годы» не исчезли изъ практики и послѣ отмѣны ихъ Уложеніемъ 1649 года; но они были вновь созданы отдѣльными указами въ формѣ гораздо менѣе выгодной для интересовъ землевладѣльцевъ, чѣмъ то было раньше. Вмѣсто точно опредѣленнаго и всѣмъ заранѣе извѣстнаго срока для исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ, отдѣльные указы создавали совершенно произвольные сроки давности, устраняя совсѣмъ неожиданно для владѣльцевъ пріобрѣтенныхъ правъ массу исковыхъ притязаній о возвращеніи бѣглыхъ людей и крестьянъ. Возможно, что къ принятію такихъ радикальныхъ мѣръ Московское правительство второй половины XVII вѣка вынуждено было тѣми же соображеніями, какія столѣтіемъ раньше побудили то же правительство къ изданію перваго ограничительнаго указа объ искахъ на бѣглыхъ крестьянъ, т. е. возрастающая трудность разобраться въ такихъ искахъ по мѣрѣ того, чѣмъ дольше они не возбуждаются». (Стр. 66). Всѣ вышеприведенные выводы г. Дьяконова о томъ отношеніи, въ какомъ находились общія нормы закона къ правительственной практикѣ, имѣютъ существенное значеніе

не только для болѣе правильнаго пониманія крѣпостной политики Московскаго правительства въ XVII вѣкѣ, но и для общей исторіи Московскаго законодательства, почему мы и сочли возможнымъ нѣсколько остановиться на изложеніи ихъ, тѣмъ болѣе, что авторъ не позаботился свести свои взгляды въ одно цѣлое.

Итакъ, прикрѣпленіе крестьянъ къ тяглу съ XVII в., за вышеприведенными ограниченіями, не вызываетъ сомнѣній. Болѣе спорнымъ оказывается вопросъ о тягломъ характерѣ половниковъ. Г. Дьяконовъ, можетъ быть, правъ, признавая участіе ихъ въ уплатѣ тягла (стр. 156—173), но едва ли основательно считаетъ ихъ совершенно такими же тяглецами, какъ и крестьяне. Нѣсколько увлекшись своею точкой зрѣнія, г. Дьяконовъ забываетъ оттѣнить двѣ особенности въ положеніи половниковъ: во 1-хъ, судя по значительному большинству порядныхъ въ половничество, они садились на чужой землѣ на опредѣленные сроки, которые въ XVI вѣкѣ обыкновенно не превышали десяти лѣтъ и возрасли въ XVII столѣтіи [1]); во 2-хъ, подати за половниковъ, а иногда, какъ сказано въ порядныхъ, и «мимо нихъ» платили землевладѣльцы (стр. 175). Такихъ условій обыкновенно не встрѣчается въ крестьянскихъ порядныхъ. Между тѣмъ благодаря имъ половники въ сущности могли и не быть постоянными тяглецами, ибо каждый изъ нихъ по истеченіи срока въ силу своей порядной имѣлъ право перейти на новый участокъ, не посадивъ на свое мѣсто другого тяглеца; въ памятникахъ встрѣчаются прямыя указанія на такое именно отличіе половниковъ отъ крестьянъ; «и въ тѣхъ дворехъ, читаемъ мы въ одномъ актѣ 1687 года, живутъ половничишка наши вольные погодно, а не вѣчные крестьяне» [2]). Далѣе въ числѣ половниковъ нерѣдко встрѣчаются безземельные наймиты или оброчники, что разумѣется, не свидѣтельствуетъ о тягломъ ихъ значеніи [3]); но и въ обратномъ случаѣ, если самъ землевладѣлецъ обыкновенно платилъ за половника, то, не говоря о томъ, что, при уплатѣ податей изъ доли землевладѣльца трудно понять въ чемъ именно состояла «тяглая» роль половника, онъ, вѣроятно, не былъ обязанъ участвовать въ общемъ разрубѣ, почему между землевладѣльцами и тяглыми крестьянами возникали споры о томъ, платить ли вотчинникамъ сборы «особь статьею» или же «быть платежемъ вмѣстѣ съ крестьянскими деревнями» (стр. 162, 170). Наконецъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что тяглецы, поступая въ общину, обязывались не только тянуть тягло, но

---

1) Р. И. Б., т. XIV, стб. 61, 91—115, 354, 385, 876, 942, 948, 966 и 1135. Порядныя на короткій, годовой, срокъ встрѣчаются еще въ концѣ XVII вѣка, напр., въ 1687 году (Р. И. Б., т. XII, стб. 836).

2) Р. И. Б., т. XII, стб. 836.

3) Г. Шмелевъ, Op. cit., стб. 561; П. Ивановъ, Op. cit., стб. 437; П. Рожковъ, Op. cit., стр. 162—163.

и сообща выплачивать общинные долги; трудно сказать, въ какой мѣрѣ половники принимали на себя такую отвѣтственность; намеки на платежъ ими текущихъ сборовъ «особь статьею» указываютъ какъ бы на то, что они не были подвержены ей. Припоминая все вышесказанное, мы едва ли согласимся признать тожество между состояніемъ половниковъ и крестьянъ; весьма вѣроятно, впрочемъ, что частью подъ вліяніемъ притязаній тяглыхъ общинъ, частью подъ возраставшимъ давленіемъ землевладѣльцевъ положеніе половниковъ въ податномъ отношеніи естественно стало приближаться къ условіямъ, въ которыхъ жили крестьяне, сидѣвшіе на частновладѣльческихъ земляхъ.

Приведенные факты и соображенія не исчерпываютъ, конечно, богатаго содержанія тѣхъ частей книги г. Дьяконова, которыя посвящены изученію постепеннаго ограниченія права вольнаго перехода; замѣтимъ только, что авторъ очерковъ справедливо сосредоточилъ свое вниманіе на подобнаго рода стѣсненіяхъ, поскольку они были обусловлены прикрѣпленіемъ сельскаго населенія къ своему тяглу; впрочемъ, иногда тяглецъ, подыскавшій вольнаго человѣка, готоваго взамѣнъ его отбывать тягло, пользовался правомъ перехода[1]); но въ виду возраставшей затруднительности такой комбинаціи прикрѣпленіе къ тяглу въ большинствѣ случаевъ было, конечно, равносильно прикрѣпленію къ землѣ. Въ разбираемомъ нами сочиненіи не мало наблюденій, всегда основанныхъ на внимательномъ пересмотрѣ стараго матеріала и на самостоятельныхъ архивныхъ разысканіяхъ, придающихъ свѣжесть даже тѣмъ выводамъ автора касательно вышеуказаннаго процесса, которые давно уже были формулированы въ нашей литературѣ.

Перейдемъ къ бѣглому обзору второго изъ намѣченныхъ нами процессовъ прикрѣпленія къ тяглу, который характеризуется превращеніемъ бобылей-оброчниковъ въ тяглецовъ. По мнѣнію г. Дьяконова, бобыли первоначально не тянули тягла. Данныя писцовыхъ книгъ 1580 и 1592—1594 гг., а также другіе памятники свидѣтельствуютъ въ пользу того, что «бобыльскіе дворы были обособлены отъ крестьянскихъ и въ повинностномъ отношеніи: они [? т. е. владѣльцы ихъ] платили только оброкъ и не несли тягла, а потому и не были положены ни въ выти ни въ сохи» (стр. 213). Лишь указы о живущей четверти 1630—1631 г. измѣнили положеніе бобылей. Ни въ вышеприведенномъ отрывкѣ, ни въ другихъ мѣстахъ своего четвертаго очерка г. Дьяконовъ, однако, не выясняетъ, что онъ въ данномъ случаѣ разумѣетъ подъ оброкомъ, владѣльческій ли сборъ или государственную подать и тѣмъ самымъ можетъ легко ввести въ заблужденіе

1) М. Дьяконовъ, Op. cit., стр. 11—16; 98 и слѣд.; ср. приложеніе, № 12.

читателя относительно истиннаго положенія бобылей съ финансовой точки зрѣнія. Г. Дьяконову, конечно, хорошо извѣстно, что интересующій насъ терминъ имѣлъ и то, и другое значеніе, почему автору и слѣдовало точнѣе выяснить, въ какомъ смыслѣ употребилъ онъ его въ выше цитованномъ текстѣ? Въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв. владѣльческій оброкъ былъ, разумѣется, противуположенъ тяглу, но оброкъ, замѣнявшій нѣкоторые виды прямыхъ налоговъ (которыми облагалось недвижимое имущество) и падавшій на лицъ, иногда лишенныхъ усадебной осѣдлости, но тѣмъ не менѣе подлежавшихъ обложенію по своимъ промысламъ, былъ лишь своеобразнымъ способомъ взимать пониженные государственные сборы. Уже въ грамотахъ XIV вѣка встрѣчаются примѣры взиманія дани «по оброку» или, какъ сказано въ одной жалованной грамотѣ 1418 г. «оброка въ дань»; случаи замѣны разнаго рода податей оброкомъ, иногда выплачиваемаго и самими крестьянами, хорошо извѣстны намъ по памятникамъ XV и XVI вв., не говоря о XVII-мъ [1]). Впрочемъ бобыли, жившіе въ чужихъ дворахъ, напримѣръ, подсусѣдниками или наймитами, едва ли постоянно платили такой оброкъ; въ писцовыхъ книгахъ его взимаютъ обыкновенно съ бобылей, владѣвшихъ дворами, т. е. усадебной осѣдлостью, и, вѣроятно, занимавшихся какими нибудь промыслами [2]): правительство примѣняло его вообще къ лицамъ, не имѣвшимъ пашни, но тѣмъ не менѣе подлежавшимъ обложенію. Въ писцовыхъ книгахъ 1580—1581 г. по Микулинскому уѣзду помѣщено, напримѣръ, описаніе села Лотошина, въ которомъ оказалось 24 двора непашенныхъ крестьянъ. Писцы «тѣ непашенные дворы пооброчили, потому что въ сошномъ письмѣ не пригодятца... и нынѣ оброку имъ платити въ великаго князя казну въ дворцовый приказъ за ямскія и за приметныя деньги и за мелкой доходъ и за иные всякіе подати на годъ... столько то» [3]). Въ данномъ случаѣ, какъ видно, оброкъ платили крестьяне, сходные съ бобылями по своимъ занятіямъ. Такой порядокъ, повидимому, примѣнялся и не къ однимъ крестьянамъ, лишеннымъ пашенныхъ участковъ. Въ Бѣлоозерѣ, напримѣръ, въ 1618 г. числилось 11 разсыльщиковыхъ дворовъ; «а въ сошное письмо, читаемъ мы въ писцовой книгѣ города, разсыльщиковы дворы, живущіе и пустые, съ посадскими людьми въ окладъ же не положены, потому что они у государева дѣла въ разсылкѣ неотступно; а по-

---

1) А. Э., т. I, №№ 9, 217, 243, 256 и 323; т. II, № 69; А. И., т. I, №№ 25, 106 и 142; Р. И. Б., т. II, № 37 и мн. др.

2) Н. Рожковъ, Op. cit., стр. 240. К. Неволинъ, о пятинахъ и погостахъ въ Зап. Геогр. Общ., т. VIII, прил. V.

3) Писц. кн. Московскаго госуд., изд. Н. Калачевымъ, т. I, ч. 2, стр. 335. Хотя въ началѣ описанія жители села Лотошина и не названы «крестьянами», однако нѣсколько ниже имъ присвоено такое наименованіе; въ итогахъ писцовыхъ книгъ «непашенные» отличаются отъ бобылей. Срав. Н. Рожковъ, Op. cit., стр. 240.

ложенъ на нихъ денежный оброкъ противъ прежняго за всякіе подати съ человѣка по гривнѣ», т. е. въ томъ именно размѣрѣ, въ которомъ его обыкновенно платили и бобыли [1]). Въ приведенномъ отрывкѣ довольно ясно обнаруживается финансовое значеніе оброка, какъ подати болѣе легкой, чѣмъ остальные виды прямыхъ налоговъ.

Не различая владѣльческаго оброка отъ государственнаго сбора, именуемаго тѣмъ же терминомъ, г. Дьяконовъ, наоборотъ, слишкомъ рѣзко настаиваетъ на полной обособленности бобылей отъ разрядовъ тяглецовъ (стр. 211). Въ большинствѣ случаевъ, дѣйствительно, лица, обложенныя оброкомъ, верстались между собою особо отъ нихъ. Въ писцовыхъ книгахъ, напримѣръ, встрѣчаются распоряженія о томъ, что «крестьяномъ верстатись въ оброкѣхъ промежъ себя самимъ, смотря по пашнѣ и по угодью, а бобылямъ верстаться промежъ себя смотря по промысломъ и по животомъ» [2]). Тѣмъ не менѣе сохранились указанія и на иного рода практику. Въ писцовыхъ книгахъ Новгородскаго уѣзда 1628—1629 гг. встрѣчается, напримѣръ, любопытное извѣстіе о томъ положеніи, въ какомъ находились бобыли Шальскаго погоста. По сказкѣ мѣстныхъ жителей «тѣ бобыли ловили рыбу и продавали и иными мелкими товарами торговали; а оброкъ они платили въ міръ, помогая мірскими оклады, а не въ государеву казну..., а нынѣ, прибавили писцы, по государеву указу на тѣхъ бобылей положенъ денежный оброкъ», т. е. такой, который они, вѣроятно, должны были платить въ казну [3]). Въ данномъ случаѣ, какъ видно, бобыли первоначально, кажется, не были обособлены отъ тяглецовъ, ибо платили оброкъ по мірскому окладу, хотя позднѣе ихъ положеніе измѣнилось въ силу приведеннаго распоряженія.

Выше было указано, что въ началѣ XVII в. пашенные бобыли уже встрѣчаются въ частновладѣльческихъ хозяйствахъ. Г. Дьяконовъ не выясняетъ ихъ финансоваго положенія; оставались ли они по прежнему оброчниками или мѣняли оброкъ на тягло? «Податныя [?] отношенія бобылей къ землевладѣльцамъ, по мнѣнію автора, осложнялись въ случаѣ, если бобыли принимали обязательство по уплатѣ государственнаго тягла», причемъ такое условіе заключалось тогда, «когда бобыль порядился на пашню» (стр. 238—239). Приводимыя авторомъ ссылки относятся, однако, ко второй половинѣ XVII вѣка и не содержатъ указаній на матеріалы для рѣшенія предложеннаго вопроса во всей его полнотѣ.

---

1) Книги Бѣлозерскаго города и посада и бѣлозерскаго уѣзду монастырскимъ вотчинамъ Троецкаго монастыря на усть Шекснѣ рѣкѣ да Кирилловы пустыни бѣлаго Новозерскаго монастыря письма и дозору Г. Н. Квашнина да подьячего И. Дементьева 7126 г. въ Спб. Духовн. Акад., Кир., № 79/1318, л. 87 об.

2) К. Неволинъ, Op. cit., стр. 130—131; ср. Писц. кн. Моск. Госуд., т. II, стр. 335.

3) Олонец. губ. вѣд. за 1849 г., № 1.

Возрастаніе численности бобылей, по мнѣнію г. Дьяконова, вызвала и ту податную реформу, которая состояла въ введеніи новой окладной единицы — живущей четверти, въ которую стали «класть» не только крестьянскіе, но и бобыльскіе дворы. «Привлеченіе бобылей, пишетъ авторъ, къ тяглому обложенію неизбѣжно вынудило Московское правительство отказаться отъ сошнаго обложенія и перейдти къ дворовому, такъ какъ у бобылей никакой запашки не было, а единственнымъ ихъ имуществомъ, могущимъ подлежать обложенію, былъ дворъ. Естественно также, что новыя правила окладного счета не могли примѣняться къ однимъ лишь бобылямъ, а должны были распространиться и на крестьянъ, такъ какъ именно съ ними, какъ съ тяглыми людьми, нужно было сопоставить [?] до тѣхъ поръ нетяглыхъ бобылей» (стр. 227). Теорія, предлагаемая г. Дьяконовымъ, едва ли вполнѣ годится для разъясненія реформы 1630—1631 гг. Нельзя сказать, чтобы бобыли не имѣли «никакой пашни» во время введенія новой окладной единицы; уже съ начала XVII в. мы знаемъ пашенныхъ бобылей; они также встрѣчаются и в[illegible]цовыхъ книгахъ 1620-хъ годовъ, хотя численность ихъ уступаетъ количеству безпашенныхъ[1]). Далѣе, формулируя свою теорію, г. Дьяконовъ какъ бы забываетъ, что дворы бобылей не были совершенно свободны отъ государственныхъ податей (см. выше); мы видѣли, что бобыли иногда не стояли обособленно отъ тяглецовъ; и, наоборотъ, послѣ реформы 1630—1631 гг. они все же иногда продолжали верстаться особо, въ чемъ, можетъ быть, главнымъ образомъ и состояло отличіе бобыльскаго тягла отъ крестьянскаго (ср. стр. 239). Наконецъ, если даже и предположить, что живущая четь введена была въ виду привлеченія бобылей къ тяглому обложенію, во всякомъ случаѣ авторъ очерковъ не выяснилъ, какимъ образомъ и для чего въ «живущія чети» попали крестьянскіе дворы. Увеличеніе числа бобылей могло, конечно, оказаться *одною* изъ причинъ реформы, а практика обложенія дворовымъ оброкомъ должна была пригодиться и при окладѣ живущей четверти[2]); признавать, однако, привлеченіе бобылей къ тяглу единственной причиной реформы, получившей общую формулировку въ указахъ 1630—1631 гг. намъ кажется едва ли возможнымъ. Впрочемъ, такъ какъ авторъ лишь мимоходомъ касается причинъ новаго порядка, изучая главнымъ образомъ одни послѣдствія его введенія для самихъ бобылей, то и мы считаемъ излишнимъ долѣе останавливаться здѣсь на обсужденіи предлагаемаго имъ объясненія.

Какъ бы то ни было въ реформѣ, благодаря которой на ряду съ сошнымъ письмомъ для взиманія многихъ государственныхъ налоговъ появи-

1) См. прим. 1-е на 160 стр.

2) А. Лаппо-Данилевскій, Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ, Спб., 1890 г., стр. 243—244.

лась новая окладная единица — живущая четверть, бобыли дѣйствительно были «привлечены къ тяглому обложенію», т. е., говоря точнѣе, были превращены изъ плательщиковъ двороваго оброка въ тяглецовъ, продолжавшихъ, однако, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, верстаться особо отъ крестьянъ.

Итакъ, прикрѣпленіе къ тяглу, какъ видно, сказалось въ двойномъ направленіи московской политики: съ одной стороны правительство старалось ограничить право вольнаго перехода, съ другой — попыталось распространить тягло — на оброчниковъ и такимъ образомъ подчинить тяглу возможно большее количество платежныхъ силъ сельскаго населенія Московскаго государства въ XVI—XVII вв.

Въ XVII в., однако, какъ мы видѣли, значительно возросъ контингентъ и такихъ лицъ, которыя вовсе еще не входили въ составъ платежныхъ силъ населенія; ближайшей задачей правительственной политики стало — привлеченіе ихъ къ обложенію. Г. Дьяконовъ не разсматриваетъ съ указанной нами точки зрѣнія тѣхъ правительственныхъ мѣропріятій, которыя должны были задержать превращеніе временной зависимости лицъ, вышедшихъ изъ тягла, отъ своихъ господъ въ потомственную, и, слѣдовательно, способствовать возвращенію ихъ въ тяглое состояніе; таковъ, напримѣръ, финансовый смыслъ указовъ 1586, 1597 и 1607 гг. о кабальныхъ холопахъ; авторъ также не попытался разрѣшить той противуположности, которая, повидимому, существовала между статьею судебника, допускавшей самопродажу крестьянина, «съ пашни въ полную въ холопи» и вышеназванными законами; онъ не остановился, наконецъ, и на выясненіи смысла послѣднихъ, далеко не во всѣхъ отношеніяхъ вполнѣ яснаго [1]). Такія же колебанія замѣтны и въ черновомъ проектѣ судебника царя Ѳеодора Ивановича, составленнаго не позднѣе 1589 года; въ немъ опущены статьи о переходѣ пашенныхъ крестьянъ въ холопы и о томъ, чтобы владѣльцы не держали слугъ безъ крѣпостей; далѣе въ немъ же ростъ по кабаламъ ограниченъ пятилѣтнимъ срокомъ и договоръ вольнаго найма измѣненъ въ пользу наймита, что какъ будто свидѣтельствуетъ о наклонности правительства нѣсколько оградить временно-зависимыя состоянія сельскаго населенія отъ рабства; въ тотъ же судебникъ, однако, были внесены и новыя правила о томъ, чтобы «кабалы писати на крестьянъ вдвое», и не давать суда на основаніи актовъ, укрѣплявшихъ сдѣлки на срокъ болѣе пятнадцати лѣтъ, но не въ случаѣ должникъ откажется признать ихъ, какъ узаконено было раньше, а только «безъ государева вѣдома»; статьи подобнаго рода едва ли

1) Судебникъ 1550 г., ст. 88, А. И., т. II, № 85.

согласны съ вышеуказанной тенденціей[1]). Наконецъ, послѣдующее законодательство, дозволяя переходъ пашенныхъ крестьянъ въ холопы и запретивъ «держать холопа безъ кабалы, хотя бы одинъ день» (указъ 1607 года), тѣмъ не менѣе въ указѣ 1626 года дѣйствительно удержало пятилѣтній срокъ роста по кабаламъ и оставило безъ вниманія послѣднія два правила, проектированныя въ 1589 году[2]). Слѣдовательно, колебанія правительства относительно того, какъ опредѣлить въ законѣ положеніе зависимыхъ состояній населенія, въ особенности кабальнаго холопства, отразившіяся въ проектѣ 1589 года, нельзя объяснять одними только кодификаціонными промахами его составителей, тѣмъ болѣе, что такія же колебанія замѣтны и въ Уложеніи 1649 года, гдѣ, впрочемъ, уже явно обнаружилось стремленіе законодателя оградить крестьянъ отъ кабальной неволи[3]). Г. Дьяконовъ къ сожалѣнію не воспользовался своими обширными знаніями въ области рукописнаго матеріала для выясненія вышеуказанной политики московскаго правительства: въ своихъ изслѣдованіяхъ авторъ довольствуется изученіемъ процесса привлеченія «разночинцевъ» къ обложенію лишь постольку, поскольку онъ обнаружился въ исторіи задворныхъ холоповъ и монастырскихъ дѣтенышей.

Постепенное зачисленіе задворныхъ холоповъ первоначально самими владѣльцами ихъ, а потомъ и правительствомъ въ тягло уже обратило на себя вниманіе изслѣдователей. Въ своемъ изложеніи г. Дьяконовъ подтверждаетъ болѣе или менѣе установившіяся мнѣнія, формулируя ихъ яснѣе. Напрасно, однако, авторъ не обратилъ бо́льшаго вниманія на ту постепенность, съ которою происходилъ вышеуказанный процессъ. Еще при взятіи Новгорода въ 1478 г., напримѣръ, князь великій «пожаловалъ» владыку новгородскаго «со всѣми своими отъ всего города», «что имати ему (великому князю) одинова на годъ дань съ сохи по полугривнѣ со всѣхъ волостей Новугородскихъ и на Двинѣ и въ Заволочьѣ, на всякомъ, кто ни пашетъ землю, и на ключникахъ и на старостахъ и на одерноватыхъ»[4]). Въ приведенномъ случаѣ, какъ видно, къ уплатѣ «дани» были привлечены и холопы, пахавшіе землю. Распоряженіе 1478 года, вѣроятно, принадлежало къ разряду чрезвычайныхъ; но самая возможность такихъ мѣропріятій по-

1) Судебникъ ц. Θедора Ивановича 1589 г., М. 1900 г., ст. 23 и 148. Г. Дьяконовъ, конечно, не могъ еще воспользоваться вышеназваннымъ памятникомъ по крайней мѣрѣ въ печатномъ видѣ; А. И., т. I, № 221, I. Весьма замѣчательна также статья проекта на основаніи государева указа уничтожавшая правило «по холопѣ раба» (ст. 137), согласная съ тенденціей, указанной въ текстѣ, и подтверждающая её дѣйствительное существованіе.

2) А. И., т. II, № 85; т. III, № 92, XIV.

3) В. Ключевскій, Предварительныя историко-критическія соображенія о проектѣ судебника 1589 г. при изд. его 1900 г., стр. XXXV—XXXVI; ср. Уложеніе, XX, 113.

4) П. С. Р. Л., т. VI, стр. 217.

казываетъ, что привлеченіе холоповъ къ тяглу имѣетъ свою длинную исторію, которую г. Дьяконовъ не подвергъ должному изученію. Впрочемъ, опредѣленныя свѣдѣнія о платежѣ податей холопами, какъ явленіи болѣе или менѣе постоянномъ, мы имѣемъ лишь за XVII вѣкъ. Уже были указаны въ литературѣ случаи подобнаго рода, относящіеся къ началу столѣтія [1]). Замѣтимъ только, что къ серединѣ XVII в. задворные холопы начинаютъ, повидимому, обращать на себя вниманіе правительства. Недавно было высказано мнѣніе, что «переписныя книги 7186 г. впервые ввели подъ особой рубрикой задворныхъ людей» [2]); намъ извѣстны, однако, переписныя книги 7154 г., въ которыхъ уже существуетъ указанная рубрика [3]). Въ періодъ времени между переписными книгами 1646 и 1678 г. нѣсколько разнообразныхъ податей велѣно было взимать между прочимъ и съ задворныхъ людей [4]). Между тѣмъ, г. Дьяконовъ ограничивается указаніемъ на перепись 1677—1678 гг. и на послѣдующіе указы, въ силу которыхъ задворные люди были вообще привлечены къ прямому обложенію. Дѣйствительно, въ то время тяглое положеніе задворныхъ холоповъ опредѣлилось, что и выясняетъ авторъ въ пятомъ очеркѣ. «Перепись 1677—1678 годовъ, пишетъ онъ, установила весьма замѣтное увеличеніе числа нетяглыхъ дворовъ. Быть можетъ, она и предпринята была не безъ этой цѣли. За неимѣніемъ подлиннаго указа о производствѣ переписи въ настоящее время можно только угадывать цѣли и намѣренія законодателя. Въ наказахъ писцамъ стояло точное предписаніе о переписи не только крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, но также дворовъ задворныхъ и дѣловыхъ людей, о чемъ прямо упоминаютъ писцы, и что подтверждается всѣми переписными книгами, перечисляющими особо дворы задворныхъ людей» (стр. 269). Далѣе авторъ вполнѣ соглашается съ мнѣніемъ о томъ, «что появленіе задворныхъ и дѣловыхъ людей въ качествѣ плательщиковъ связано съ составленіемъ переписныхъ книгъ 1678 года» и лишь подтверждаетъ приведенную имъ догадку новыми документальными данными (стр. 271 и сл.). «Въ силу приговора 1679 г., 2 сентября, задворные люди были зачислены въ разрядъ тяглыхъ людей» (стр. 279). Послѣ реформы 1679 г. съ нихъ взимаютъ не только чрезвычайные сборы на удовлетвореніе военныхъ нуждъ, которыя иногда падали на лицъ не принадлежавшихъ къ тяглецамъ и, наоборотъ, обременяли не всѣхъ тяглецовъ, а и постоянные прямые налоги (стрѣлецкій хлѣбъ, ямскія и полоняничныя деньги), уплата которыхъ дѣйствительно превращала задворныхъ людей въ тяглецовъ (стр. 273, 275). Приведен-

1) В. Ключевскій, Подушная подать и пр. въ Рус. Мыс. за 1886 г. кн. X, стр. 14.
2) П. Милюковъ, Государственное хозяйство и пр., Спб., 1891 г., стр. 643, прим.
3) Писц. кн. Ярославск. уѣзда 7154 г. въ Арх. Мин. Юст., кн. 551 (Описаніе № 2948).
4) А. Лаппо-Данилевскій, Op. cit., стр. 153—154.

ные выводы г. Дьяконова, какъ видно, придаютъ новое освѣщеніе реформѣ 1679 года; ихъ должно признать драгоцѣннымъ вкладомъ въ позднѣйшую исторію привлеченія задворныхъ людей къ тяглому обложенію [1].

Большею новизною отличаются наблюденія г. Дьяконова надъ тѣмъ же процессомъ, поскольку онъ захватилъ монастырскихъ дѣтенышей, вообще до любопытныхъ розысканій автора очень мало извѣстныхъ въ нашей литературѣ. На основаніи немногихъ позднѣйшихъ данныхъ онъ признаетъ весьма вѣроятнымъ предположеніе, что при введеніи новаго податного оклада (въ 1620-хъ годахъ) дворы монастырскихъ служекъ и дѣтенышей (такъ же какъ и задворныхъ людей) еще не включались въ счетъ дворовъ, положенныхъ въ живущую четверть (стр. 314). Въ виду скудости извѣстій о реформѣ 1679—1681 гг., автору не удалось разыскать указа, въ силу котораго владѣльцы такихъ дворовъ были бы привлечены къ обложенію; тѣмъ не менѣе на основаніи болѣе частныхъ указовъ 1686 года онъ приходитъ къ заключенію, что служки и дѣтеныши, проживавшіе особыми дворами, опять-таки по примѣру задворныхъ холоповъ, положены были въ дворовое число 1677—1678 гг. и въ окладъ по сбору ямскихъ и полоняничныхъ денегъ, а также стрѣлецкаго хлѣба (стр. 316). Такимъ образомъ, въ примѣненіи податной реформы конца XVII вѣка къ населенію монастырскихъ вотчинъ г. Дьяконову не удалось обнаружить какихъ либо существенныхъ отличій отъ примѣненія ея къ задворнымъ людямъ. Лишь въ отношеніи самого духовенства къ мѣропріятіямъ правительства можно указать добавочную черту въ исторіи реформы: на основаніи указовъ 1686 г. не трудно возстановить ту «глухую и упорную борьбу, какую вели духовныя и монастырскія власти противъ невыгодныхъ для нихъ новшествъ» (стр. 319—320). Сопротивленіе ихъ однако не могло оказать большой задержки естественному ходу реформы. «Монастырскіе разночинцы, какъ справедливо заключаетъ свой очеркъ г. Дьяконовъ, испытали, такимъ образомъ, одинаковую судьбу съ задворными и дѣловыми людьми (проживавшими особыми дворами), т. е. зачислены были въ тягло послѣ того, какъ сыграли совершенно одинаковую роль, первые — въ монастыр-

---

1) Характерна между прочимъ отписка, данная мѣстными властями въ пріемѣ податей съ задворнаго холопа отъ его господина. Приводимъ её здѣсь въ виду того, что г. Дьяконовъ ею не воспользовался: «194 Декабря въ 3 день по указу великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ и по грамотѣ изъ ямского приказу взято въ казну великихъ государей на Коширѣ въ приказной избѣ Коширскаго уѣзду съ помѣстья Исая Григорьева сына Картина деревни Шепелевой съ одного двора задворнаго человѣка ямскихъ и полоняничныхъ денегъ на нынѣшней на 194 годъ десять денегъ. Платилъ Исай Картинъ. Къ сей отписи воевода Матвѣй Григорьевичъ Губинъ печать свою приложилъ». При отписи дѣйствительно сохранилась и воеводская печать (Описи собранія Н. Бѣляева въ Румянц. и Публичн. музеѣ, ящикъ 23).

скихъ хозяйствахъ, а вторые въ имѣніяхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ» (стр. 321).

Привлеченіе къ обложенію частновладѣльческихъ слугъ, жившихъ особыми дворами въ имѣніяхъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ, какъ видно, оказывается существеннымъ моментомъ въ исторіи прикрѣпленія сельскаго населенія Московскаго государства къ тяглу. Правительство, первоначально обратившее вниманіе лишь на ограниченіе права перехода тяглаго населенія, мало по малу убѣдилось въ томъ, что послѣдній не исчезъ внутри каждаго имѣнія, гдѣ его отчасти замѣнилъ выходъ изъ состава тяглецовъ въ какой-нибудь разрядъ владѣльческихъ слугъ, не платившихъ податей. Мѣры правительства, направленныя къ ограниченію такого выхода, не возымѣли надлежащаго дѣйствія; оставалось, поэтому, одно только средство: возможно болѣе уравнять въ податномъ отношеніи положеніе холоповъ и сельскихъ тяглецовъ. Московское правительство такъ и сдѣлало; въ послѣдней четверти XVII в. оно зачислило частновладѣльческихъ слугъ, жившихъ особыми дворами, въ тяглецы наряду съ крестьянами, чѣмъ и способствовало слiянію ихъ между собою, предуготовившему образованіе крѣпостного состоянія въ XVIII вѣкѣ.

Постоянныя колебанія финансовой политики Московскаго правительства, по скольку она имѣла значеніе для сельскаго населенія, сидѣвшаго на частновладѣльческихъ земляхъ, не разъ обращали на себя вниманіе г. Дьяконова. Тѣмъ не менѣе, онъ, какъ намъ кажется, напрасно опустилъ изъ виду тѣ именно отклоненія, которыя особенно характерны въ только что указанномъ отношеніи. Принципіально ограждая личность и имущество плательщика отъ чрезмѣрнаго давленія на нихъ частныхъ землевладѣльцевъ, вреднаго для тягла, Московское правительство, однако, само распоряжалось крестьянами по своему усмотрѣнію особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда оно жертвовало интересами тяглецовъ въ пользу служилыхъ людей; приведемъ одинъ примѣръ изъ исторіи помѣстной системы на южной украйнѣ. Въ 1636—1637 гг. «многіе челобитчики» били челомъ «великому государю о томъ, что писцы, повидимому въ разныхъ уѣздахъ, отдѣлили въ помѣстьяхъ дѣтемъ боярскимъ, рейтаромъ и салдатомъ и иноземцомъ, всякихъ чиновъ людемъ разныхъ городовъ, которые были на государевѣ службѣ подъ Смоленскомъ, новыхъ помѣщиковъ не противъ государева указу и крестьянъ и бобылей по дачамъ по ровну не изверставъ; а отдѣлили на дачя на сто четвертей крестьянъ и бобылей человѣкъ по 3 и по 4 и по 7 и по 8 и по 9 и по 10, а иныхъ немногихъ и по 12 и больше». Согласно челобитью вскорѣ вышелъ указъ о томъ, чтобы «въ Серпѣйскомъ уѣздѣ въ помѣстныхъ земляхъ новымъ помѣщикомъ на ихъ дачи крестьянъ и бобылей изверстать поровну;

а кому (изъ) помѣщиковъ давано крестьянъ и бобылей не противъ ихъ дачъ много, изъ-за тѣхъ помѣщиковъ указалъ государь крестьянъ вывезти и дать на тѣ дачи, кому давано крестьянъ мало, чтобъ впредь ни кто ни на кого государю въ крестьянехъ не билъ челомъ». Писцы должны были сообразовывать свою дѣятельность съ приведеннымъ нами указомъ; они верстали «крестьянские и бобыльские дворы на новыя помѣстныя дачи по ровну на 100 четвертей по два двора крестьянскихъ да по двору бобыльскому, а на новые (?) дачи противъ того-жъ». Такъ, по крайней мѣрѣ, было въ Серпѣйскомъ уѣздѣ, въ 7144—7145 гг., а можетъ быть и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ государства [1]). Другое отклоненіе московской финансовой политики отъ общаго ея направленія, вызванное слабымъ развитіемъ мѣстнаго управленія въ государствѣ, состояло въ надѣленіи правительствомъ частныхъ владѣльцевъ служебными полномочіями, благодаря которымъ они превращались, впрочемъ, не безъ вліянія постороннихъ обстоятельствъ, въ «государей», а подчиненное имъ населеніе въ «подданныхъ». Въ частности роль землевладѣльцевъ, какъ мелкихъ органовъ финансоваго управленія и постепенно возраставшая податная отвѣтственность ихъ передъ правительствомъ въ исправности сборовъ сильно способствовали подобнаго рода превращенію, а слѣдовательно и усиленію власти и злоупотребленій землевладѣльцевъ надъ своими крестьянами [2]). Такимъ образомъ, придавая тяглое значеніе частнымъ факторамъ прикрѣпленія, московское правительство само лишало себя возможности безусловно оградить личность и имущество плательщика отъ произвола землевладѣльцевъ, что, разумѣется, должно было породить съ теченіемъ времени крайне вредныя послѣдствія и для самой казны. Изученіе столь существенныхъ уклоненій московской финансовой политики отъ общаго ея направленія, казалось, должно было бы найти себѣ мѣсто въ сочиненіи, главная тема котораго — «прикрѣпленіе сельскаго населенія Московскаго государства къ тяглу».

Нѣтъ сомнѣнія, однако, что «очерки» г. Дьяконова и по исторіи «отношенія каждаго изъ разрядовъ сельскаго населенія къ государственному тяглу за время XVI—XVII вѣковъ» содержатъ чрезвычайно обильный и

---

1) Писц. кн. Серпѣйскаго уѣзда 7144—7145 г. въ Имп. Публ. Библ., F. IV, № 462, л. 10. Впрочемъ, изъ этого правила, какъ и всегда, встрѣчаемъ исключенія. Такъ напр., «за Петромъ Ѳедоровымъ Абабуровымъ, Дмитровцомъ, въ помѣстьѣ данномъ за Смоленскую службу крестьянскіе его и бобыльские дворы написаны за нимъ безъ передѣлу по государеву указу, потому что по государеву новому указу и съ тѣхъ ево крестьянъ и бобылей лишнихъ людей передѣлять и въ роздачѣ никому опричь ево, Петра, давать не велѣно». (л. 330); ср. выше стр. 123 и слѣд.

2) Примѣръ злоупотребленій см. въ А. Э., т. I, № 313. Г. Дьяконовъ коснулся затрагиваемой нами темы въ спеціальной статьѣ: «Къ исторіи крестьянскаго прикрѣпленія». Спб. 1893 г., стр. 37—39. Часть ея вошла въ составъ «очерковъ», но не та, о которой въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь.

хорошо подобранный матеріалъ, постоянно освѣщаемый частными выводами автора. По нѣкоторымъ изъ вопросовъ можно было бы желать, конечно, болѣе внимательныхъ разысканій за время предшествовавшее XVII-му вѣку, что, вѣроятно, придало бы и большую ясность отвѣтамъ на нихъ, предлагаемымъ авторомъ. Пробѣлы, допущенные имъ въ своемъ изложеніи, не всегда оправдываются состояніемъ нашихъ знаній и «главною» темою его сочиненія: не только исторія указа 1597 года (и переписей населенія съ нимъ связаннаго), но и значеніе какъ тягла въ процессѣ частнаго прикрѣпленія, такъ и, наоборотъ, частныхъ факторовъ прикрѣпленія въ тяглѣ оставлены имъ безъ вниманія. Едва ли, однако, не главнымъ недостаткомъ въ изученіи процесса государственнаго прикрѣпленія г. Дьяконовымъ слѣдуетъ считать разбросанность его выводовъ и отсутствіе цѣльности въ изложеніи его, что и помѣшало ему опредѣлить соотношеніе, въ которомъ различныя направленія московской правительственной политики стояли другъ къ другу. Указанные нами промахи, впрочемъ, нисколько не умаляютъ существеннаго значенія каждаго изъ частныхъ разысканій автора: стремленіе его изучать не только общія нормы закона, но и практику Московскаго правительства въ ея жизненной обстановкѣ, придаютъ очеркамъ г. Дьяконова и въ области разсмотрѣнныхъ нами явленій государственнаго прикрѣпленія большую научную цѣнность.

VII.

«Историкъ, писалъ недавно одинъ изъ лучшихъ представителей современнаго намъ историческаго знанія, лишь тогда въ совершенствѣ можетъ изучить свой предметъ, когда онъ обладаетъ разнородными источниками, относящимися къ его области. Одни документы нужны ему для знакомства съ законнымъ порядкомъ вещей, а другіе — для раскрытія дѣйствительнаго ихъ положенія, со всѣми оттѣнками въ его практикѣ». Въ виду такой именно цѣли г. Дьяконовъ, приступая къ изученію исторіи сельскаго населенія Московскаго государства, обратился къ пересмотру не только печатнаго, но и рукописнаго матеріала, прикосновеннаго къ избранной имъ темѣ. Кто самъ нѣсколько работалъ въ нашихъ архивахъ надъ рукописями XVI—XVII вв., тому не трудно оцѣнить долготерпѣніе и трудъ, какіе понадобились г. Дьяконову для систематическаго просмотра множества документовъ, имѣющихъ существенное значеніе для исторіи прикрѣпленія сельскихъ жителей Московскаго государства къ тяглу: благодаря усидчивой работѣ сочиненіе автора послужитъ прочнымъ основаніемъ для новыхъ разысканій въ той же области явленій.

Несмотря на богатство собранныхъ имъ матеріаловъ, г. Дьяконовъ ограничился преимущественно ихъ анализомъ и воздержался отъ общихъ заключеній. Не повторяя здѣсь того, что было уже сказано выше въ нашемъ отзывѣ о такомъ именно характерѣ разбираемаго труда, замѣтимъ только, что анализъ г. Дьяконова обращенъ не столько на явленія и процессы, сколько на памятники и на общественныя группы, т. е. на объекты болѣе конкретнаго свойства, а въ сочиненіи его хотя и есть единство темы, но не всегда замѣтна цѣльность конструкціи. Осторожность автора, едва ли безусловно оправдываемая современнымъ состояніемъ нашихъ знаній, не помѣшало ему, однако, обогатить исторію нашего права цѣлымъ рядомъ прочно обоснованныхъ частныхъ выводовъ.

Историческая точка зрѣнія, правда, не всегда выдержана г. Дьяконовымъ, а изображеніе фактической обстановки, въ которой складывались интересующія его правоотношенія, вызываетъ иногда сомнѣнія въ читателѣ; такое впечатлѣніе производятъ, напримѣръ, разысканія автора о подмогѣ и ссудѣ, о старожильствѣ, о кабальномъ и задворномъ холопствѣ, и о правительственныхъ мѣрахъ привлеченія не тяглаго населенія къ обложенію; въ нѣкоторыхъ случаяхъ основные признаки важнѣйшихъ «институтовъ», какъ напримѣръ, старины едва ли правильно истолкованы автором, а въ другихъ — обнаруживаются пробѣлы не совсѣмъ понятные съ точки зрѣнія «главной темы» его труда (напр., о вліяніи холопской зависимости и власти землевладѣльцевъ надъ крестьянами на прикрѣпленіе). Тѣмъ не менѣе значительное большинство выводовъ, дѣйствительно сдѣланныхъ г. Дьяконовымъ, по крайнему нашему разумѣнію, слѣдуетъ признать правильными; крестьянскія порядныя, напримѣръ, прекрасно изучены имъ, значеніе старины въ процессѣ прикрѣпленія къ государственному тяглу впервые обстоятельно выяснено въ его «очеркахъ»; любопытны также многія частныя наблюденія автора надъ положеніемъ большинства изъ разрядовъ сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв. Весьма поучительны, далѣе, замѣчанія г. Дьяконова о вліяніи бытовыхъ условій на правопорядокъ XVI—XVII вѣка, хотя бы въ спорахъ, возникавшихъ между землевладѣльцами изъ за старожильцевъ, а также его указанія на отношенія между обычаемъ и закономъ, напримѣръ, при выясненіи того, насколько обычныя обязанности крестьянъ были мало опредѣлены въ законѣ. Въ заключеніе отмѣтимъ, что и тотъ медленный ростъ, какимъ отличалась исторія Московскаго законодательства, исполненнаго консерватизма въ соблюденіи старыхъ нормъ и постоянныхъ колебаній и ограниченій при введеніи новыхъ, также не разъ обращаетъ на себя вниманіе г. Дьяконова; въ этомъ можно убѣдиться изъ тѣхъ примѣровъ, которые уже были приведены нами выше при изложеніи выводовъ автора касательно законовъ о

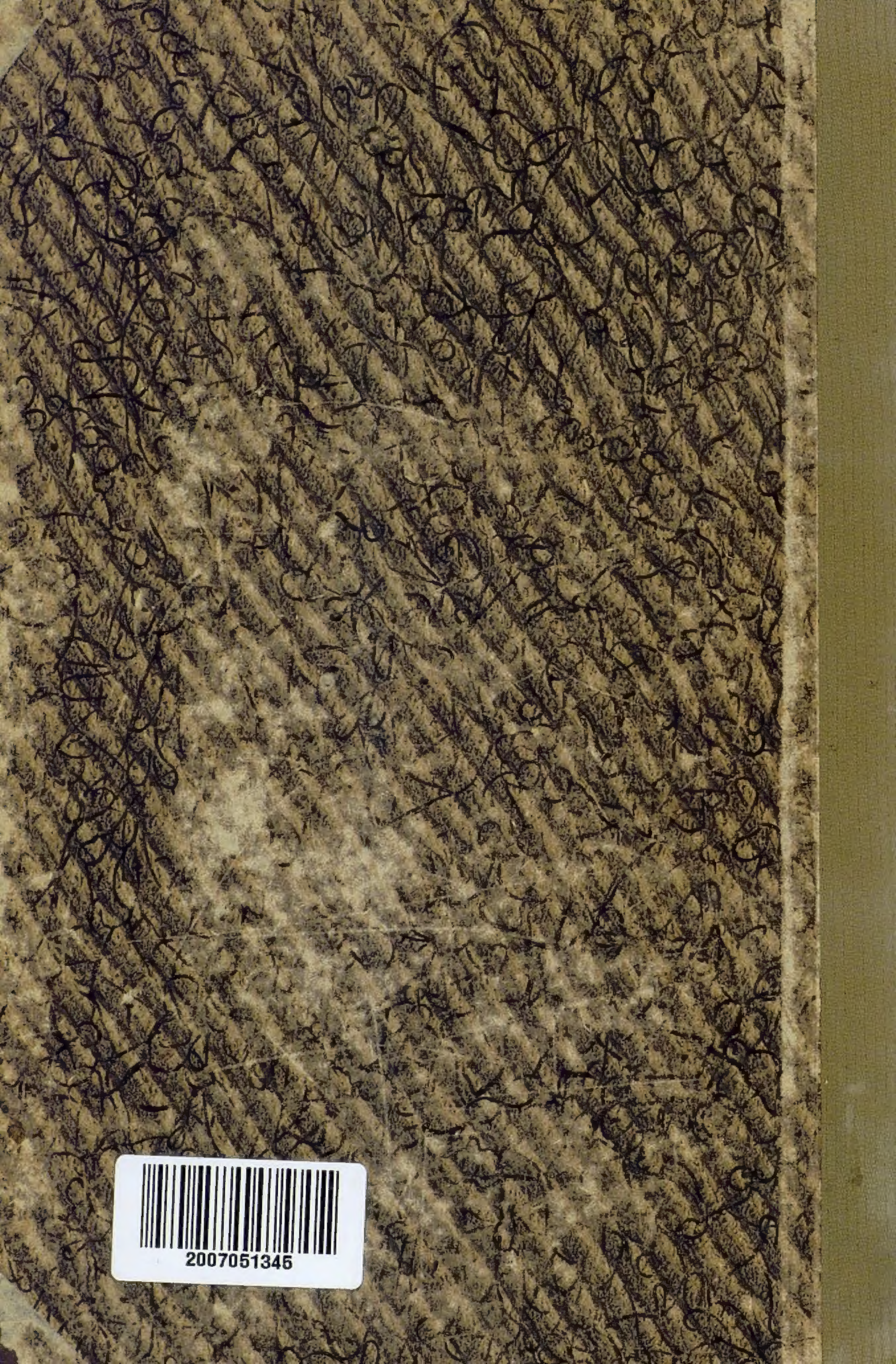
бѣглыхъ; переживаніе обычныхъ нормъ, не смотря на введеніе отмѣнявшаго ихъ новаго закона, въ свою очередь иллюстрируется въ книгѣ г. Дьяконова, напримѣръ, исторіей порядныхъ записей до и послѣ изданія Уложенія.

Всѣ вышеизложенныя качества сочиненія г. Дьяконова о сельскомъ населеніи въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв., безъ сомнѣнія, заслуживаютъ признанія со стороны научной критики: богатство матеріала, какъ печатнаго, такъ и рукописнаго, строгость въ пріемахъ ученаго изслѣдованія и обиліе частныхъ выводовъ даютъ намъ полное основаніе отвести почетное мѣсто «Очеркамъ» г. Дьяконова въ нашей ученой литературѣ по исторіи отечественнаго права, все еще довольно бѣдной такими трудами, въ которыхъ обширныя и разнообразныя фактическія знанія соединялись бы съ крупными научными достоинствами. Сочиненіе г. Дьяконова по исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв. можно признать, поэтому, вполнѣ заслуживающимъ преміи графа С. С. Уварова.



ЗАМѢЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ И ПРОПУСКИ:

		Напечатано:	*Должно быть:*
Стр. 15,	стр. 20 снизу	крестьяне, лишенные	крестьяне, вовсе не имѣвшіе или лишенные
» 25,	» 16 »	ими	имъ
» 27,	» 12 сверху	свойствъ,	свойствъ
» 76,	» 7 снизу	изъ	изъ
» 77,	» 16 »	сталъ	могъ сдѣлаться
» 79,	» 8 сверху	кабальные люди, которые	кабальные люди и которые
» 79,	» 3 снизу	Уложеніе, XX, 47,... и 61	Уложеніе XX, 9, 14, 15, 47,... 61, 63 и 81
» 82,	» 12 сверху	кабалу отъ крестьянской	кабалу отъ крестьянской порядной



2007051346